

Цитаты номера

Несмотря на выход из тени, Пекин не намерен проводить блоковую политику, создавать антиамериканские альянсы и переходить к открытой конфронтации с США. Тем более Китай пока не готов делать акцент исключительно на военных методах отстаивания своих интересов. Значит, необходим некий обходной маневр, в котором жесткая сила будет далеко не главным компонентом, а правила игры будут меняться постепенно по мере укрепления позиций Китая и ослабления позиций его главного геополитического конкурента.

В восточных единоборствах учат пользоваться энергией партнера, чтобы добиваться собственных целей. Так же и с *Шелковым путем*, который подразумевает существенные инвестиции в инфраструктуру, которые очень нужны для беспрепятственного движения товаров на всем евразийском пространстве. Этот проект перекликается с нашими внутренними целями.

Кроме того, что в сборнике обозначаются основные претензии *Аль-Каиды* к ИГ, он интересен еще и тем, что это один из редких текстов авторства идеологов *Аль-Каиды*, в котором они призывают к отказу от чрезмерности. Обычно в радикализме и чрезмерности мусульманские богословы всего мира обвиняют саму *Аль-Каиду*. Это говорит о том, насколько неожиданным и непривычным оказался феномен ИГ для *старой школы* джихадизма.

При анализе перспектив *Шелкового пути* нужно учитывать, что Центральная Азия стала местом концентрации интересов многочисленных конкурирующих держав. Любопытно, что сегодня ЕС, США, Индия и другие игроки имеют свои как декларируемые, так и закрытые стратегии и планы в отношении нашего региона. Как их геэкономические стратегии сумеют ужиться в рамках ограниченного пространства — большой вопрос, тем более, что никто из участников Большой Игры, за исключением КНР, не готов масштабно инвестировать в развитие Центральной Азии.

Северокорейское ядерное досье — одна из немногих проблем международной политики, по которой между основными игроками существует почти консенсус. Казалось бы, договориться о совместных действиях в подобной ситуации должно быть легко. Однако на практике полной координации не получается — в первую очередь потому, что у основных игроков, помимо общего нежелания видеть Северную Корею ядерной державой, есть свои цели, которые превращают ядерный вопрос в относительно второстепенный.

Северокорейская ядерная проблема становится хорошей иллюстрацией того, почему в международной политике редко удается координировать действия равноправных партнеров.

Даже в обществах с относительно высокой толерантностью к публичной доступности данных онлайн-пользователей неизбежно осознание того, что пользовательское соглашение не вполне справедливо. Насколько собственные данные, используемые в коммерческих целях, — адекватная цена за бесплатные услуги веб-поиска, почтовые и прочие онлайн-сервисы и ИВ-технологии?

В ситуации, когда пользовательские данные все чаще воспринимаются как новая валюта XXI века, очевидно, что если предлагаемый вам товар бесплатный, то настоящий товар — вы сами.

Игорь
Денисов

Станислав
Воскресенский

Кямал
Гасымов

Тимур
Шаймергенов

Андрей
Ланьков

Александра
Куликова

Российский
журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (114) 2015

ПИР-Пресс представляет

Станислав
Воскресенский

Александр Габуев

Андрей Келин

Игорь Денисов

Кямал Гасымов

Александра
Куликова

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ КАК ВОСТОЧНОЕ
ЕДИНОБОРСТВО

ОБОЙТИСЬ БЕЗ ВАС: ПОЛИТИКА МОСКВЫ В АТР

НЕСОВЕРШЕННА И БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНА:
ОБСЕ КАК ПЛОЩАДКА ДИАЛОГА

ИЗ ГОСТЯ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ХОЗЯИНА:
О ГОТОВЯЩЕМСЯ ПРОРЫВЕ КИТАЯ

РАЗЛАД В СТАНЕ ДЖИХАДИСТОВ

АТАКА ХОЛОДИЛЬНИКОВ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ №3 (114), Том 21

ОСЕНЬ 2015

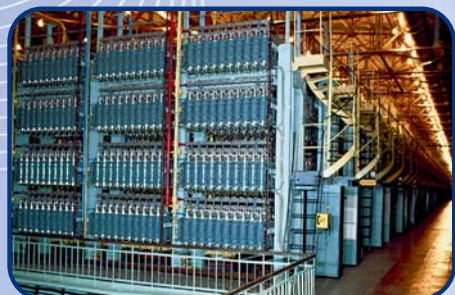
PIR PRESS

2734
1.07.2015

2762
1.08.2015

2741
1.09.2015

2771
1.10.2015

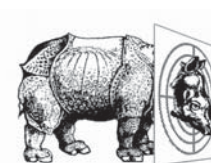
АО «Техснабэкспорт» (торговая марка TENEX) – внешнеторговая компания Госкорпорации «Росатом».

АО «Техснабэкспорт» обладает уникальным опытом более чем 40-летней деятельности на мировом урановом рынке.

АО «Техснабэкспорт» экспортирует услуги по конверсии и обогащению урана, а также обогащенный урановый продукт.

АО «Техснабэкспорт» поставляет урановую продукцию 37 энергокомпаниям из 17 стран мира и обеспечивает значительную часть потребностей АЭС зарубежного дизайна в услугах по обогащению урана. TENEX имеет сильные позиции на всех основных региональных сегментах мирового уранового рынка.

АО «Техснабэкспорт» является членом Всемирной ядерной ассоциации, Всемирного рынка ядерного топлива, Института ядерной энергии США, Японского атомного промышленного форума, Корейского атомного промышленного форума и Всемирного института ядерных перевозок.

ПРО ЯСНОСТЬ МЫСЛИ

— Хорошо, — сказал я. — Я тоже задам последовательность вопросов о местоположении.

— Задавай, задавай, — пробормотал Чапаев.

— Начнем по порядку. Вот вы расчесываете лошадь. А где находится эта лошадь?

Чапаев посмотрел на меня с изумлением.

— Ты что, Петька, совсем охренел?

— Прошу прощения?

— Вот она.

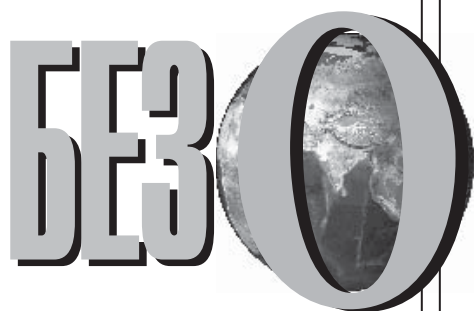
Несколько секунд я молчал. К такому повороту я совершенно не был готов.

К
О
Н
Ц
Е
Ц
И
Т
А
Т
Ы

Научно-практический
журнал

Выходит четыре раза
в год

Российский журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

Издается с ноября 1994 г.
(с 1994 по 2006 г. выходил
под названием «Ядерный
Контроль»)

ISSN 1992-9242

Non multa, sed multum

ИНДЕКС ПАСНОСТИ

№ 3 (114), Том 21
Осень 2015

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

Издается с ноября 1994 г. В период с 1994 до 2006 г.

выходил под названием *Ядерный Контроль*.

Выходит четыре раза в год.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-60198 от 17.12.2014 г.

16+. Для лиц старше 16 лет.

Учредитель

*Общество с ограниченной ответственностью
«ПИР-ПРЕСС»*

Редакционная коллегия

Ольга Сергеевна Мостинская — главный редактор

Сергей Борисович Брилев

Владимир Зиновьевич Дворкин

Дмитрий Геннадиевич Евстафьев

Василий Филиппович Лата

Евгений Петрович Маслин

Азер Ариф-оглы Мурсалиев

Владимир Андреевич Орлов

Дмитрий Валериевич Поликанов

Сергей Эдуардович Приходько

Сергей Алексеевич Рябков

Николай Николаевич Спасский

Екатерина Андреевна Степанова

Юрий Евгеньевич Федоров

Константин фон Эггерт

Михаил Владимирович Якушев

№ 3 (114), Том 21

Осень 2015

Дата выхода номера: 20.11.2015 г.

Редакция

Мостинская О.С., главный редактор

[mostinskaya@pircenter.org]

Труханова Е.А., технический редактор

Макеева Е.И., корректор

Адрес редакции и издателя

123242, г. Москва, ул. Дружинниковская,
д. 30, стр. 1

Интернет-представительство:

<http://si.pircenter.org>

Редакционная политика

Материалы *Индекса Безопасности* не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином виде без письменного разрешения издателя.

Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редакции и являются исключительно взглядами авторов.

Тираж (русская и глобальная версии) 1000 экз.

Свободная цена

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга», 115280, Москва, ул. Автозаводская, д. 25

© ПИР-Пресс, 2015

О Т Р Е Д А К Т О Р А

- 7 **О дорогих соперниках, ненужных союзниках и бесполезных уроках истории** — *Ольга Мостинская*

Коротко о последних событиях и основных материалах номера в редакционной статье главного редактора Ольги Мостинской.

Ключевые слова: АТР, поворот на Восток, Шелковый путь, ОБСЕ, терроризм, интернет вещей.

В Д Е С Я Т К У

- 10 **О стратегии и тактике**

И Н Т Е Р В Ь Ю

- 11 **Никакого поворота на Восток на самом деле нет** — *Станислав Воскресенский*

Ключевые слова: поворот на Восток, Шелковый путь, Китай, ТТП.

Серию материалов, посвященных хитросплетениям азиатско-тихоокеанской интеграции, публикуемых в этом номере, открывает интервью заместителя министра экономического развития Российской Федерации Станислава Воскресенского главному редактору *Индекса Безопасности*

- 17 **ОБСЕ наконец-то работает так, как должна была работать всегда** — *Андрей Келин*

Ключевые слова: ОБСЕ, ДЕБ, СММ, Венский документ.

- 21 **ОБСЕ остается единственной площадкой, где все заинтересованные стороны могут вести диалог о настоящем и будущем нашей общей системы безопасности** — *Антъе Лендертсе*

Ключевые слова: ОБСЕ, МДБ, СММ, ИКТ.

В августе 2015 г. мир отметил 40-летнюю годовщину подписания хельсинкского Заключительного акта. Своими взглядами о роли ОБСЕ, о ее текущей

работе, а также о возможных способах продвижения хельсинкского процесса и развития диалога, укрепления доверия и безопасности в интервью главному редактору *Индекса Безопасности* поделились Директор ДОС МИД РФ, постоянный представитель России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (2011–2015 гг.) Андрей Келин и глава рабочей группы по подготовке председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г. Антье Лендертсе.

А Н А Л И З

25 **Основные форматы многостороннего взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе** — *Наталья Стабран*

В преддверии саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества директор Российского центра исследований АТЭС при РАН-ХиГС подготовила настоящий путеводитель по интеграционным форматам АТР.

Ключевые слова: АТЭС, АСЕАН, ВАС, ВРЭП, ТТП.

37 **Азия не в курсе, или как Россия пытается интегрироваться в многосторонние структуры АТР** — *Александр Габуев*

Руководитель программы *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе* Московского Центра Карнеги Александр Габуев критически проанализировал поведение России в регионе и указал на причины, по которым наша страна недостаточно эффективно использует эти площадки для продвижения своих интересов в АТР.

Ключевые слова: АТЭС, АСЕАН, ВАС, ВРЭП, ТТП.

51 **Шелковая безопасность: новая китайская концепция развития и правила игры в Евразии** — *Игорь Денисов*

Про *Экономический пояс Шелкового пути* как новое качество китайской экономической дипломатии, смену парадигмы внешней политики КНР в целом и поиск новых возможностей для внешнего обеспечения внутреннего развития рассказывает старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Игорь Денисов.

Ключевые слова: ЭПШП, США, СУАР, Центральная Азия.

61 **Разлад в стане джихадистов: идеологическая борьба Аль-Каиды с организацией Исламское государство** — *Кямал Гасымов*

Эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Кямал Гасымов изучает раскол в стане джихадистов и препарирует свежий опус пропагандистской машины запрещенной в России *Аль-Каиды*.

Ключевые слова: Аль-Каида, ИГ, терроризм.

83 **Исламское государство — новый участник химической войны?** — *Антон Уткин*

Инспектор ООН в Ираке и автор российских технологий уничтожения химического оружия Антон Уткин пытается оценить, насколько реалистична угроза создания *Исламским государством* собственного химического оружия.

Ключевые слова: Сирия, ОМУ, химоружие, ИГ.

- 95 **Интернет вещей: виртуальное благоденствие и реальные риски** — Александра Куликова

Количество подключенных к интернету объектов превысило число жителей планеты еще на рубеже 2008–2009 гг. Мы становимся свидетелями постепенной оцифровки привычной экосистемы. Что это значит, и как новый феномен повлияет на нашу повседневную жизнь, читайте в статье координатора программы ПИР-Центра *Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность* Александры Куликовой.

Ключевые слова: Интернет вещей, ИКТ, кибер-безопасность.

КОММЕНТАРИЙ

- 113 **Ядерная программа КНДР: стратегический тупик?** — Андрей Ланьков

О том, почему, несмотря на довольно близкие позиции ключевых игроков, перспективы урегулирования северокорейской ядерной проблемы все еще выглядят весьма туманными — в материале ведущего корееведа Андрея Ланькова.

Ключевые слова: КНДР, Китай, США, Республика Корея, ядерная программа.

- 121 **Экономический пояс Шелкового пути: большой проект, большие вопросы** — Тимур Шаймергенов

Заместитель директора Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан делится своим видением главного инфраструктурного проекта современности и размышляет об основных факторах, которые могут повлиять на его реализацию, а также перспективах его сопряжения с ЕАЭС.

Ключевые слова: Шелковый путь, Китай, Казахстан, ЕАЭС.

- 127 **Европейская безопасность и перспективы ОБСЕ, взгляд из Баку** — Гюльшен Пашаева

Заместитель директора Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана рассуждает об истории, будущем и давно назревшей реформе ОБСЕ, а также о перспективах урегулирования замороженных конфликтов.

Ключевые слова: ОБСЕ, реформа, Нагорный Карабах.

- 135 **Темная сторона открытости данных** — Иван Бегтин

Открытые данные — важный инструмент общественного контроля. Для обеспечения подотчетности и прозрачности общественные организации требуют от государственных структур публиковать все больше данных — от информации о госзакупках, до личных данных граждан, так или иначе взаимодействующих с государством. Помимо очевидных плюсов, у такой открытости есть немало подводных камней. О *темной стороне* и различных подходах к раскрытию информации в комментарии директора АНО *Информационная культура* Ивана Бегтина.

Ключевые слова: открытые данные, госзакупки, безопасность.

ОБЗОРЫ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

- 141 **Индекс iSi в июле-октябре 2015 г.: на хрупком дне** — Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай

Злобин, Халил Каравели, Андрей Картунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сата-новский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетуори

Временное улучшение ситуации в области международной безопасности, вызванное достижением соглашения по иранской ядерной программе, сменялось резким ухудшением в связи с активизацией террористической группировки *Исламское государство* и обострением ситуации на Ближнем Востоке. Члены Международной экспертной группы анализируют ситуацию в мире, пытаясь найти поводы для оптимизма.

Ключевые слова: *Исламское государство, Сирия, Украина, международная безопасность.*

К Н И Ж Н Ы Е Н О В И Н К И

- 153 *Грейс Митчелл, Олег Шакиров, Алена Махукова и Галия Ибрагимова* — сотрудники и стажеры ПИР-Центра предлагают обзор новых поступлений в библиотеку ПИР-Центра.

Р Е Д А К Т О Р У

- 161 **В ответ на публикацию статей В. Орлова и А. Баклицкого** — заместитель министра иностранных дел Сергей Рябков, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений РАН Вячеслав Трубников и председатель Совета ПИР-Центра Евгений Бужинский делятся мнениями по вопросу нераспространения и контроля над вооружениями.
- 168 **Итоги генеральной конференции МАГАТЭ: закат атомной энергетики?** — председатель Международного союза ветеранов атомной энергетики и промышленности Виктор Муругов о безрадостных перспективах ядерной энергетики.

171 SUMMARY

175 О Б А В Т О Р А Х

181 П И Р - Ц Е Н Т Р

182 Э К С П Е Р Т Н Ы Й С О В Е Т П И Р - Ц Е Н Т Р А И Р А Б О Ч А Я Г Р У П П А П Р И Н Е М

188 М Е Ж Д У Н А Р О Д Н А Я Э К С П Е Р Т Н А Я Г Р У П П А

К О Н Е Ц . Ц И Т А Т Ы

Обл. III **Про ясность мысли**

О ДОРОГИХ СОПЕРНИКАХ, НЕНУЖНЫХ СОЮЗНИКАХ И БЕСПОЛЕЗНЫХ УРОКАХ ИСТОРИИ

В конце лета, когда работа над этим номером только начиналась, несмотря на прогнозы некоторых экспертов относительно грядущего августовского апокалипсиса сохранялась надежда, что с точки зрения международных отношений осень пройдет относительно спокойно. Ближний Восток привычно тлел, отношения с Западом стагнировали. В целом обстановка благоприятствовала активному поиску новых источников роста и механизмов поддержания стабильности.

Затем случился кризис беженцев в Европе и резко обострилась ситуация в Сирии. Россия начала воздушную операцию против ИГ, которая привела к возобновлению диалога Москвы с Западом. Все другие направления внешнеполитического сотрудничества, в том числе активно обсуждавшийся еще летом *поворот на Восток*, временно отошли в тень.

В целом складывается впечатление, что заявления о *повороте на Восток* с самого начала были не вполне искренними, и что в своей внешней политике Россия по-прежнему в первую очередь ориентируется на Запад. Не заметно, чтобы предпринимались попытки выработать принципиально новый, комплексный подход к двусторонним отношениям со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) или разобраться в хитросплетениях интеграционных процессов, определяющих экономическую повестку в АТР. Однако, несмотря на появившуюся возможность нормализации отношений с Западом, упускать это направление из виду было бы большой ошибкой. Глобальные противоречия между Россией и ее традиционными партнерами сохраняются, так что *восточное измерение* могло бы стать очень нужной точкой опоры для российской внешней политики и экономики.

Впрочем, даже если Москва решит, что *поворот на Восток* — это всерьез и надолго, одних решений будет недостаточно. Заявленная смена приоритетов потребует серьезных усилий. Ситуация осложняется тем, что у России нет подробной и системной стратегии взаимодействия с АТР. Тектонические сдвиги, происходящие в регионе, по-прежнему никак не затрагивают нашу страну. Так, на фоне обострения сирийского кризиса практически незамеченным прошло подписание соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП), которое устанавливает принципиально новые стандарты мировой торговли, выработанные и согласованные без России. История с присоединением к ВТО, новой инкарнацией которой стремится стать ТТП, анекдотичным образом повторяется. Смена курса не привела к смене парадигмы, поэтому на Востоке Россия рискует предстать в привычной роли вечного догоняющего.

Нет ли в разговорах о *повороте на Восток* толики лукавства? Насколько реальной будет смена курса? Понимают ли те, кто принимал это решение, что за правым краем

карты скрывается все та же Америка, которая давно уже конкурирует за лидерство в АТР с Китаем? Да и сможем ли мы просто удержать позиции в Центральной Азии, которая стала местом концентрации интересов и политик многочисленных конкурирующих держав. Как их геоэкономические стратегии сумеют ужиться в рамках ограниченного пространства? Готов ли кто-то кроме Китая подкреплять амбиции масштабными инвестициями?

В очередном номере *Индекса Безопасности* делается попытка ответить на некоторые из обозначенных выше вопросов. Ведущие российские эксперты разбираются в хитросплетениях интеграционных процессов в АТР. Количество и разнообразие порой дублирующих друг друга механизмов достигло такого уровня, что к концу 1990-х АТР стали сравнивать с тарелкой спагетти, настолько запутанным оказалось многообразие многосторонних инициатив в регионе. Путеводитель по интеграционным форматам АТР, подготовленный директором Российского центра исследований АТЭС при РАНХиГС Натальей **Стапран**, поможет читателю сориентироваться в многообразии существующих форматов.

Руководитель программы *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе* Московского Центра Карнеги Александр **Габуев** критически проанализировал поведение России в регионе, пытаясь понять, насколько подготовлен плацдарм для смены курса.

Старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Игорь **Денисов** и заместитель директора Библиотеки Первого Президента Республики Казахстан — Лидера нации Тимур **Шаймергенов** предлагают читателю российское и казахское видение самого грандиозного инфраструктурного проекта начала века — китайского *Экономического пояса Шелкового пути*.

Ведущий российский кореевед Андрей **Ланьков** рассуждает о самой нестрашной империи зла, а заместитель министра экономического развития Станислав **Воскресенский** озвучивает российскую официальную позицию относительно перспектив взаимодействия с АТР и его ключевыми игроками и объясняет, почему никакого *поворота на Восток* на самом деле нет.

Хотя отношения с Западом поставлены на паузу, очевидно, что сложившийся статус-кво не устраивает никого. Нам неизбежно придется совместно искать решение как новых, так и давно ставших привычными проблем на европейском пространстве. Пусть у России нет возможности диктовать свою повестку, это не мешает при необходимости разрушить чужую игру. Украинский конфликт неожиданно дал толчок к укреплению роли ОБСЕ — организация, которую последние годы называли не иначе как номинальной забюрократизированной структурой, под председательством Швейцарии активизировалась, сформировала СММ на Украине и превратилась в довольно успешную площадку для диалога между Россией и Западом.

Большие надежды возлагаются на грядущее председательство Германии. От него ждут начала реформы ОБСЕ — возможно, даже ее институционализации, модернизации системы контроля над обычными вооружениями в Европе и возвращения к серьезному обсуждению способов урегулирования многочисленных замороженных конфликтов на европейском пространстве. Директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России, до недавнего времени Постоянный представитель России при ОБСЕ Андрей **Келин** и глава рабочей группы по подготовке председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г. Антье **Лендертсе** ответили на вопросы *Индекса Безопасности* о настоящем и будущем ОБСЕ, а заместитель директора Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Гюльшен **Пашаева**

в своей статье рассуждает о давно назревшей реформе организации и перспективах урегулирования замороженных конфликтов.

Впрочем, всеобщее внимание приковано к сирийскому конфликту, после нескольких лет гражданской войны вновь завладевшее вниманием международного сообщества. В боевых действиях в разных конфигурациях участвуют части регулярной армии Б. Асада, разномастные отряды оппозиции, две крупные террористические организации, международная коалиция во главе с США и российская авиация и флот. Что удивительно, договориться между собой не могут не только борцы с террором, но и террористы. Один из интереснейших материалов номера посвящен расколу в стане джихадистов. Эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджана Кямал **Гасымов** препарирует свежий опус пропагандистской машины запрещенной в России *Аль-Каиды*. Ее главарь аз-Завахири и другие заметные фигуры *традиционных* террористических группировок обвиняют в чрезмерной жестокости и авторитаризме также запрещенную в России организацию *Исламское государство* и призывают своих сторонников к джихаду против нее. Исследование заставляет усомниться в искренности недавних публичных предложений аз-Завахири к ИГ объединиться, чтобы противостоять угрозе со стороны России и Запада в Сирии и Ираке.

Вне зависимости от идеологических особенностей той или иной группировки, в числе стандартных целей терроризма — жертвы и паника среди мирного населения. Применение оружия массового уничтожения позволяет максимально эффективно добиться этих целей. Обвинения в применении химического оружия едва не привели к свержению режима Б. Асада. В результате беспрецедентной операции ОЗХО все химоружие, официально находившееся в Сирии, было уничтожено, а организация получила Нобелевскую премию мира. Значит ли это, что угроза применения химического оружия в Сирии ликвидирована? Какие шансы завладеть им у *Исламского государства* и стремится ли оно стать новым участником химической войны? Инспектор ООН в Ираке и автор российских технологий уничтожения химического оружия Антон **Уткин** анализирует проблему.

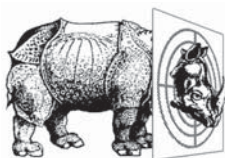
Развитие других, информационных технологий задает человечеству вопросы иного рода. Что такое интернет вещей, как он устроен и придется ли вам нести ответственность за свой пылесос, если будет доказано, что он принимал участие в хакерской атаке? Ответы на эти вопросы дает в своей статье координатор программы ПИР-Центра *Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность* Александра **Куликова**.

Анализируя современные международные отношения, сложно удержаться от исторических аналогий. Как когда-то в средневековье экспертное сообщество обсуждает ответственность владельцев за действия имущества (в прошлом — домашней живности, в современном варианте — подключенной к интернету бытовой техники). Снова идут бои за Пальмиру, волны нового *переселения народов* захлестывают Европу, а *Исламское государство* провозглашает халифат. Впрочем, несмотря на формальную схожесть, неправильно было бы говорить о цикличности истории, и уж тем более пытаться делать из этого выводы. Иначе можно оказаться в положении человека, отлично подготовленного к войне прошлой, и абсолютно не готового к сегодняшней. Не в силах повлиять на ход событий, редакция и авторы *Индекса Безопасности* продолжают с интересом следить за происходящим в мире.

Ольга МОСТИНСКАЯ

Главный редактор журнала *Индекс Безопасности*

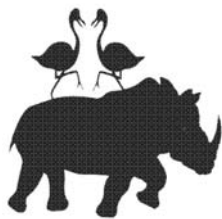

В ДЕСЯТКУ: О СТРАТЕГИИ И ТАКТИКЕ

瞞
天
過
海

Тот, кто старается всё предвидеть, теряет бдительность.
То, что видишь ото дня в день, не вызывает подозрений.
Ясный день скрывает лучше, чем тёмная ночь.
Всё раскрыть — значит всё утаить.

Старатегма 1. Обмануть императора, чтобы он переплыл море.
Трактат о Тридцати шести стратагемах

Погоду в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) всегда делали два основных игрока — США и Китай. До поворота на Восток, отправной точкой которого называют то саммит АТЭС 2012 г. во Владивостоке, то визит В. Путина в Китай в мае 2014 г., политика России в АТР не была особенно активной. Однако ухудшение отношений с западными странами в контексте российско-украинского кризиса и экономические санкции, введенные против России, сделали смену курса жизненной необходимостью. При этом политическое решение играть более заметную роль в сложном регионе, интеграционные структуры которого начали формироваться много лет назад, при отсутствии четкого понимания происходящих в нем процессов на практике может оказаться непростой задачей для большинства чиновников.

Серию материалов, посвященных хитросплетениям азиатско-тихоокеанской интеграции, публикуемых в этом номере, открывает интервью главному редактору *Индекса Безопасности* О. Мостинской заместителя министра экономического развития Российской Федерации С. Воскресенского.

Станислав Воскресенский:

«НИКАКОГО ПОВОРОТА НА ВОСТОК НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ»

— Достаточно традиционный вопрос, поворот на Восток — ответ на кризис в отношениях с Западом?

— Никакого поворота на Восток на самом деле нет. Если уйти в историю вопроса, еще при подготовке российского председательства в саммите АТЭС в 2012 г. мы очень внимательно подошли к восточному измерению экономической политики. Стало очевидно, что мы должны уделять работе на этом треке существен-

но больше внимания, более системно выстраивать работу. Откровенно говоря, уже тогда было понятно, что в какой-то степени время упущено: все наши конкуренты — другие крупнейшие экономики — уже давно на Востоке, я имею в виду не только Китай, но и другие страны. Да, и цифры говорят сами за себя: в прошлом году Китай стал первой экономикой в мире по паритету покупательной способности. Если посмотреть на блок АСЕАН, то последние 15 лет он растет темпами больше 5% в год. Растет средний класс, растут возможности для российских товаров, для российских инвестиций, поэтому было бы просто безответственно этим не воспользоваться.

Так что, отвечая на вопрос *если бы не было этого внешнеполитического недопонимания с Западом, была бы у нас такая активная повестка на Востоке*, скажу: да, была бы. Кстати говоря, если посмотреть по наплыву инвестиций из стран АТР за последние лет 5–7, будет видно, что на самом деле разворот на Восток, пусть и не публично, начался уже тогда. Речь идет о расширении связей и с Китаем, и с Японией, и с Южной Кореей, и с Индонезией.

— Однако российско-китайская Межправительственная комиссия по инвестиционному сотрудничеству была создана только в 2014 г.

— Действительно, чтобы вывести наши взаимоотношения на качественно новый уровень, президент В. Путин и председатель Си приняли решение, что нужна новая комиссия очень высокого уровня. С нашей стороны ее возглавил первый вице-премьер И. Шувалов, со стороны китайской — Чжан Гаоли, который является единственным, кроме премьера, членом Постоянного комитета ЦК, а это высший орган управления в китайской политической системе, то есть лицо очень влиятельное.

Чтобы вывести на качественно новый уровень наши взаимоотношения в инвестиционной сфере, мы и создали эту комиссию. Она не только помогает случиться конкретным инвестпроектам, но и призвана снимать системные барьеры в нашем инвестиционном сотрудничестве. Кстати, одним из первых ее решений было устранение двойного налогообложения при выплате процентов. Соответствующий протокол уже подписан, сейчас дело за ратификацией. При выплате процентов от российских компаний китайским банкам эти проценты не будут облагаться налогами в России, как и в том случае, если проценты будут выплачиваться из Китая российским банкам или компаниям.

Комиссия создана, чтобы укрепить взаимодействие, в том числе активизировать бизнес-контакты. Потому что, откровенно говоря, присутствие наших компаний в АТР в последние годы было достаточно слабым. Это легко объяснимо. Вопрос, почему в предыдущие десятилетия правительство уделяло так мало внимания *восточной повестке*, нам задают часто. Под правительством я не имею в виду МИД — безусловно, МИД это направление добросовестно *отрабатывал*. А связано это было вот с чем: у нас на повестке достаточно приоритетными были вопросы взаимодействия с крупными партнерами на Западе и решение задач на этом направлении. Имею в виду в первую очередь присоединение России к ВТО, которое *отъедало* прилично сил и времени

у финансово-экономического блока правительства. Второе — это различные форматы взаимодействия с Евросоюзом: и в области энергетики, и в плане проработки инициативы нашего президента о создании единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока велись вполне серьезные дискуссии, которые, конечно же, отнимали время и ресурсы. Сейчас, действительно, часть ресурсов перекинута на восточное направление, но это скорее закономерность.

— В чем заключается экономическая стратегия России в АТР?

— Наша стратегия очень проста. Во-первых, надо обеспечить вывод на рынки АТР тех российских товаров и услуг, которые уже производятся в российской экономике. Во-вторых, развивать инфраструктуру для поддержки бизнес-контактов и инвестиций из России в страны АТР и из стран АТР в Россию. В-третьих, и тут, кстати говоря, движение уже началось, активно снимать системные барьеры для движения товаров путем заключения соглашений о зонах свободной торговли. Очень показательно, что первое соглашение о зоне свободной торговли в истории Евразийского экономического союза было заключено с одной из стран АТР, с Вьетнамом. Думаю, будут и другие соглашения со странами АТР, такие консультации на экспертном уровне ведутся.

— Говоря о развитии инфраструктуры, нельзя не спросить: наша цель — АТР или Китай? Если АТР, то почему зачастую она заканчивается не морскими портами, откуда было бы намного проще диверсифицировать поставки, а границей с Китаем?

— Китай — крупнейшая экономика этого макрорегиона, но отношениями с Китаем все не ограничивается. Что касается инфраструктуры, есть совместные проекты с рядом партнеров из АТР, они находятся на разных этапах проработки. Это порт Зарубино, который выгоден как Китаю, так и другим странам АТР, так как он позволит разгрузить транспортные *пробки* в макрорегионе. Коллеги, занимающиеся Дальним Востоком, активно работают над развитием свободного порта Владивосток, привлекая партнеров из самых разных стран АТР. Если перейти к энергетике, можно вспомнить энергомост Сахалин–Япония — давний проект, правильнее, может быть, называть его прожектором, так как пока еще не просчитано ТЭО, но тем не менее. Инфраструктурных проектов хватает, хотя, безусловно, многие из них предполагается реализовывать с Китаем, в том числе в рамках нового мегапроекта сопряжения Евразийского союза и *Шелкового пути*.

— А другие азиатские партнеры, помимо Китая, готовы участвовать в финансировании этих проектов? Например, Япония?

— По моим наблюдениям Азии свойственен прагматизм. Там меньше говорят о ценностях и больше — о реальных возможностях и реальных интересах. Поэтому мы видим, что если проекты интересны нашим партнерам-инвесторам, они в них участвуют. Если нет — не участвуют. Здесь все просто, и не надо

Ю
Р
В
Р
Е
Т
Н
Н

искать черную кошку в темной комнате, особенно если эта черная кошка — плохой инвестиционный проект.

— В своем последнем выступлении на Генассамблее президент Си Цзиньпин много говорил как раз о ценностях. Хотя китайцы часто говорят то, что их партнерам хочется услышать.

— Могу только ответить цитатой из Лао Цзы: «Кто знает, тот молчит, кто не знает, тот говорит».

— Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути принималось с большой помпой, но затем Китай подписал аналогичные документы с Казахстаном, Таджикистаном, Белоруссией. Россия для Китая — ключевой партнер, или Китай воспринимает все страны, через которые пройдет Шелковый путь, как равнозначные?

— Надо понимать: у каждой страны, у каждого лидера есть свои национальные интересы, которые он прагматично отстаивает. Возможно, китайским партнерам удобнее было бы работать с каждой страной по-отдельности, но суть совместного заявления, которое было принято 8 мая, очень проста. Поскольку у нас есть Евразийский союз, интеграционный проект с нашими партнерами, а у Китайской Республики — проект *Экономический пояс Шелкового пути*, который перекликается с нашими планами и амбициями в евразийском макрорегионе, мы предложили китайским партнерам рассматривать системное взаимодействие именно в рамках Евразийского союза.

На практике это означает, что будет, безусловно, и двусторонняя повестка — российско-китайская, казахстанско-китайская, белорусско-китайская, но определять общие принципы взаимодействия, регулирования, работы таможен, заниматься реализацией мегапроектов в инфраструктуре на этом самом евразийском пространстве нужно вместе. Именно об этом говорится в совместном заявлении. Координация взаимодействия с Китаем, безусловно, отвечает интересам всех партнеров по Евразийскому союзу.

— Многие эксперты воспринимают достигнутую договоренность как своего рода раздел сфер ответственности, в котором Китай обеспечивает экономическую составляющую, а Россия отвечает за безопасность в регионе. Но нет ли вероятности, что в какой-то момент Китай начнет оспаривать роль России и стремиться самостоятельно защищать свои весьма солидные инвестиции? Это ослабило бы влияние России в регионе?

История отношений очень богатая. Были непростые времена, были периоды дружбы, а при В. Путине и Си Цзиньпине отношения вышли на совершенно новый уровень взаимопонимания.

Говоря конкретно об этом проекте, у нас есть задача, которую очень ясно сформулировал президент, — обеспечить диверсификацию и высокие темпы

роста экономики России. Чтобы этого добиться, есть достаточно стандартный рецепт — это улучшение инвестиционного климата, инвестиции в инфраструктуру, снятие барьеров в торговле для обеспечения доступа наших товаров на внешние рынки. Так вот, интеграционный проект Евразийского союза — как раз про снятие барьеров, и уже есть результаты, которые отражаются в международных рейтингах. Вчера был опубликован доклад Всемирного экономического форума, и по конкурентоспособности и условиям ведения бизнеса Россия вошла в топ-50 стран.

Иначе говоря, мы продвигаем свою внутреннюю повестку. В восточных единоразовых учат пользоваться энергией партнера, чтобы добиваться собственных целей. Так же и с *Шелковым путем*, который подразумевает существенные инвестиции в инфраструктуру, которые очень нужны для беспрепятственного движения товаров на всем евразийском пространстве. Хотел бы особо подчеркнуть, что этот проект перекликается с нашими внутренними целями. Именно поэтому мы считаем важной реализацию совместных инфраструктурных проектов, которые безусловно будут способствовать экономическому росту северо-западных районов Китая, но в то же время помогут и нам с рабочими местами, с экономическим ростом, и, что еще важно, в получении выгоды от использования российского транзитного потенциала. Об этом много говорилось, и вот, наконец, дошло до дела.

— Объявлено о конце переговоров по соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Как это соглашение отразится на нашей политике в АТР?

— Пока уместны лишь предварительные оценки.

Страны ТТП составляют 36% мирового ВВП, 23,9% мирового экспорта и 26,7% мирового импорта товаров и услуг, в них проживает более 800 млн чел. Соглашение о ТТП состоит из 30 глав и охватывает беспрецедентное количество вопросов торговой повестки. Некоторые из них впервые в истории рассматриваются в рамках торговых соглашений (например, патентная защита биопрепаратов). ТТП не только регулирует сферу международной торговли товарами и услугами (доступ на рынки), перемещение капиталов и рабочей силы, но и предписывает правила внутреннего регулирования в странах-участницах в таких областях, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность.

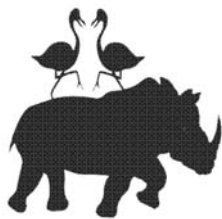
ТТП стало одним из главных результатов политики США по закреплению условий работы американских компаний в АТР. США фактически заложили в новое многостороннее соглашение те нормы, которые до этого отработывались ими в других соглашениях о свободной торговле.

Для нас в любом случае важно наращивать, активизировать поддержку российского несырьевого экспорта, активнее заключать соглашения о зонах свободной торговли со странами АТР, продвигать проекты российских интересов в АТЭС и АСЕАН.

Важно отметить потенциальные возможности опосредованного использования ряда преференций, полученных участниками ТТП, за счет имеющегося потенциала уже сформированной зоны свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, являющимся членом ТТП. Развитие промышленной кооперации (например, в автомобильной промышленности) при определенном уровне локализации, отвечающем правилам происхождения в ТТП, может стимулировать встраивание российской продукции в цепочки добавленной стоимости в рамках ТТП.

Более содержательно ответить на ваш вопрос можно будет после тщательного анализа текста соглашения. 🐘

В августе 2015 г. мир отметил 40-летнюю годовщину подписания хельсинкского Заключительного акта. Своими взглядами о роли ОБСЕ, о ее текущей работе, а также о возможных способах продвижения хельсинкского процесса и развития диалога, укрепления доверия и безопасности в интервью главному редактору *Индекса Безопасности* поделились директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ, постоянный представитель России при Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (2011–2015 гг.) Андрей Келин и глава рабочей группы по подготовке председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г. Антье Лендертсе.

Андрей Келин:

«ОБСЕ НАКОНЕЦ-ТО РАБОТАЕТ ТАК, КАК ДОЛЖНА БЫЛА РАБОТАТЬ ВСЕГДА»

— В прошлом к ОБСЕ многие относились критически, называя ее консультативным органом, лишенным реальных рычагов воздействия и неспособным играть серьезную роль в урегулировании конфликтов. Однако сегодня эта площадка наряду с ООН стала одним немногих форматов, в котором продолжается интенсивное взаимодействие между Россией и Западом, а Специальная мониторинговая миссия (СММ) ОБСЕ — это, пожалуй, единственный инструмент поддержания стабильности на Украине. Можно ли в этой связи говорить об усилении роли ОБСЕ, или просто нет альтернативы?

— Все новое, как известно, — это хорошо забытое старое. Мне всегда очень импонировала идея развития человечества по спирали. В данной ситуации эта концепция вполне применима. Прошел определенный виток развития, или, вернее, попыток развития отношений Российской Федерации с западным сообществом в других форматах. Этот опыт показал, что наши попытки оказались как бы забеганием вперед. Выяснилось, что партнеры гораздо меньше настроены развивать отношения с нами, чем нам бы хотелось. То есть наши желания превысили наши возможности. Это касается отношений как с Евросоюзом, так и с НАТО. Где-то в середине 1990-х

мы делали большую ставку на ОБСЕ, когда после принятия Парижской хартии и ряда других документов нам казалось, что ОБСЕ способна заменить собой отношения с НАТО и что на основе ОБСЕ мы сможем построить и упрочить безопасность в Европе, создать единое пространство безопасности от Ванкувера до Владивостока, взяв площадку ОБСЕ за основу. Эту точку зрения, как оказалось, не разделяли наши партнеры, которые постепенно перенаправили деятельность ОБСЕ в две довольно узкие сферы: контроль над вооружениями и правозащитную деятельность, которая сводилась, по большей части, к критике положения дел в Российской Федерации и в других странах постсоветского пространства, странах СНГ, с тем чтобы на негативных примерах пытаться продвигать демократию на Восток.

По мере того как мы наблюдали эти изменения и перебалансировку внимания Запада в отношении нас, интерес к ОБСЕ угасал. Тем более что институционально организация развивалась слабо. Ни уставных, ни организационных, ни других институциональных основ у нее не было и нет. По большей части это был дискуссионный клуб. Свою роль сыграло и падение интереса к контролю над вооружениями, поскольку базовые договоренности были достигнуты, а дальнейшее продвижение было бы контрпродуктивно и нам, в общем-то, не нужно, поскольку оно стало бы сильным ограничителем наших вооруженных сил. На повестку дня стали другие форматы, в первую очередь Совет Россия — НАТО и взаимоотношения с Евросоюзом. Довольно скоро оказалось, что, несмотря на то что от Основопологающего акта перешли мы к Римской декларации, где все государства участвовали в национальном качестве, попытки построить равноправные отношения в Совете Россия — НАТО бесперспективны. На практике взаимодействие все равно строилось по блоковому принципу, и где-то с середины 2000-х годов Соединенные Штаты поняли, что сотрудничество идет вразрез с их интересами. То есть европейские страны начали демонстрировать интерес к выстраиванию отношений с Россией на равноправной основе, а это отнюдь не соответствовало пожеланиям Соединенных Штатов. И тогда эти форматы начали для нас закрываться.

Темы для дискуссий становились все уже, американцы начали создавать *коалиции ведомых*, а о равноправном сотрудничестве предпочли забыть. Я прекрасно помню период дискуссий, когда встал вопрос, что такое НАТО — силовая организация или площадка для ведения диалога, своего рода конференционный центр для всех партнеров? Тогда под влиянием прежде всего американцев от принципов равноправного сотрудничества решили отказаться, пошло ужесточение позиций. Это трансформировалось в косовские события, когда произошла первая заморозка — такой серьезный звонок. Дальше шло по нарастающей — эксперимент с демократизацией Грузии. Отношения с НАТО начали ухудшаться, и *страховочная сеть*, которая состояла бы из двусторонних проектов и которую мы пытались создать вместе с натовцами, оказалась слишком слаба, чтобы удержать эти отношения от разрушения в случае кризиса. Что, собственно, и показал украинский кризис, который разрушил отношения Россия — НАТО.

Примерно такая же ситуация с Евросоюзом: мы пытались выстраивать равноправные отношения, но все время попадали в ловушку — с точки зрения Евросоюза отношения должны строиться по принципу *ведущий — ведомый*, причем ведущим может быть только Евросоюз, и никакое равноправие невозможно, в том числе при проведении миротворческих операций.

Сейчас на передний план вышла ОБСЕ, но нельзя сказать, что от этого она стала лучше. Это по-прежнему весьма расплывчатая в организационном плане структура, консенсус в которой по каким-либо вопросам достичь очень трудно. В нынешней кризисной ситуации большую роль сыграло швейцарское председательство. Швейцарцы твердой рукой повели ОБСЕ вперед, в результате чего была создана Специальная мониторинговая миссия на Украине. Организация наконец-то работает так, как должна была работать всегда. Ее оперативная гражданская деятельность отвечает нашим интересам, а в последней операции страны-члены стали не просто участниками, они несут за нее равную ответственность. То, что сейчас делает ОБСЕ, отвечает нашим интересам.

— В 2008–2010 гг. Россия активно продвигала идею Договора о европейской безопасности. Тогда он не нашел поддержки. Есть ли смысл в нынешней ситуации предлагать новые форматы, и какова судьба ДЕБ?

— Предложение не снимается, и партнеры время от времени к этой теме возвращаются. Оно, возможно, несколько идеалистическое, потому что западные страны, особенно малые государства Восточной Европы, полностью удовлетворены ситуацией, когда их безопасность обеспечивают НАТО и Евросоюз. Ничего нового им не нужно. Крупные страны прекрасно понимают, что это *мелкотемье* не для них: Франция, Германия, к примеру, видят необходимость в более широких союзах и постепенно эти идеи прорастают. В условиях украинского кризиса, конечно, говорить о ДЕБ не то чтобы бессмысленно, просто это никак не вопрос ближайшей перспективы. Но это хорошее предложение, и оно остается на столе.

— Министр иностранных дел Германии Ф.-В. Штайнмайер объявил приоритетами немецкого председательства в ОБСЕ триаду диалог, доверие и безопасность. Какие конкретные шаги планируется предпринять, и чего вообще мы ожидаем от немецкого председательства?

— От немецкого председательства мы ожидаем многого. Председательства разнятся, все зависит от ресурсов, которыми располагает страна, и я говорю не только о ее авторитете на международной арене, но и о материальных и человеческих ресурсах, от способности вырабатывать, предлагать инициативы и продвигать, пробивать их. Для этого нужны хорошие связи не только с традиционными партнерами, но и с Россией, с которой нужно поддерживать постоянные контакты на очень высоком уровне. Это получилось у Швейцарии, несмотря на то что она гораздо меньше, чем Германия. Германия же обладает всеми перечисленными выше качествами — это раз. Во-вторых, у немецких коллег есть желание и возможность работать. Председательство Германии пришлось на очень трудный период, они взяли на себя нелегкую миссию. Мы очень рассчитываем, что немецкие коллеги будут не только заниматься украинским кризисом и выправлением отношений, но и займутся реформированием организации. Это очень важно. Для реформы потребуются серьезная политическая воля, способность и желание. Не могу сказать, что германские дипломаты обещают это сделать. Пока они в основном выясняют, чего от них ждут. Я знаю, что Германия очень серьезно готовится к этой миссии, что создана специальная рабочая группа очень высокого уровня, в которую входят в том числе министры. Готовятся с чисто немецкой серьезностью. Мы будем очень приветствовать, если они займутся не только тактическими вопро-

сами и оперативной деятельностью организации, но и реформой, которая давно планировалась и давно назрела.

— В 2016 г. должна быть принята очередная редакция Венского документа. Достаточно ли будет модернизировать меры доверия и безопасности или нужен новый договор о контроле над обычными вооружениями?

— Венский документ продолжает работать, но, должен отметить, в период кризиса им неоднократно злоупотребляли. Украинцы и американцы использовали его для того, чтобы спровоцировать дискуссию о необходимости инспекции. Они поднимали вопрос об участии России в опасных военных действиях, что не соответствовало действительности, требовали проведения инспекций вблизи границ, хотя для проверки было достаточно использовать механизмы Открытого неба, которые показывают, что никаких войск вблизи границы нет. Такое злоупотребление положениями Венского документа подрывало к нему доверие. Говоря о том, нужен ли новый договор по контролю над вооружениями, моя точка зрения состоит в том, что такие решения должны диктоваться потребностью. Когда возникает потребность в ограничении вооружений, соответствующие предложения появляются на столе переговоров. Пока такая потребность и желание заметны только у наших западных партнеров. Что касается Российской Федерации, то после длительного периода строительства и модернизации вооруженных сил говорить о том, что мы уже готовы себя ограничить, было бы нереалистично и безосновательно. Вот когда мы достигнем намеченных руководством целевых показателей и почувствуем, что у нас есть возможность говорить о контроле над вооружениями с позиции силы, тогда сможем перейти к следующему этапу.

— ОБСЕ стала первой международной организацией, которой удалось принять перечень мер по укреплению доверия с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования информационных и коммуникационных технологий. Планировалось, что на базе мер могут быть выработаны юридически обязывающие нормы, однако процесс застопорился. На каком этапе сейчас находятся переговоры?

— Работа началась до украинского кризиса. Действительно, другой многосторонней площадки, на которой бы вырабатывались меры доверия в области информационной безопасности, тогда не было. На данный момент принят и опубликован простейший набор мер, однако они не носят обязывающего характера. Речь идет о чисто добровольном предоставлении информации, о том, что делается в каждой стране. То есть если какая-либо страна хочет, чтобы другие знали о том, что она делает, мы не против. Мы тоже предоставляем информацию и отчеты. Но здесь есть несколько тенденций. Одна из них состоит в том, что у некоторых, особенно западных, коллег есть большое желание забежать вперед и навязать другим какие-то меры, заставить их отчитываться и т.д. В условиях, когда наши позиции не совпадают, когда американцы по-прежнему делают все, для того, чтобы сохранить контролирующие функции над глобальной инфраструктурой интернета, держать все под своим колпаком, мы не можем с открытым забралом пойти на принятие таких далеко идущих и глубоких мер транспарентности и доверия в информационно-коммуникационной области. Наша позиция проста: мы должны обладать суверенитетом. То, что делается на нашей территории, должно делаться по-нашему.

— Разве меры доверия подрывают суверенитет?

— Они разрабатываются под американской эгидой. В связи с несовпадением позиций идти дальше будет довольно трудно. Тем не менее в ОБСЕ работа группы будет продолжаться. Будут рассматриваться новые меры, хотя нужно подумать над тем, как имплементировать то, что уже сделано. Мы не сторонники того, чтобы слишком торопиться. Будем действовать поэтапно.

— СММ стала первой миссией, в которой для наблюдения применяются беспилотные летательные аппараты. Как оценивается этот опыт?

— СММ использует беспилотники производства австрийской компании Schiebel. Это маленькая фирма, которая плотно сотрудничает с *Боингом*. Мне непонятно, почему были выбраны именно эти аппараты. Они имеют довольно серьезные конструктивные недостатки, неспособны летать при низкой температуре и сильном ветре. Из-за этого значительную часть времени они находятся на земле. Кроме того, несмотря на огромную стоимость у установленных на них камер довольно слабая разрешающая способность. Тем не менее, несмотря на конструктивные недостатки беспилотники используются, это интересный и полезный опыт. Россия предлагала использовать отечественные аппараты, которые гораздо лучше приспособлены к местным погодным условиям, но было принято решение использовать оборудование производства нейтральной страны. Должен сказать, что все стороны, в том числе и мы, оцениваем этот опыт как полезный. БПЛА указывают свой маршрут и квадрат наблюдения, эта информация используется Миссией, отражается в ее докладах. Скорее всего, эти аппараты будут использоваться все более активно, возможно, будут закупаться не только новые БПЛА такого же типа, дальности и разрешающей способности, но и более мелкие. Со 2 октября должен начаться процесс отвода вооружений, не только тяжелых, но и обычных. Сначала будут отведены танки, потом артиллерия, потом минометы. Этот процесс необходимо мониторить. Простого человеческого наблюдения здесь недостаточно, наблюдателей не так много — 500 с небольшим человек. Поэтому придется задействовать технические средства наблюдения, которыми будет оснащаться Миссия.

Ю
Р
В
Р
Е
Г
Н
И

Антъе Лендертсе:

«ОБСЕ ОСТАЕТСЯ ЕДИНСТВЕННОЙ ПЛОЩАДКОЙ, ГДЕ ВСЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫЕ СТОРОНЫ МОГУТ ВЕСТИ ДИАЛОГ О НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ НАШЕЙ ОБЩЕЙ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ»

— До недавнего времени многие критиковали ОБСЕ за ее недостаточно активную роль, в первую очередь, в урегулировании конфликтов. Однако сейчас эта организация наряду с ООН стала основной площадкой для взаимодействия России и Запада. Можно ли в этой связи говорить об усилении роли ОБСЕ, или просто нет альтернативы?

— Продолжающийся кризис в Украине и связанные с ним события, а также важнейшая роль в урегулировании этого конфликта, которую взяла на себя ОБСЕ,

привлекли к организации большое внимание — большее, чем ей уделялось в предыдущие годы. Однако задолго до начала текущего кризиса ОБСЕ способствовала предотвращению, разрешению и урегулированию конфликтов во многих регионах Европы. Продолжается эта работа и сейчас.

ОБСЕ эволюционировала. В настоящий момент она остается единственной площадкой, где все заинтересованные стороны могут вести диалог о настоящем и будущем нашей общей системы безопасности. И дело не в отсутствии альтернативы. Главная причина в том, что особенности и возможности ОБСЕ делают ее оптимальной площадкой для решения этих задач. В числе этих особенностей и возможностей — проверенная временем культура диалога, равный статус государств-участников и концепция всеобъемлющей безопасности, зафиксированная 40 лет назад в хельсинском Заключительном акте.

— Приоритеты, которые Германия декларирует в рамках своего председательства в ОБСЕ в 2016 г., — это диалог, доверие и безопасность. В сложившейся политической обстановке, мало располагающей к сотрудничеству, какие конкретные шаги планируются предпринять?

— Триада наших приоритетов — *возобновление диалога, выстраивание доверия, восстановление безопасности* — обозначает контуры подхода к поиску выхода из нынешней кризисной ситуации, опираясь на опыт взаимодействия в рамках Совещения по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1970-е и 1980-е гг. и деятельность ОБСЕ по укреплению безопасности и сотрудничества в Европе на протяжении последних 20 лет. Необходимо наладить содержательный диалог между всеми заинтересованными сторонами, обсудить причины текущего кризиса и предложения по дальнейшему укреплению безопасности и развитию сотрудничества в Европе. Только так мы сможем лучше понять позиции друг друга, а в долгосрочной перспективе — уменьшить количество разногласий и снизить уровень недоверия.

Мы хотим предложить конкретные темы для этого диалога, включая общие для нас проблемы в области безопасности, такие как международный терроризм, наркоторговля или миграция, справиться с которыми мы сможем только вместе. С другой стороны, открываются обширные возможности более тесного сотрудничества в результате улучшения региональных связей, что будет способствовать развитию инвестиций и торговли, в том числе за рамками действующих экономических интеграционных структур. Прогресс в этих областях также может способствовать восстановлению доверия, которое является единственным надежным основанием устойчивой безопасности. Поэтому, думаю, наш подход оправдан и способен создать благоприятные условия для дальнейшей работы, а также он ориентирован на долгосрочную перспективу.

— Попытается ли Германия запустить давно обсуждаемую реформу ОБСЕ и подойти к решению таких вопросов, как отсутствие у ОБСЕ согласованного правового статуса, необходимость укрепления возможностей организации по предотвращению конфликтов?

— Выводы, сделанные из кризиса в Украине и связанных с ним событий, показывают, что необходимо расширять возможности ОБСЕ, повысить ее готовность к будущим вызовам. Поэтому в рамках так называемого *цикла конфликта* мы хотим

изучить все имеющиеся в распоряжении ОБСЕ инструменты и сосредоточиться на их возможных улучшениях, особенно в плане гражданских аспектов урегулирования кризисов и потенциала ОБСЕ в этой области.

Этот анализ должен охватывать и нормативную базу организации, и практические правовые проблемы, с которыми сталкиваются полевые миссии. В этом отношении мы ждем концептуальных предложений о перспективах ОБСЕ, разрабатываемых *Группой выдающихся деятелей по европейской безопасности как общему проекту* под председательством посла В. Ишингера, которые должны быть представлены уже скоро.

— Германия является активным сторонником модернизации режима контроля над обычными вооружениями в Европе. Следующая редакция Венского документа ожидается в 2016 г. На ваш взгляд, достаточно ли в этой области мер укрепления доверия и безопасности (МДБ)? Выступит ли Германия с новыми инициативами во время своего председательства?

— МДБ всегда входили в число ключевых достижений ОБСЕ, и бездействие в этой области неприемлемо. Поэтому мы стремимся сохранить актуальность Венского документа в изменившейся военно-политической обстановке и ситуации в плане безопасности и намерены оживить процесс его модернизации конкретными предложениями. Поскольку в 2016 г. мы должны представить новую редакцию Венского документа, я считаю крайне важным продолжать совершенствование МДБ, чтобы тем самым содействовать деэскалации нынешнего кризиса. Венский документ — главный кандидат на модернизацию, и мы, безусловно, сфокусируем усилия на этом направлении. В этой связи я приглашаю Россию активно включиться в серьезную дискуссию по этому вопросу.

— На данный момент Специальная мониторинговая миссия (СММ) на Украине является самой крупной полевой миссией ОБСЕ. Как вы оцениваете ее роль?

— Создав СММ на Украине в марте 2014 г., ОБСЕ продемонстрировала свою незаменимую роль в урегулировании кризиса в Украине и вокруг нее. Миссия выполняет важные задачи в нескольких аспектах: предоставляет международному сообществу фактологическую информацию и данные о наблюдениях на местах; содействует диалогу; наблюдает за соблюдением режима прекращения огня и проверяет отвод вооружений. Выполняя свой мандат, миссия столкнулась — и продолжает сталкиваться — с серьезными сложностями. Наблюдателям миссии нужен свободный доступ ко всей зоне конфликта. Поддержка СММ будет важным пунктом повестки дня нашего председательства в ОБСЕ.

— Складывается впечатление, что кризис на Украине захватил всю повестку ОБСЕ в области безопасности. Однако это не единственная проблемная зона в Европе. Какую работу ведет ОБСЕ в других регионах, например на Балканах или в Нагорном Карабахе?

— Не вызывает сомнений, что во время нашего председательства мы будем уделять много внимания конфликту на Украине и событиям вокруг него. Мы будем продолжать поддерживать усилия ОБСЕ на местах, в том числе через Трехстороннюю контактную группу и СММ. Франция и Германия также будут продолжать

Ю
Р
В
Р
Е
Г
Н
И

политическое взаимодействие с Россией и Украиной в *нормандском формате*, чтобы добиться выполнения Минских соглашений.

Однако германское председательство также будет уделять внимание так называемым *затяжным конфликтам* на Южном Кавказе и в Приднестровье. ОБСЕ играет важную роль в давно оформившихся международных форматах урегулирования этих конфликтов: это и Женевские международные дискуссии по безопасности и стабильности в Закавказье, и Минская группа ОБСЕ, и формат 5+2. Необходимо приложить все усилия для деэскалации этих конфликтов и укрепления доверия. К примеру, если взять нагорно-карабахский конфликт, мы увидим тревожный рост числа инцидентов со смертельным исходом. Эту тенденцию необходимо переломить.

Говоря о Западных Балканах, серьезное достижение ОБСЕ состоит в том, что организация широко представлена в шести странах региона, ее миссии хорошо укомплектованы и имеют мандат в области предотвращения конфликтов, смягчении их последствий и поддержке в создании демократических институтов. В рамках нашего председательства мы также будем работать над укреплением возможностей ОБСЕ по раннему предупреждению и кризисному реагированию.

— В 2013 г. ОБСЕ приняла Первоначальный перечень мер укрепления доверия с целью сокращения рисков возникновения конфликтов в результате использования ИКТ. Как государства — участники ОБСЕ выполняют эти меры укрепления доверия? На ваш взгляд, возможно ли более серьезное сотрудничество в этой области в рамках ОБСЕ?

— ОБСЕ взяла на себя важную роль по укреплению доверия с целью сокращения рисков возникновения конфликта в результате использования ИКТ. Необходимо использовать потенциал региональных организаций, таких как ОБСЕ, на площадке которых соседи смогут обсудить и разрешить любой спор. Это особенно ценно, когда речь идет о киберинцидентах.

В декабре 2013 г. государства — участники ОБСЕ согласовали набор мер с целью сокращения рисков возникновения конфликта в результате использования ИКТ. В основном, они направлены на обеспечение транспарентности. Выполнение идет хорошо. Около трех четвертей государств-участников внесли информацию в созданную с этой целью базу данных экспертов. Однако очевидно, что многие до сих пор рассматривают кибербезопасность как техническую проблему или как вопрос, находящийся в компетенции правоохранительных органов. Необходимо сформировать понимание, что международная кибербезопасность относится к сфере внешней политики и что она оказывает все большее влияние на вопросы мира и стабильности. Между тем переговоры о втором перечне мер укрепления доверия уже хорошо продвинулись вперед. Они будут нацелены на укрепление доверия и сотрудничества. В более долгосрочной перспективе мы надеемся выработать третий пакет, который будет направлен на снижение рисков и стабилизацию. 🐘

Наталья Стапран

ОСНОВНЫЕ ФОРМАТЫ МНОГОСТОРОННЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В начале 1990-х гг. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) вступил в эпоху *истинного* регионализма, когда азиатские страны начали активно налаживать сотрудничество друг с другом, следуя прежде всего естественным экономическим интересам, не оглядываясь на идеологическую и политическую блоковую принадлежность. Несмотря на присутствие в регионе *великих держав*, все более заметную роль стали играть развивающиеся страны, выступавшие локомотивом интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии. Количество и разнообразие порой дублирующих друг друга механизмов достигло такого уровня, что к концу 1990-х гг. АТР стали сравнивать с *тарелкой спагетти* (spaghetti bowl), настолько запутанным оказалось многообразие многосторонних инициатив в регионе.

После азиатского экономического кризиса 1997 г. началось появление новых локомотивов развития и центров политического, военного и, прежде всего, экономического притяжения в регионе. В данном случае речь идет прежде всего о Китае, наиболее безболезненно преодолевшем кризис. Именно в этот период в регионе наблюдается процесс стремительного увеличения количества как двусторонних, так и многосторонних экономических соглашений, первым из которых стало соглашение о зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН, заключенное в 2002 г. В то же время инициированный США и их союзниками (Австралией и Японией) многосторонний механизм торговой либерализации АТЭС, появившийся еще в конце 1980-х гг., постепенно обнаруживает свою полную несостоятельность и неспособность достичь ни одной из поставленных целей.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., порожденный неспособностью Запада контролировать экономические процессы в мире в целом и в АТР в частности, продемонстрировал эффективность существующего в АТР экономического взаимодействия. Однако именно в этот период максимально обострилась борьба за лидерство в регионе между США и Китаем, каждый из которых в 2011 г. стал во главе отдельного интеграционного мегапроекта. Китай активно поддержал развитие переговоров на базе АСЕАН в рамках Всеобъемлющего экономического партнерства (ВРЭП), а США дополнили свой политический разворот в Азию торгово-экономическим мегапроектом в формате Транстихоокеанского партнерства

А
Н
А
Л
И
З

(ТПП). Переговорный процесс в рамках ТПП завершился в октябре 2015 г. заключением исторического соглашения, положившего начало новой эпохе не только в региональной, но в мировой торговле.

Рассмотрим более подробно наиболее важные многосторонние инициативы в АТР.

АССОЦИАЦИЯ ГОСУДАРСТВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (АСЕАН)

Справочно: АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) была создана в 1967 г. в составе 5 стран (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины (1967 г.), позже к ней присоединились еще 5 стран: Бруней (1984 г.), Вьетнам (1995 г.), Лаос и Мьянма (1997 г.), Камбоджа (1999 г.).

Изначально ключевым мотивом формирования АСЕАН в 1967 г. была необходимость достижения политической стабильности в регионе. Развитие и наращивание экономических связей между основными игроками рассматривалось, в первую очередь, как инструмент сдерживания и нивелирования политических противоречий. В период с 2007 по 2009 г. произошло несколько серьезных изменений, направленных на систематизацию работы блока для достижения главных целей, заложенных в хартии АСЕАН. На саммитах глав государств было сформировано три ключевых направления по созданию Сообщества в области политики и безопасности, Сообщества по социокультурным вопросам, Экономического сообщества АСЕАН (АЕС). На сегодняшний день формирование последнего к концу 2015 г. является ключевой задачей государств-членов. АСЕАН выполняет связующую функцию между разнородными элементами институциональной структуры АТР, так как обладает четкой структурой руководящих и рабочих механизмов. Важную роль играет разнообразие направлений сотрудничества в рамках АСЕАН — это не только экономическое и социокультурное взаимодействие, но и сотрудничество в области политики и безопасности.

Справочно: участниками АРФ являются ЕС и 26 стран региона: Австралия, Бангладеш, Бруней, Вьетнам, Восточный Тимор, Индия, Индонезия, Камбоджа, Канада, Китай, КНДР, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Новая Зеландия, Пакистан, Папуа — Новая Гвинея, Республика Корея, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланка, Япония.

Первым расширенным многосторонним механизмом на базе АСЕАН после окончания холодной войны стал Региональный форум АСЕАН (АРФ) по безопасности. Учитывая, что с момента окончания Второй мировой войны и до начала 1990-х гг. ни одна общерегиональная коалиция в области безопасности в Азии так и не была сформирована, данный механизм стал основной платформой обсуждения всех аспектов обеспечения мира и стабильности в АТР.

Предполагалось, что дискуссия в рамках Форума начнется с мер доверия в вопросах противодействия терроризму и транснациональной преступности, нераспространения, разоружения и чрезвычайных ситуаций, далее обсуждение должно было перейти к инструментам превентивной дипломатии и, как ожидалось, на последнем этапе страны должны были начать обсуждение формирования реальных механизмов предотвращения и урегулирования конфликтов. Однако за последние 20 лет участники не смогли продвинуться далее первого этапа, ограничиваясь проведением ежегодных встреч и конференций.

В качестве одного из немногих примеров практического взаимодействия можно назвать международные оперативно-тактические учения по ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций *ARF-DiREx 2011*, в которых приняли участие представители 25 стран и международных организаций. Подобные мероприятия носят скорее отчетно-демонстрационный характер, нежели приносят реальную пользу для укрепления безопасности в регионе.

Ни один из возникавших за это время в регионе конфликтов не был урегулирован с помощью данного механизма, для этого использовались другие форматы. Например, для решения проблем корейского полуострова в 2003 г. был организован отдельный альтернативный переговорный процесс, получивший название *шестисторонние переговоры* (по числу участников: США, Япония, КНР, Россия, КНДР и Республика Корея), однако и он не увенчался успехом и фактически был заморожен. Все это свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне взаимного недоверия и очевидной неготовности стран к откровенному обсуждению вопросов безопасности в рамках всего региона.

Наращивание внутрирегиональной торговли, сближение экономик стран-членов, развитие взаимосвязанности в регионе — все эти вопросы решаются в процессе создания АЕС. Главы государств АСЕАН приняли пакет документов о формировании Экономического сообщества АСЕАН в ноябре 2007 г. в Сингапуре в рамках проведения 13-го саммита АСЕАН. Тогда же, в 2007 г., была принята концепция создания Экономического сообщества АСЕАН, где были четко определены сферы, которые требуют изменений, основные меры и временные периоды.

АЕС является конечной целью экономической интеграции, которая была предусмотрена в *Видении — 2020*. АЕС представит АСЕАН в новом качестве — единого рынка и производственной базы, которые позволят Ассоциации быть более динамичной и конкурентоспособной. АЕС также будет способствовать ускорению региональной интеграции в приоритетных сферах, укрепит институциональные механизмы АСЕАН. АСЕАН возлагает особые надежды на АЕС в сокращении разрыва в экономическом развитии между АСЕАН-6 и КЛМВ (Камбоджей, Лаосом, Мьянмой и Вьетнамом) и ускорении процесса интеграции. Основопологающим направлением формирования АЕС является создание единого рынка и производственной базы АСЕАН.

Согласно совместному заявлению министров экономик АСЕАН, сделанному в рамках 47-й встречи 22 августа 2015 г. в Куала-Лумпуре, Малайзия, страны реализовали 91,5% поставленных целей по формированию экономического сообщества, очерченных в Стратегическом плане по формированию экономического сообще-

ства, что составляет 463 из 506 приоритетных линий. Кроме того, сформирована повестка работы до 2016 г. по нерешенным ключевым вопросам.

Тем не менее среди положительных отзывов о стремлениях АСЕАН прийти к экономическому сообществу присутствуют и негативные отклики на стратегию экономического развития стран — членов АСЕАН, что вызывает сомнения в реалистичности достижения поставленных целей.

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ САММИТ (ВАС)

В 2000 г. лидеры стран — членов АСЕАН на саммите АСЕАН+3 (Япония, Китай, Южная Корея) выразили мнение, что для углубления экономического сотрудничества в регионе необходимо пригласить в организацию Австралию, Новую Зеландию и Индию. Первый саммит ВАС состоялся в 2005 г. в Куала-Лумпуре, Малайзия (Российская Федерация участвовала как наблюдатель). Затем в 2007 г. в рамках второго Восточноазиатского саммита на Филиппинах страны приняли Декларацию об энергетической безопасности в Восточной Азии. Третий саммит, проведенный в Сингапуре, ознаменовался принятием Декларации о климатических изменениях, энергетической безопасности и охране окружающей среды. В ноябре 2011 г. состоялся шестой Восточноазиатский саммит, но уже не в привычном прежнем составе АСЕАН+6, а в расширенном составе с участием США и Российской Федерации. Помимо экономической сферы, главы государств обсудили вопросы сотрудничества в сфере энергетики и финансов, а также напряженную обстановку в Южно-Китайском море. Страны — участники территориального спора — Китай, Вьетнам, Малайзия, Тайвань, Филиппины и Бруней — являются активными участниками АСЕАН и ВАС. В целом, можно говорить о том, что ВАС является в первую очередь площадкой для обсуждения стратегических вопросов регионального сотрудничества, при этом дискуссия проходит в рамках регулярных встреч министров и лидеров государств-членов.

Важно также отметить, что еще в 2006 г. в рамках ВАС была озвучена идея Японии о создании Всеобъемлющего экономического партнерства в Восточной Азии. Данное предложение предусматривало создание зоны свободной торговли между 16 государствами (АСЕАН+Китай, Япония, Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия), а также экстенсивное углубление торговой кооперации.

Таким образом, в связи с развитием переговоров о ВРЭП вне площадки ВАС экономическая составляющая взаимодействия в рамках самой организации отошла на второй план, а ключевыми вопросами сотрудничества на сегодняшний день остаются финансы, энергетика, чрезвычайное реагирование, здравоохранение, образование, региональная взаимосвязанность.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩЕЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО (ВРЭП)

Справочно: Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) — это формирующееся интеграционное объединение 16 стран Восточной Азии. На сегодняшний день в переговорах о создании ВРЭП участвуют 10 стран АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Бруней, Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма), Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия. Последние 6 стран являют-

ся партнерами АСЕАН по ЗСТ. По оценкам участников, к моменту завершения переговоров (планируется в 2015 г.) ВРЭП будет представлять 49% населения мира, 30% мирового ВВП и 29% мировой торговли.

Формирование ЗСТ ВРЭП началось на базе двух инициатив развития свободной торговли и интеграции в Восточной Азии: Восточноазиатской ЗСТ и Всеобъемлющего экономического пространства в Восточной Азии. С первой инициативой выступил Китай, предложив создать ЗСТ АСЕАН и трех стран: Китая, Японии и Южной Кореи. Второе предложение исходило от Японии, оно должно было воплотиться в единой ЗСТ АСЕАН, Японии, Китая, Южной Кореи, Индии, Новой Зеландии и Австралии. В ноябре 2011 г. лидеры стран АСЕАН одобрили создание ВРЭП, через год это решение поддержали партнеры АСЕАН по ЗСТ на саммите АСЕАН+6. Предполагается, что ВРЭП будет не еще одной из многочисленных ЗСТ на азиатско-тихоокеанском пространстве, которые создают запутанный клубок двусторонних и многосторонних соглашений, а станет панацеей для разрешения сегодняшних противоречий и дальнейшего развития эффективного торгово-экономического сотрудничества в регионе.

Важнейшей характеристикой и отличительной чертой ВРЭП является наличие существенных диспропорций в уровнях и темпах экономического развития стран Партнерства. Первая группа — это развитые страны и Бруней, для которых характерен высокий уровень подушевого ВВП и низкие темпы экономического роста (менее 4% в год). Вторая группа — это страны с развивающимися и формирующимися рынками, ВВП на душу населения которых не превышает 10 000 долл. (исключение — Малайзия, почти 17 000 долл.), но отличающиеся ускоренным экономическим ростом. Благодаря опережающим темпам роста ВВП менее развитым странам удастся сокращать разрыв в уровнях социально-экономического развития между ними и развитыми экономиками. Задачи, стоящие перед двумя группами стран — развивающихся (с формирующимся рынком) и развитых — различны: первые находятся на пути так называемого *догоняющего* (catching up) развития и для достижения сопоставимого с развитыми странами уровня им требуется ускорение экономического роста; вторым необходимо поддержание стабильного, эффективного и качественного роста.

Целью переговоров по ВРЭП было объявлено достижение современного, всеобъемлющего, качественного и взаимовыгодного соглашения в рамках экономического партнерства между членами АСЕАН и его партнерами по ЗСТ. На сегодняшний день переговоры распространяются на торговлю товарами, услугами, инвестиционное сотрудничество, экономическое и техническое взаимодействие, защиту прав интеллектуальной собственности, развитие конкуренции, создание механизма по разрешению споров, электронную коммерцию.

Предполагается, что в итоге таможенные пошлины будут сняты по 95% тарифных линий. На данный момент среди ЗСТ АСЕАН+ наблюдаются существенные различия в обязательствах по либерализации тарифов: в среднем они варьируют от 79,6% (ЗСТ АСЕАН — Индия) до 95,7% (ЗСТ АСЕАН — Австралия — Новая Зеландия). Оставшиеся 5% будут предоставлены странам-участницам Пар-

тнерства для формирования группы чувствительных и исключенных из сферы действия ЗСТ товаров. Сегодня в регионе уровень средневзвешенного тарифа в рамках РНБ не превышает 14%. Наиболее низкий показатель у Сингапура — ставка тарифа около 0%, самый высокий показатель наблюдается в Индии — 13,7%. Однако на некоторые группы товаров страны-участницы потенциального соглашения устанавливают ставки тарифа значительно выше среднего уровня (кофе, чай, молочная продукция, фрукты и овощи, зерно, одежда).

ФОРУМ «АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО» (АТЭС) (ASIA-PACIFIC ECONOMIC COOPERATION — APEC)

Справочно: Форум Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) создан в 1989 г. по инициативе премьер-министра Австралии Дж. Хоука на встрече министров экономики и иностранных дел 12 стран АТР: Австралии, Брунея, Индонезии, Канады, Малайзии, Новой Зеландии, Республики Корея, Сингапура, США, Таиланда, Филиппин и Японии. В 1991 г. к форуму присоединились Китайская Народная Республика, а также, в качестве самостоятельных участников, Гонконг и Китайский Тайбэй. В 1993 г. в АТЭС вошли Мексика и Папуа — Новая Гвинея, в 1994 г. — Чили. В 1998 г. одновременно со вступлением в АТЭС России, Вьетнама и Перу принято решение о введении 10-летнего моратория на дальнейшее расширение числа участников форума (продлен в 2008 г.).

Особое место в системе многосторонних механизмов в АТР занимает форум Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС).

В АТЭС ежегодно проводятся тесно связанные между собой конференции и встречи различного уровня. Главные из них — неформальные саммиты высших руководителей экономик-участниц, а также приуроченные к ним встречи министров иностранных дел и торговли. Административно-технические функции выполняет международный секретариат АТЭС. В качестве автономного бизнес-форума с 1995 г. на постоянной основе работает Деловой консультативный совет (ДКС).

Основной целью работы форума АТЭС является либерализация торговли, региональная интеграция, поддержка устойчивого экономического роста и процветания в регионе; тем не менее экономическая составляющая и, в частности, экономическая интеграция являются ключевыми направлениями сотрудничества форума. В начале 1990-х гг. АТЭС казался наиболее эффективным механизмом многостороннего экономического взаимодействия, ставившего целью формирование в регионе единого экономического и информационного пространства и создание открытой многосторонней торговой системы. На фоне общего воодушевления относительно переговоров о либерализации торговли в рамках Всемирной торговой организации (ВТО) участники АТЭС рискнули даже обозначить для себя конкретные сроки создания общерегиональной зоны свободной торговли и движения капиталов: 2010 г. для развитых стран и 2020 г. для развивающихся экономик.

В середине 2000-х стало ясно, что поставленные цели не могут быть реализованы и либерализация гораздо активнее происходит в более узких двусторонних форматах и в рамках АСЕАН, все чаще АТЭС стали называть *инкубатором* интеграционных процессов в АТР.

Сейчас АТЭС прежде всего является дискуссионной площадкой, свободным консультативным форумом с некоторыми чертами интеграционного объединения (проект создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) к 2025 г.) и рассматривается как свободная *совокупность экономик*. Принцип открытого регионализма, декларируемый участниками, предполагает высокую степень свободы выбора комфортных для каждой отдельной экономики механизмов торговой либерализации, а принцип консенсуса при принятии решений и вовсе дает право критикам говорить о *триумфе процесса над содержанием*.

С одной стороны, подобная необязательность и свобода выбора не позволяют преодолеть разобщенность и разнородность экономик, что препятствует созданию единой зоны свободной торговли и инвестиций в рамках АТЭС, с другой — именно принцип открытого регионализма позволил многим странам, в том числе и России, которая до 2011 г. не была членом Всемирной торговой организации (ВТО) и не имела ни одного интеграционного соглашения с членами АТЭС, стать участником Форума и на равных принимать участие в обсуждении интеграционной тематики. Наиболее значимым проектом, зародившимся на площадке АТЭС, стал торговый мегаблок *Транстихоокеанское партнерство*.

ТРАНСТИХООКЕАНСКОЕ ПАРТНЕРСТВО (ТПП)

Справочно: изначально в 2005 г. между Сингапуром, Новой Зеландией, Чили и Брунеем было заключено четырехстороннее соглашение о свободной торговле, которое после присоединения США, Австралии, Перу и Вьетнама (2008–2010 гг.) легло в основу американской инициативы о формировании Транстихоокеанского партнерства. В октябре 2010 г. девятым участником стала Малайзия. Правительства Мексики и Канады включились в переговорный процесс с осени 2012 г., а в марте 2013 г. в соглашение вступила Япония. Все участники переговоров по ТПП являются экономиками-членами АТЭС. Австралия, Канада, Мексика, США и Япония являются также членами G20. Заинтересованность во вступлении в ТПП высказали Корея, Филиппины, Таиланд, Китайский Тайбей, Индонезия, а также Коста-Рика и Колумбия, не являющиеся членами Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС).

5 октября 2015 г. завершились крупнейшие со времен создания в 1995 г. ВТО торговые переговоры — переговоры по формированию Транстихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP) между 12 странами АТР: США, Японией, Канадой, Мексикой, Австралией, Новой Зеландией, Сингапуром, Брунеем, Чили, Перу, Малайзией и Вьетнамом. На страны ТПП приходится около 40% мирового ВВП, 24,4% мирового экспорта и 26,7% мирового импорта товаров и услуг, на территории стран членов ТПП проживает более миллиарда человек.

Соглашение о ТТП состоит из 30 глав и охватывает беспрецедентное количество вопросов торговой повестки. Некоторые из них впервые в истории рассматриваются в рамках торговых соглашений (например, патентная защита биопрепаратов). ТТП не только регулирует сферу международной торговли товарами и услугами (доступ на рынки), перемещение капиталов и рабочей силы, но и предписывает правила внутреннего регулирования в странах-участницах в таких областях, как трудовое право, экология, интеллектуальная собственность.

На фоне фактического провала переговоров в рамках дохинского раунда торговых переговоров ВТО, Соглашение о ТТП фактически представляет собой ВТО нового поколения, формулирующего новые правила международной торговли, удобные для узкого круга заинтересованных участников, что может послужить инструментом вытеснения экономик, не участвующих в интеграционных инициативах, из общей системы международной торговли и производства за счет снижения сравнительных преимуществ по отношению к компаниям стран-участниц соглашения.

Глубокое исчерпывающее региональное торговое соглашение ТПП включает аспекты регулирования торговли инвестиций, выходящих далеко за рамки повестки ВТО. Таким образом, под сомнение ставится не только роль ВТО, но и в целом подрываются основы ООН как организации. В соглашении обозначена необходимость гармонизации и унификации внутренних законодательств в области регулирования, конкуренции и коммерческой деятельности. Фактически, при лидирующей роли США в ТТП собраны все перспективные нормы преференциальной повестки, выработанные в предыдущих соглашениях о зонах свободной торговли (доступ на рынки товаров и услуг, перемещение капитала и рабочей силы, интеллектуальная собственность, экология, регулирование рынка труда и др.), включены новые нормы (ограничения по локализации данных на серверах и др.).

Россия является одним из самых молодых участников азиатско-тихоокеанского регионализма. После завершения холодной войны — периода, когда Советский Союз был закрыт для регионального сотрудничества, традиционно полагаясь на двусторонние связи с отдельными союзниками, такими как Вьетнам и Монголия, Россия значительно активизировала свое участие в многосторонних механизмах в АТР и явно стремится стать заметным игроком в региональном институциональном строительстве. За два последних десятилетия Россия оказалась вовлеченной практически во все основные механизмы многостороннего взаимодействия в АТР.

С начала 2010-х гг. ситуация начала кардинально меняться, участие России в многосторонних группировках интенсифицировалось. Включение России в переговорный формат ВАС (2011 г.) свидетельствует о том, что азиатские страны готовы видеть в России не только полноправного участника региональных процессов, но и глобального игрока. Со вступлением России в ВТО и формированием в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Армении, Белорус-

сии, Казахстана и Киргизии, с мертвой точки сдвинулся процесс вовлечения России в многосторонние экономические интеграционные структуры. В 2015 г. Россия провела первую практическую апробацию формата ЗСТ со странами АТР в форме заключения соглашения о ЗСТ между странами ЕАЭС и Вьетнамом.

В текущей ситуации России необходима выработка активной повестки включения в интеграционные процессы АТР в формате соглашений о формировании зон свободной торговли, отраслевых соглашений, всеобъемлющих соглашений об экономическом сотрудничестве. Важно использовать лучшие международные практики, закрепленные в положениях ТТП (например, создание органа по разрешению споров между инвестором и государством); наращивать опыт и постепенно адаптировать внутренние нормы регулирования к новым заявленным международным стандартам, в тех случаях, когда это целесообразно.

ОСНОВНЫЕ ФОРМАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Членский состав

АТЭС	Австралия, Бруней, Канада, Индонезия, Япония, Корея, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, США, Китайский Тайбэй, Гонконг, Китай, Мексика, Папуа – Новая Гвинея, Чили, Перу, Россия, Вьетнам
АСЕАН	Бруней, Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма
ВАС	10 экономик АСЕАН, Китай, Япония, Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия, США, Россия = $АСЕАН+8 = ВРЭП + Россия + США$
ТТП	Бруней, Чили, Новая Зеландия, Сингапур, США, Австралия, Перу, Вьетнам, Малайзия, Мексика, Канада, Япония = $АТЭС - 9$
ВРЭП	10 экономик АСЕАН + Китай, Япония, Корея, Австралия, Новая Зеландия, Индия

А
Н
А
Л
И
З

Заявленные цели

АТЭС	Поддержка устойчивого экономического роста и процветания в регионе. В интеграционном плане — использование инструментария АТЭС как инкубатора для формирования Азиатско-Тихоокеанской ЗСТ (АТЗСТ)
АСЕАН	Создание трех ключевых Сообществ АСЕАН: Сообщества в области политики и безопасности, Сообщества по социокультурным вопросам, Экономического сообщества (АЕС). Текущая ключевая задача — формирование Экономического сообщества АСЕАН к концу 2015 г.
ВАС	Углубление экономического и политического сотрудничества в регионе
ТТП	Формирование всеохватывающего интеграционного блока нового поколения
ВРЭП	Формирование всеохватывающего интеграционного блока нового поколения

Основное направление сотрудничества

АТЭС	Широкий спектр вопросов экономического и социального характера
АСЕАН	Экономическая интеграция
ВАС	Стратегические вопросы экономического и политического сотрудничества
ТПП	Экономическая интеграция
ВРЭП	Экономическая интеграция

Механизмы взаимодействия

АТЭС	Работа АТЭС проводится на нескольких уровнях сотрудничества: 1. Рабочий уровень (регулярные встречи в рамках групп и комитетов). 2. Политический уровень (5 раундов встреч старших должных лиц, ежегодные встречи министров и лидеров). Ведется постоянная работа Секретариата АТЭС.
АСЕАН	В рамках работы АСЕАН существуют постоянные органы, такие, как Секретариат АСЕАН и Комитет постоянных представителей, имеется ряд постоянных представителей АСЕАН в странах-партнерах и международных организациях. Осуществляются регулярные встречи на различных уровнях в рамках комитетов, рабочих групп, диалогов, советов и других рабочих органов. Проводятся ежегодные встречи министров и лидеров стран-участниц. Важное место занимают встречи с ключевыми партнерами и международными организациями.
ВАС	Основные направления стратегического сотрудничества обсуждаются в рамках встреч министров и лидеров.
ТПП	Переговоры проводятся на рабочем уровне различными экспертными группами, периодически осуществляются встречи министров и лидеров стран-участниц. Формирование постоянного координирующего органа после заключения соглашения пока остается открытым.
ВРЭП	Переговоры проводятся на рабочем уровне различными экспертными группами, периодически осуществляются встречи министров и лидеров стран-участниц. Формирование постоянного координирующего органа после заключения соглашения пока остается открытым.

Последние достигнутые результаты

АТЭС	В рамках экономической повестки необходимо отметить следующие последние достижения АТЭС: 1. Запуск исследования о целесообразности формирования АТЗСТ. 2. Формирование плана действий по поддержке участия МСП в региональной торговле. 3. Работа по формированию рамочного соглашения по вопросам услуг. 4. Работа по выполнению обязательств по снижению тарифов на экологические товары к концу 2015 г.
-------------	--

АСЕАН	Согласно совместному заявлению министров экономик АСЕАН, сделанному в рамках 47-й встречи 22 августа 2015 г., страны реализовали 91,5% поставленных целей формирования экономического сообщества, очерченных в Стратегическом плане по формированию экономического сообщества, что составляет 463 из 506 приоритетных линий. Сформирована повестка работы до 2016 г. по нерешенным ключевым вопросам.
ВАС	24 августа 2015 г. в Куала-Лумпуре, Малайзия, была проведена третья встреча министров экономики членов ВАС, в рамках которой министры обсудили основные вопросы региональной архитектуры, поддержки ВТО, а также ключевые направления работы Института экономических исследований АСЕАН и Восточной Азии.
ТТП	По последним данным, министерская встреча состоится с 30 сентября по 1 октября. До этого (26–29 сентября) — встреча ключевых переговорщиков. Переговорщики надеются, что это будет финальный раунд переговоров, но никаких подвижек по трем наиболее сложным вопросам (правила происхождения для автомобилей, тарифные квоты на молочную продукцию и монополия защита биологических препаратов) пока нет.
ВРЭП	На сегодняшний день ведутся переговоры по формированию соглашения. С 22 по 23 августа 2015 г. прошел очередной раунд переговоров. В частности экономикам удалось следующее: 1. Договорились по модальностям тарифных переговоров. 2. К следующему раунду участники должны сдать начальные позиции по доступу на рынки товаров, услуг и по инвестициям. На следующем раунде начнется их обсуждение.

З
И
Л
А
Н
А

Взаимодействие с другими форматами

АТЭС	Большинство членов АСЕАН (за исключением Мьянмы, Камбоджи, Лаоса) являются членами АТЭС. ВРЭП и ТТП признаны в качестве основных путей развития АТЗСТ на базе АТЭС.
АСЕАН	Большинство членов АСЕАН (за исключением Мьянмы, Камбоджи, Лаоса) являются членами АТЭС. АСЕАН является центральным звеном формирования ВРЭП. Так, например, в рамках АСЕАН функционирует комитет торговых переговоров по формированию ВРЭП. Саммит ВАС проходит на площадке АСЕАН по мере проведения саммита АСЕАН.
ВАС	Саммит ВАС проходит на площадке АСЕАН по мере проведения саммита АСЕАН. В интеграционном плане — в рамках встреч ВАС были инициированы переговоры по формированию ВРЭП.
ТТП	Все участники переговоров по формированию ТТП являются экономиками-членами АТЭС. ТТП признан в качестве ключевого пути для формирования АТЗСТ на базе АТЭС.

ВРЭП	ВРЭП признан в качестве ключевого пути для формирования АТЗСТ на базе АТЭС. АСЕАН является центральным звеном формирования ВРЭП. Так, например, в рамках АСЕАН функционирует комитет торговых переговоров по формированию ВРЭП. В рамках встреч ВАС были инициированы переговоры по формированию ВРЭП.
-------------	---

Александр Габуев

АЗИЯ НЕ В КУРСЕ, ИЛИ КАК РОССИЯ ПЫТАЕТСЯ ИНТЕГРИРОВАТЬСЯ В МНОГОСТОРОННИЕ СТРУКТУРЫ АТР

В условиях кризиса отношений с Западом, вызванного событиями на Украине, Россия пытается осуществить *поворот на Восток*, укрепив свои позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и превратив Восточную Азию в драйвер для развития экономики РФ, в первую очередь для подъема Сибири и Дальнего Востока. За полтора года *поворот* в основном свелся к ряду двусторонних договоренностей с Китаем, в то время как диверсифицировать контакты и выстраивать отношения с другими азиатскими игроками у России получается хуже. Одна из причин — непоследовательность Москвы при работе в многосторонних форматах, которые начинают играть в регионе все большую роль. Прежде всего речь идет о площадках АТЭС и ВАС.

ИДУ НА ВАС

В декабре 2005 г. президент РФ В. Путин посетил Куала-Лумпур. Формально главным пунктом в повестке его визита было участие в первом в истории саммите России с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН объединяет Бруней, Вьетнам, Индонезию, Камбоджу, Лаос, Малайзию, Мьянму, Сингапур, Таиланд, Филиппины). Но не менее важным было то, что российский лидер стал единственным иностранным гостем на учредительной встрече Восточного азиатского саммита (ВАС) — совершенно нового механизма в АТР, созданного по инициативе малазийского премьера М. Мохамеда.

Выдвинутая М. Мохамедом, известным сторонником концепции *Азии для азиатов*, еще в 1991 г. идея ВАС предполагала создание сообщества на базе механизма АСЕАН плюс три (Китай, Южная Корея, Япония). ВАС должен был стать платформой для обсуждения не только экономической, но и политической интеграции региона. При этом Малайзия настаивала, что интеграция должна проходить без участия США. Преемник М. Мохамеда на посту премьера А. Бадави, который и выступил хозяином саммита, даже заявил, что цель ВАС — постепенное снижение зависимости Азии от влияния Вашингтона¹. И хотя изначальная задумка малазийских хозяев была размыта за счет включения в ВАС региональных союзников и партнеров Соединенных Штатов (Австралия, Новая Зеландия и Индия), президент США Дж. Буш приглашения в Куала-Лумпур так и не получил.

А
Н
А
Л
И
З

В этих условиях российская дипломатия попыталась развить активное наступление на азиатском направлении. В середине июля 2005 г., за полгода до учредительного саммита ВАС, Москва подала официальную заявку на присоединение к будущей организации. 28 июля того же года глава МИД РФ С. Лавров во время переговоров с коллегами из стран АСЕАН в лаосском Вьентьяне получил ответ, что рассмотрение российской заявки пока отложено, но В. Путин сможет посетить декабрьский саммит в Куала-Лумпуре как единственный иностранный гость². Против принятия РФ в ВАС тогда выступили Сингапур, Индонезия и Япония, мотивировав это низким уровнем интеграции российской экономики в АТР³. Изначальный отказ не демотивировал Россию, и она продолжала попытки получить членство в ВАС и во время второго срока В. Путина, и при новом президенте Д. Медведеве. Наконец в 2011 г. Москва добилась своего — страны АСЕАН решили официально пригласить Россию в ВАС одновременно с США. Важную роль сыграли все те же сингапурские дипломаты, убедившие коллег, что обладатель постоянного места в Совете Безопасности ООН и второго в мире ядерного арсенала усилит ВАС и превратит форум в ключевую площадку для обсуждения вопросов безопасности в АТР — в отличие от формата Региональных форумов АСЕАН (АРФ), где страны в основном представлены на уровне замглав МИДов и обсуждаются преимущественно технические вопросы⁴.

Однако этой дипломатической победой Россия не воспользовалась. В 2011 г. Д. Медведев на саммит ВАС не поехал. Официальной причиной стало участие президента в думской кампании *Единой России*. «У президента много дел внутри страны, поэтому Россию на саммите ВАС будет представлять глава МИДа С. Лавров», — поясняла тогда газете *Коммерсантъ* пресс-секретарь Д. Медведева Н. Тимакова⁵. Традицию не ездить на ВАС, членства в котором российские дипломаты добивались с таким трудом, после своего переизбрания на третий срок продолжил и В. Путин.

Подобное игнорирование Россией ключевого для региона формата вызвало недоумение среди азиатских членов ВАС. На саммите в Пномпене генсек АСЕАН С. Питсуван прямо сказал российским журналистам об обиде стран региона на высокомерное поведение Москвы: «Мы уже два года подряд приглашаем руководителей РФ принять участие в ВАС, однако они не приезжают»⁶. Тем не менее в 2013 и в 2014 гг. ситуация повторилась. Причем в 2014 г. география перемещений В. Путина вызвала недоумение даже с точки зрения логистики. Приняв участие в саммите АТЭС, все лидеры АТР, включая президента США Б. Обаму, отправились на юг, в мьянманскую столицу Нейпидо для участия в ВАС, а затем еще южнее, на саммит G20 в Брисбене. Однако российский лидер в Нейпидо не поехал, вместо этого отправившись из Пекина на север, во Владивосток, где посетил недостроенный океанариум и хоккейный матч, и лишь затем полетел в Брисбен на саммит *двадцатки*⁷. На саммит ВАС был впервые отправлен премьер Д. Медведев⁸.

Официально подобное пренебрежительное отношение президента РФ к ВАС, который постепенно становится главным форматом для обсуждения безопасности в АТР (в отличие от АТЭС, которая является ключевой площадкой для обсуждения экономических вопросов), российская сторона объясняет напряженным графиком национального лидера. В частных разговорах российские чиновники

называют другие мотивы. Первый и главный — нелюбовь В. Путина к многосторонним бюрократическим форматам. Президент любит использовать их как площадку для двусторонних встреч, и свою *норму* встреч с азиатскими лидерами выполняет на саммитах АТЭС. Второй аргумент: для России в АТР важнее экономическая составляющая, а не вопросы безопасности, отсюда и выбор АТЭС как приоритетного формата. Третья причина — нежелание присутствовать при выяснении отношений между США и КНР в рамках ВАС, где России уготована лишь роль статиста. Наконец четвертая причина — тот факт, что и Китай отправляет на ВАС премьера, а не председателя КНР (правда, это делается как раз для того, чтобы избежать острой публичной конфронтации с Вашингтоном по вопросам безопасности — премьер Ли Кэцян как раз говорит о выгоде китайских инвестиций в АСЕАН и огромном потенциале внутреннего рынка КНР для стран региона)⁹.

В итоге складывается парадоксальная ситуация, когда на крупнейшем региональном форуме по безопасности ядерную державу и постоянного члена Совета Безопасности ООН представляет премьер (а до недавнего времени и вовсе глава МИД), а на экономическом форуме — глава государства, хотя в объеме региональной торговли на долю России приходится скромный 1%. Подобное противоречие вызывало сначала недоумение, а затем и откровенные насмешки представителей региональных держав. «Если Россия собиралась сводить свою азиатскую политику к превращению в младшего брата и сырьевой придаток Китая, нечего было проситься в ВАС», — подобные оценки можно услышать от высокопоставленных дипломатов многих стран АСЕАН¹⁰.

Непоследовательная политика в отношении ВАС — вполне характерный, но далеко не единственный пример того, как Россия упускает возможности использовать многосторонние форматы работы в АТР.

АЗИЯ В ДОКТРИНЕ: МЕЖДУ АРКТИКОЙ И АФРИКОЙ

До недавнего времени Азия не занимала важного места в российской внешней политике и экономической дипломатии ни на доктринальном уровне, ни на практике. Весьма показательно место, которое АТР занимает в *Концепции внешней политики* России. Четыре версии этого документа, которые были разработаны в РФ после распада СССР и отражали эволюцию подхода Москвы к окружающему миру и восприятия ею задач для своей внешней политике, были утверждены сначала в 1993 г. при Б. Ельцине, затем в 2000 г. при В. Путине, в 2008 г. — при новом президенте Д. Медведеве и в 2013 г. — после возвращения В. Путина в Кремль. Разумеется, доктринальные документы по внешней политике во всех без исключения странах имеют символический характер, а дистанция между словами и актуальной внешнеполитической практикой в России может быть очень велика. Тем не менее анализ подобных документов важен для понимания официальной линии и символического восприятия Москвой приоритетов своей внешней политики.

В отношении АТР все четыре документа демонстрируют завидную последовательность — этот регион всегда предстает в них как далеко не самый значимый для российских интересов. Если в отношении *Основных направлений концепции*

внешней политики РФ, принятых в 1993 г. в разгар экономического и политического кризиса, это можно понять, то отсутствие развернутого упоминания АТР в последующих документах говорит о многом. В Концепции 2000 об АТР говорится после перечисления глобальных задач, а также региональных приоритетов (СНГ, Европа, США, Северная Америка и лишь потом Азия). Отношения с АТР упомянуты после отношений с Балканами. Задачи РФ постулируются следующим образом:

Важное и все возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия, что обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока. Упор будет сделан на активизации участия России в основных интеграционных структурах Азиатско-тихоокеанского региона — форуме Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, региональном форуме Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по безопасности, в созданной при инициативной роли России шанхайской пятерке (Россия, Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан)¹¹.

Текст медведевской Концепции 2008 почти ничем не отличается ни по месту АТР в системе приоритетов, ни по самому описанию:

В контексте многовекторной внешней политики Российской Федерации важное и всевозрастающее значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся району мира, заинтересованностью в использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, необходимостью укрепления регионального сотрудничества в сфере противодействия терроризму, обеспечения безопасности и налаживания диалога между цивилизациями. Продолжится активное участие России в основных интеграционных структурах Азиатско-Тихоокеанского региона — форуме Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, механизмах партнерства с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), включая региональный форум АСЕАН¹².

Наконец, вторая путинская Концепция 2013 среди мировых тенденций отмечает рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение на Восток, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанский регион (п. 6). Описание российской стратегии в отношении АТР и различных многосторонних региональных объединений гораздо более подробно:

Возрастающее значение приобретает укрепление позиции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что обусловлено принадлежностью нашей страны к этому самому динамично развивающемуся геополитическому пространству, куда последовательно смещается центр тяжести мировой экономики и политики. Россия заинтересована в активном участии в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе, использовании его возможностей при реализации программ экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, в создании в Азиатско-Тихоокеанском регионе транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества на коллективных началах. Принципиальное значение для России имеет общее оздоровление военно-

политической обстановки в Азии, где сохраняется значительный конфликтный потенциал, наращиваются военные арсеналы, увеличивается опасность распространения оружия массового уничтожения. Россия последовательно выступает за урегулирование вовлеченными сторонами всех имеющихся разногласий политико-дипломатическими средствами при строгом соблюдении основополагающих принципов международного права. Россия считает важными формирование и продвижение в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети региональных объединений. Особое значение в этом контексте придается укреплению роли ШОС в региональных и глобальных делах, конструктивное влияние которой на положение дел в регионе в целом заметно возросло. Россия рассматривает механизм Восточноазиатских саммитов как основную площадку для стратегического диалога лидеров по ключевым аспектам безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Усилия на данном направлении будут подкрепляться активностью и в других форматах — форуме Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, диалоге Россия–Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Региональном форуме АСЕАН по безопасности, форуме Азия–Европа, Совещании по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Совещании министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами, форуме Диалог по сотрудничеству в Азии¹³.

Таким образом, за последние 15 лет на доктринальном уровне Россия определяла себя как часть АТР, постулировала значимость укрепления связей с регионом для развития Сибири и Дальнего Востока, а в последней редакции Концепции (2013 г.) перечисляются все региональные форматы, в которых Россия намерена активно участвовать (главным из них называется тот самый механизм ВАС, который глава российского государства игнорирует четыре года подряд). При этом описание приоритетов в АТР неизменно следует за изложением приоритетов на постсоветском пространстве, в *большой Европе* и в отношениях с США, что в целом, скорее всего, отражает реальный расклад интересов российской внешней политики.

Единственный программный документ стратегического характера, подготовленный Россией в отношении АТР, был написан в 2011 г. по заданию Д. Медведева — соответствующее поручение правительству он дал 2 июля в Хабаровске во время совещания по социально-экономическому развитию стран Дальнего Востока и сотрудничеству со странами АТР¹⁴. *Хабаровские инициативы*, как стал известен этот документ впоследствии, были снабжены грифом секретности. Сотрудники российского правительства, видевшие документ, говорят, что он во многом повторял азиатскую часть подготовленной МИД РФ по поручению Д. Медведева *Программы эффективного использования на системной основе внешнеполитических факторов в целях долгосрочного развития Российской Федерации* (версию документа опубликовал *Русский Newsweek*, но МИД никогда не признавал авторства опубликованного на сайте журнала текста)¹⁵. При этом, по словам читавших документ чиновников, в тексте *Хабаровских инициатив* отмечалось, что Россия не может удовлетвориться в АТР ролью сырьевого придатка и должна быть источником новых технологий и модернизационных решений¹⁶.

ИНТЕРЕС К АЗИИ: ЕСТЬ ЛИ ОН?

Слабое внимание к АТР на доктринальном уровне не должно удивлять. Оно является отражением объективно низкого уровня интереса к региону со стороны Москвы. Это объясняется прежде всего низким уровнем экономического взаимодействия, поскольку на АТР приходится менее 30% российского товарооборота. По данным Минэкономразвития РФ, по итогам 2014 г. экспорт в страны АТЭС составил 107,2 млрд долл. США при общем объеме экспорта в 497,6 млрд долл. США¹⁷.

Показательна ситуация в торговле основным российским экспортным товаром — углеводородами. Так, по данным Центрального диспетчерского управления топливно-энергетического комплекса, в 2014 г. Россия поставила в АТР 1 млрд кубометров газа (всего экспортировано 183,3 млрд кубометров) и 51 млн тонн нефти (общий объем экспорта — 213,7 млн тонн)¹⁸. К 2035 г., рассказывал в феврале 2015 г. на Красноярском экономическом форуме министр энергетики А. Новак, страна рассчитывает поставлять в АТР 130 млрд кубометров газа и 110 млн тонн нефти — это при условии, что будут реализованы масштабные проекты вроде двух маршрутов наземного газопровода в КНР *Сила Сибири*¹⁹. Между тем в 2013 г., по данным ВР, страны АТР импортировали 294 млрд кубометров газа и 950 млн тонн сырой нефти²⁰. По прогнозу, к 2035 г. эти показатели вырастут на 184% и 61%²¹. Таким образом, Россия заметно отстает в гонке за статус крупного поставщика углеводородов в АТР. За прошедшие с момента распада СССР 25 лет Россия почти не создала новой инфраструктуры экспорта нефти и газа на азиатские рынки — исключения в виде нефтепровода *Восточная Сибирь–Тихий Океан* (ВСТО) и завода по производству сжиженного природного газа на Сахалине появились лишь в последние пять лет и незначительны по мощности.

Чем можно объяснить сравнительно низкие результаты сотрудничества России с АТР и не слишком большой интерес к региону, декларируемый в программных внешнеполитических документах? Помимо объективных факторов вроде протяженных расстояний от АТР до главных центров экономической активности в европейской части России, отсутствия дорогостоящей инфраструктуры и немногочисленности населения на примыкающем к Азии географически Дальнем Востоке РФ (6,2 млн человек), свою роль играет и субъективный фактор — низкий интерес к АТР со стороны российской элиты.

Среди представителей российского руководства на уровне министра и выше (включая губернаторский и депутатский корпус) нет ни одного специалиста по Азии — ни по диплому, ни по практическому опыту (единственное исключение — глава МИД Сергей Лавров, изучавший в МГИМО сингальский и начинавший карьеру в Шри-Ланке, однако дальнейшая карьера министра с Азией связана не была). Для сравнения — в соседнем Казахстане на руководящих должностях находятся несколько специалистов по Китаю, включая премьера К. Масимова и главу сената К.-Ж. Токаева. С АТР представителей российского политического класса и деловую элиту мало что связывает — ни воспитание, ни деловые контакты, ни привычки. Низкая личная вовлеченность представителей российской и деловой элиты в установление прочных связей с АТР, безусловно, накладывает отпечаток и на определение национальной стратегии, и на ее реализацию.

Наконец еще один важный субъективный фактор — плохое состояние страноведческой экспертизы по АТР. Воспитав одну из лучших в мире школ по изучению Азии, после распада СССР российское руководство не выделяло на финансирование экспертизы (как академической, так и практической) достаточно ресурсов. Отток молодых специалистов и нехватка средств для закупки справочной литературы и баз данных привели к тому, что средний возраст специалистов по Азии вырос (около 65 лет), а уровень компетенций заметно упал. Это справедливо не только для академической науки, но и для систем МИД, торгпредств, а также российских спецслужб. В 2000-е, когда начался рост товарооборота с восточными странами, сопровождать принятие решений по интеграции в АТР могли лишь немногочисленные кадры на госслужбе²².

В целом же в эволюции отношения России к АТР при правлении В. Путина (сюда можно включить и президентский срок Д. Медведева) можно условно выделить три этапа. Первый, *европоцентричный*, начавшийся в 2000 г. и закончившийся в 2008 г. На этом этапе Россия почти не интересовалась АТР, сконцентрировавшись на выстраивании отношений с США и строительстве *четырёх общих пространств* с ЕС. Единственное важное достижение, полученное, правда, в двустороннем формате — урегулирование пограничного спора с КНР. Второй этап — *посткризисный*, начавшийся в 2008 г. и закончившийся зимой 2013 г. На этом этапе АТР стал вызывать интерес у российских руководителей и крупных бизнесменов как источник капитала, а также как новый рынок сбыта. Вторым драйвером интереса к Азии на этом этапе — проведение саммита АТЭС, а значит, необходимость формировать повестку и наращивать экспертизу. Основные достижения этого периода — строительство нефтепровода в Китай, первое IPO российской компании на азиатской бирже (*Русал* разместился в Гонконге в январе 2010 г., хотя технически компания зарегистрирована на Джерси), проведение саммита АТЭС и создание Министерства по развитию Дальнего Востока. Наконец третий этап — *украинский*, когда Москва была вынуждена искать возможности в АТР из-за разрыва связей с Западом и введения санкций.

Можно утверждать, что за последние 15 лет драйвером всплеска интереса к Азии в России были какие-то внешние события на глобальном или европейском театре — мировой финансовый кризис 2008 г. или война на Украине. Никакой последовательной политики на азиатском направлении, связанной с внутренними потребностями страны, Москва не проводила. Эта ситуативность полностью отразилась и в том, как Россия работает в многосторонних структурах АТР.

ПОЛНЫЙ АТЭС

Флагманским проектом российской интеграции в многосторонние структуры АТР стала работа в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Форум, созданный в 1989 г., объединяет 21 экономику. Россия стала участником последнего раунда расширения форума, вступив туда в 1998 г. одновременно с Вьетнамом и Перу.

В отличие от работы в таких структурах, как ООН или ОБСЕ, у России не было накопленного в советские времена опыта участия в многосторонних структурах в Азии. Справедливости ради стоит отметить, что ускоренное формирование подобных

структур началось в 1980-е гг. — вслед за экономическим подъемом АТР и укреплением взаимозависимости внутри Восточной и Юго-Восточной Азии, а также формирования сильных связей между странами по разные берега Тихого океана. Россия, как отмечалось выше, не стала участником этой экономической интеграции в АТР, а потому традиция пассивного и даже настороженного отношения Москвы к многосторонним структурам в АТР берет свое начало еще в советские времена, когда СССР критиковал идеи создания Тихоокеанского сообщества, продвигавшиеся в США. В 1990-е и 2000-е настороженное отношение к АТЭС сохранилось, тем более что форум не является привычной для российских дипломатов структурой — международной организацией с настоящим уставом и мандатом. В итоге от российских чиновников, занимающихся АТЭС, нередко можно услышать рассуждения о бесполезности организации и что единственное достижение форума — создание карточки для безвизового въезда в страны-члены АТЭС²³.

Первым опытом сотрудничества новой России с АТЭС стало участие российской делегации в министерской встрече 1994 г. в Осаке, посвященной малому и среднему бизнесу. В марте 1995 г. РФ подала заявку на присоединение к форуму в секретариат АТЭС²⁴. В июле 1996 г. по распоряжению правительства РФ была создана специальная межведомственная комиссия, изучавшая итоги работы форума и перспективы вступления России и работавшая весь 1997-й и часть 1998 г. Благодаря работе комиссии был создан индивидуальный план действий в рамках АТЭС. При МИД РФ был даже сформирован Деловой клуб АТЭС — неформальное объединение, в котором участвовали свыше 50 представителей российских компаний. Впрочем, учитывая кризис в экономике, клуб работал не очень активно и к масштабным прорывам на рынках АТР не привел.

На саммите 1998 г. в Куала-Лумпуре, где было принято решение о принятии России, страну представлял премьер Е. Примаков, на следующем саммите в Окланде — премьер В. Путин. Уже в 2000 г. В. Путин представлял Россию как президент, приводя уровень российского представительства на саммите в соответствии с общей практикой — остальные страны также были представлены главами государств. Тогда же была разработана и утверждена *Концепция участия России в АТЭС*, которая до сих пор является единственным стратегическим документом, задающим курс РФ в рамках работы форума. Главные задачи России в объединении — информирование стран АТР об инвестиционном потенциале Сибири и Дальнего Востока, а также выстраивание партнерства как с АТЭС в целом, так и с региональными группировками внутри него (вроде АСЕАН) и отдельными странами.

Учитывая особенности АТЭС как диалогового форума различных экономик, а также низкий уровень связей РФ с отдельными экономиками АТР (добавим сюда отсутствие на тот момент членства в ВТО), Москва долгое время занимала наблюдательную позицию и не выдвигала никаких значимых инициатив по либерализации торговли или интеграции в других сферах. Если Россия и предлагала какие-то инициативы, то они были связаны с интересами отдельных отраслей или компаний. Например, во время первого в истории заседания Делового консультативного совета (ДКС) в Москве в 2001 г. В. Путин говорил не о концептуальных рамочных предложениях, а о возможностях РФ в сфере обеспечения энергобезопасности Азии и о транзитном потенциале Транссиба, особенно в случае его соединения с Транскорейской железной дорогой. В 2004 г. во время саммита в Сантьяго Рос-

сия стала сопредседателем (вместе с Чили) Диалога АТЭС по цветным металлам, в чем были заинтересованы отечественные металлурги.

Пик активизации России в АТЭС пришелся на конец 2000-х гг. В 2005 г. на саммите АТЭС в корейском Пусане губернатор Приморского края С. Дарькин впервые озвучил идею проведения саммита АТЭС во Владивостоке. Уже через год на саммите в Ханое В. Путин публично заявил о желании России выступить председателем в 2012 г. и провести саммит на острове Русский. В 2007 г. на саммите в Сиднее это предложение было принято и внесено в итоговую декларацию.

Следующие пять лет прошли под знаком грандиозной стройки на Русском, во Владивостоке. Ее, как и контентное наполнение саммита, курировал первый вице-премьер РФ И. Шувалов. Федеральная целевая программа *Развитие Дальнего Востока и Забайкалья* была дополнена пунктом *Развитие Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР*. Модернизация города, создание минигородка для саммита, где потом разместился кампус Дальневосточного федерального университета, а также сопутствующего проекта *Газпрома* по строительству газопровода с Сахалина во Владивосток через Хабаровск обошлись России в 22 млрд долл. США, сделав саммит самым дорогим в истории АТЭС (В. Путин на итоговой пресс-конференции не соглашался с этим утверждением²⁵). По расчету *Ведомостей*, только прием гостей обошелся бюджету в 206 млн долл. США, притом что до того саммит АТЭС в Сингапуре 2009 г. обошелся организаторам в 71,8 млн долл. США, а саммит в Иокогаме 2010 г. — в 277 млн долл. США²⁶.

При этом, как показали последующие журналистские расследования, многие объекты саммитов были недостроены либо введены в эксплуатацию позже запланированных сроков²⁷ — прежде всего это касается двух пятизвездочных гостиниц *Hyatt*²⁸, которые не достроили и к концу 2015 г. Из-за проблем с гостиничным фондом испытывают сложности и другие мероприятия, ориентированные на внешних инвесторов, например, это стало одной из причин трудностей во время первого Восточного экономического форума, проходившего во Владивостоке в сентябре 2015 г.²⁹

Гораздо лучше обстояло дело с контентным наполнением председательства. Для этого помимо работы ведомств еще в 2010 г. был создан специальный мозговой центр, Российский центр исследований АТЭС (РЦИ АТЭС), который выступил экспертной площадкой для разработки официальной повестки и сохранился в качестве подразделения Российской академии народного хозяйства и госслужбы и после окончания председательства³⁰. Во время ноябрьского саммита АТЭС 2011 г. в Гонолулу Д. Медведев представил четыре содержательных приоритета российского председательства: содействие торговле и инвестициям, региональная экономическая интеграция; укрепление продовольственной безопасности; создание надежных транспортно-логистических цепочек; интенсивное сотрудничество для содействия инновационному росту. Для российского бизнеса и правительства особое значение имели транспортная повестка (Россия продвигала Транссиб и Северный морской путь), а также тема продовольственной безопасности. Главным практическим достижением саммита во Владивостоке, важным для всех участников, стало согласование списка экологических товаров³¹. В итоге, как отмечает директор РЦИ АТЭС Н. Стапран, Россия показала возможности

проведения подобных саммитов и интеллектуального лидерства при составлении повестки³².

Однако после успешного проведения саммита от российской повестки осталось не так много. По отзывам участвовавших в саммитах чиновников и бизнесменов других государств, во время саммитов на Бали и в Пекине российские делегации были куда более пассивны, такая же пассивность наблюдалась и во время рабочих встреч между саммитами³³. Падение приоритетности АТЭС для бюрократической работы вылилось и в кадровых назначениях: все отвечавшие за него чиновники были переведены на другие направления³⁴, так что созданный в 2012 г. содержательный задел повис в воздухе, не получив продолжения. Маркером падения интереса к азиатской тематике стало, например, сворачивание Российским советом по международным делам (РСМД) формата *Азиатских форумов*, которые стартовали в 2012 г. и задумывались как ежегодные (прошло всего два мероприятия).

НЕ У ДЕЛ В ДКС

Снижение приоритетности работы в многосторонних форматах АТР было заметно не только на уровне устоявшихся бюрократических структур вроде АТЭС, но и на уровне структур, объединяющих представителей бизнеса. Главной такой структурой в АТР является ДКС АТЭС, где каждая экономика среди стран — членов форума представлена тремя бизнесменами. Формально роль ДКС сводится к тому, что бизнесмены встречаются четыре раза в год и готовят коллективные рекомендации для итогового форума политических лидеров. И хотя письмо ДКС главам государств носит рекомендательный характер, именно эта площадка является основной для широкого диалога бизнес-кругов в АТР, согласования позиций, выработки инициатив и сбора информации о планах других игроков.

Степень активности работы правительств с ДКС различается от экономики к экономике, наиболее продвинутые форматы существуют в США и других англосаксонских странах АТР. Так, в Соединенных Штатах существует Национальный центр АТЭС (National Center for APEC, NCAPEC) — НКО, объединяющее представителей бизнеса, заинтересованных в работе в АТР (членами центра являются свыше 50 крупнейших американских компаний, включая нефтегазовых мейджоров, лидеров Кремниевой долины вроде *Apple* и *Google*, а также промышленные и финансовые компании)³⁵. Созданный в 1994 г. NCAPEC является главной площадкой для формирования американской повестки в АТЭС, координируя усилия бизнеса и транслируя идеи делового сообщества госорганам. Одновременно NCAPEC служит бэк-офисом для трех представителей США в ДКС.

В России серьезная работа по активизации ДКС была запущена в 2010 г., накануне председательства. Тремя представителями России в совете стали владелец группы *Базовый элемент* О. Дерипаска, президент ВТБ Андрей Костин и председатель совета директоров группы *Сумма* З. Магомедов. Именно Магомедов, однокурсник тогдашнего помощника президента А. Дворковича по экономфаку МГУ им. М. В. Ломоносова, стал председателем всего ДКС в 2012 г. Россия начала заимствовать передовые практики работы западного бизнеса в отношении АТЭС. Был создан Национальный деловой центр АТЭС (НДЦ АТЭС), скопированный с NCAPEC, попечительский совет которого возглавил А. Дворкович. В НДЦ вошли

Сумма, ВТБ, Транснефть и фонд Сколково³⁶. К работе по выработке российской повестки в ДКС были привлечены глобальные консультанты вроде *McKinsey*, *PWC* и *Ernst&Young*, которые помогали выработать повестку, способную заинтересовать всех участников АТЭС (приоритетными темами в итоге стали транспорт, продовольственная безопасность, экогорода и трансфер технологий)³⁷.

Итоговый результат российского председательства в ДКС оказался для зарубежных участников приятной неожиданностью на фоне крайне низких изначальных ожиданий. Все российские предложения были включены в итоговое письмо лидерам АТЭС, были достигнуты договоренности о продвижении российской повестки с Индонезией как следующим председателем форума³⁸. Однако сразу после окончания председательства интерес к работе в ДКС резко упал. НДЦ АТЭС был фактически ликвидирован, поскольку компании перестали платить членские взносы в 2,5 млн рублей. В январе 2013 г. З. Магомедова в качестве представителя России в ДКС сменил гендиректор Российского фонда прямых инвестиций К. Дмитриев. По отзывам иностранных участников ДКС, все трое российских представителей начиная с 2013 г. не появились ни на одном из заседаний ДКС, посещая лишь форумы АТЭС с участием В. Путина. В итоге повестка, разработанная в 2012 г., так и осталась без какого-либо системного продвижения.

Неучастие в работе ДКС лишило Россию не только важного ресурса для продвижения инициатив. В последние два года именно ДКС стал неформальной площадкой для обсуждения важнейших торгово-инвестиционных инициатив в АТР — продвигаемого США Транстихоокеанского партнерства (ТТП) и продвигаемого Китаем Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Переговоры о конструировании этих мегаблоков идут в закрытом режиме, а для вступления в переговоры страна-кандидат должна подать заявку. Формальные критерии для присоединения к переговорам по ТТП отсутствуют, в то время как для участия в переговорах по ВРЭП обязательным условием является наличие зоны свободной торговли с АСЕАН. В этих условиях именно ДКС стал тем местом, где участники переговоров со стороны бизнеса обменивались информацией и обсуждали позиции. Учитывая участие в ДКС бизнесменов и Китая, и США, а также большую вовлеченность бизнеса в переговоры по ТТП, площадка ДКС стала совершенно уникальным источником сбора ценных сведений и возможностей формирования коалиций.

Россия оба переговорных формата по ТТП и ВРЭП игнорировала. По словам курирующих азиатское направление чиновников, Москва считала, что создать зону свободной торговли в Азии без Китая или без США невозможно, поэтому оба формата обречены³⁹. Между тем 5 октября сего года в Атланте соглашение о ТТП было подписано 12 министрами экономики стран, участвующих в переговорах. В середине ноября был опубликован полный текст соглашения, предстоит его ратификация в парламентах. Учитывая предвыборный год в США, процесс обещает быть непростым. Тем не менее сейчас создание ТТП кажется гораздо более вероятным, чем еще в начале года. В итоге Россия подошла к моменту возникновения новой геоэкономической реальности в АТР без значительной информации (некоторые сведения сотрудники РЦИ АТЭС и чиновники Минэкономразвития узнавали в экспертных дискуссиях), и виной тому отчасти неумелая работа в многостороннем неофициальном формате ДКС.

БОЛЬШЕ, ЧАЩЕ, УМНЕЕ

Рассмотренный в статье опыт участия России в ключевых многосторонних организациях в АТР (АТЭС и ДКС АТЭС, а также ВАС) показывает, что страна недостаточно эффективно использует эти площадки для продвижения своих интересов в АТР. Важнейшие проблемы сводятся к следующим пунктам:

- 1) отсутствие четко выстроенной стратегии в АТР и устойчивой системы приоритетов;
- 2) отсутствие экспертного понимания, какие именно площадки и как могла бы использовать Россия в АТР, а также слабый уровень коммуникации существующих экспертных знаний в центры принятия решений;
- 3) отсутствие кадрового потенциала среди российских госслужащих для ведения экономической дипломатии на многосторонних площадках АТР. Существующие компетентные специалисты малочисленны и перебрасываются с одного направления на другое в зависимости от конкретной бюрократической конъюнктуры;
- 4) низкий интерес высшего руководства РФ к теме многосторонних экономических и политических организаций и форматов, существующих в АТР;
- 5) низкий уровень вовлечения бизнеса в системную работу на многосторонних площадках АТР и в формирование российской повестки.

Преодоление этих проблем позволит заметно повысить эффективность работы в многосторонних структурах АТР и в регионе в целом. Важнейшими условиями для этого может стать прямое вовлечение первых лиц государства в работу ключевых форматов (прежде всего регулярное участие президента РФ в работе ВАС), формирование команды профессиональных сотрудников МИД и МЭР, владеющих азиатскими языками и концентрирующихся на работе в АТЭС, ВАС и других структурах, более активное вовлечение бизнеса в формирование повестки через такие механизмы, как НДЦ АТЭС или созданный при Российском союзе промышленников Национальный координационный центр по развитию экономических отношений со странами АТР⁴⁰.

Примечания

- 1 Reddy Jahachandra. East Asia summit: interests and expectations // International Journal of Peace and Development Studies. 2010, December. Vol. 1, N 3. P. 35–46; http://www.academicjournals.org/article/article1381909297_Reddy.pdf.
- 2 Андреев Иван. Владимир Путин поедет в Лаос без России // *Коммерсантъ*. № 139 от 29 июля 2005. С. 10; <http://www.kommersant.ru/doc/597075>.
- 3 Саммит Россия–АСЕАН // *Коммерсантъ*. № 234 от 13 декабря 2005. С. 9; <http://www.kommersant.ru/doc/634910>.
- 4 Габуев Александр. Два океана // *Коммерсантъ-Власть*. № 45 от 17 ноября 2014. С. 28; <http://www.kommersant.ru/doc/2610876>.
- 5 Габуев Александр. До Бали в сердце // *Коммерсантъ*. № 217 от 19 ноября 2011. С. 2; <http://www.kommersant.ru/doc/1820527>.
- 6 Черненко Елена. АСЕАН обиделась на Россию // *Коммерсантъ*. № 220 от 21 ноября 2012. С. 8; <http://www.kommersant.ru/doc/2071771>.

- 7 Владимир Путин посетил хоккейный матч «Адмирал» — «Ак Барс»; <http://kremlin.ru/events/president/news/47005>.
- 8 Девятый Восточноазиатский саммит; <http://government.ru/news/15637>.
- 9 Глубинные интервью с российскими чиновниками в Москве, проведенные автором осенью 2014 г. и весной 2015 г.
- 10 Глубинные интервью с азиатскими дипломатами, военными и чиновниками, проведенные автором в мае 2014 г. и мае 2015 г. на конференции *Shangri-La Dialogue* в Сингапуре.
- 11 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. Путиным 28 июня 2000 г.); <http://www.scrf.gov.ru/documents/25.html>.
- 12 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. Путиным 15 июля 2008 г.); <http://www.kremlin.ru/acts/news/785>.
- 13 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.); http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7D A644257B160051BF7F.
- 14 <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234>.
- 15 Сайт *Русского Newsweek* был стерт после закрытия редакции, но документ по-прежнему доступен в перепечатках: <http://katyn.editboard.com/t701-topic>.
- 16 Глубинные интервью, проведенные автором в 2010–2011 гг.
- 17 Итоги экспортной деятельности Российской Федерации за 2014 г.; <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/foreignEconomicActivity/analysis/201503312>.
- 18 По данным Федерального государственного бюджетного учреждения «Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса»; http://www.cdu.ru/catalog/operative_data/section.php?SECTION_ID=117.
- 19 Красноярский экономический форум; <http://www.krasnoforum.ru/page/794>.
- 20 BP Statistical Review of World Energy 2015; <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html>.
- 21 BP World Energy Outlook 2035. Country and Regional Insights: Asia-Pacific; <http://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/energy-outlook-2035/country-and-regional-insights/asia-pacific.html>.
- 22 Характерный пример по состоянию российской китаистики см.: Габуев Александр. Государство ушло из китаистики // *Коммерсантъ-Власть*. № 41 от 20 октября 2014. С. 18; <http://www.kommersant.ru/doc/2589700>.
- 23 Глубинные интервью с чиновниками МИД РФ и Минэкономразвития, проведенные в сентябре 2012 г. во Владивостоке.
- 24 Хронология российского участия в АТЭС приводится с опорой на информационно-аналитические материалы *Внешэкономбанка*; http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/analytics/apec20120906_1.pdf.
- 25 Пресс-конференция по итогам форума АТЭС; <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/16432>.
- 26 Гликин Максим, Письменная Евгения, Костенко Наталья, Никольский Алексей. \$200 млн: поесть, выпить, поехать // *Ведомости*. № 3179 от 3 сентября 2012 г.; http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/09/03/200_mln_poest_vypit_poezdit.
- 27 См., например, посвященный саммиту спецпроект газеты *Ведомости*; <http://old.vedomosti.ru/special/primorye2012>.
- 28 Герасименко Олеся, Габуев Александр. Жизнь после денег // *Коммерсантъ-Власть*. № 35 от 9 сентября 2011. С. 11; <http://www.kommersant.ru/doc/2270767>.
- 29 Правила игры // *Коммерсантъ*. № 186 от 9 октября 2015. С. 9; <http://www.kommersant.ru/doc/2825431>.
- 30 <http://apec-center.ru/o-центре>.

- 31 http://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm/2012_aelm_annexC.aspx.
- 32 Стапран Н.В. Участие России в механизмах многостороннего взаимодействия в Восточной Азии // Вестник МГИМО. 2014. № 3 (36). С. 20–26; <http://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-rossii-v-mehanizmah-mnogostoronnego-vzaimodeystviya-v-vostochnoy-azii>.
- 33 Глубинные интервью с участниками саммита АТЭС, проведенные в ноябре 2014 г. в Пекине.
- 34 Воробьева Инга. Россия потеряла интерес к АТЭС // RBC.ru, 7 октября 2013 г.; <http://rbcdaily.ru/economy/562949989147053>.
- 35 <http://www.ncapex.org/#>.
- 36 НДЦ АТЭС в России может объединить около 100 компаний — Магомедов; <http://ria.ru/politics/20111111/486070279.html>.
- 37 Габуев Александр. Дорога к океану // *Коммерсантъ-Власть*. № 35 от 3 сентября 2012 г.; <http://www.kommersant.ru/Doc/2009575>.
- 38 Глубинные интервью с участниками саммита АТЭС во Владивостоке, проведенные в сентябре 2012 г.
- 39 Габуев Александр. Тихий океан в трансе: зачем США создают новую торговую зону в Азии // Forbes.ru, 9 октября 2015 г.; <http://www.forbes.ru/mneniya-column/mir/302315-tikhii-ocean-v-transe-zachem-ssha-sozdayut-novuyu-torgovuyu-zonu-v-azii>.
- 40 <http://aprcenter.ru>.

Игорь Денисов

ШЕЛКОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: НОВАЯ КИТАЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ И ПРАВИЛА ИГРЫ В ЕВРАЗИИ

Выдвинутые осенью 2013 г. два китайских проекта — *Экономический пояс Шелкового пути* (ЭПШП) и *Морской Шелковый путь XXI века*¹ — по сути являются единой концепцией, не зря они получили общее наименование *одного пояса и одного пути* (в английском варианте — One Belt One Road, сокращенно OBOR). Эта концепция символизирует не только новое качество и новый масштаб китайской экономической дипломатии, но также означает определенную смену парадигмы внешней политики КНР в целом.

Держаться на мировой арене в тени, как требовал в начальный период реформ Дэн Сяопин, Китай уже не может — и в силу возросшей экономической, политической и военной мощи, и потому, что решать внутренние проблемы на нынешнем этапе развития уже невозможно без усиления глобального присутствия. Китай находится в поворотном пункте: период стратегических возможностей для социально-экономического развития страны перестает быть данностью, которой достаточно лишь умело воспользоваться. Поддержание стабильности внутри страны, что всегда было приоритетом для китайского руководства, уже невозможно без активной внешней политики.

Растущая вовлеченность КНР в мировую торговую и финансовую систему, усиливающаяся зависимость от поставок энергоресурсов, новые вызовы в виде террористической угрозы, повысившаяся турбулентность международной обстановки, которая чревата кризисами с возможным введением санкций и блокадой жизненно важных для Китая торговых путей и путей доставки углеводородов — все это заставляет китайское руководство искать новые возможности для внешнего обеспечения внутреннего развития.

Значение этого поворота чрезвычайно велико не только для самой Поднебесной, но и для мира. Китай, будучи многие годы всемирной фабрикой, начинает производить нечто большее, чем товары и услуги, пробует выступать разработчиком правил игры, если не в глобальном, то в региональном масштабе. Высокая урожайность на полях создания новых концепций и многосторонних институтов под эгидой Пекина — характерная черта внешнеполитического курса Си Цзиньпина. Кроме *одного пояса и одного пути*, можно упомянуть начало работы Азиатского

А
Н
А
Л
И
З

банка инфраструктурных инвестиций (еще одним китайским финансовым инструментом станет Фонд Шелкового пути с капиталом 40 млрд долл. США).

Выглядящие как исключительно финансово-инвестиционные или логистические проекты, последние китайские инициативы имеют глубокое стратегическое содержание. Так или иначе, все они основаны на идее о необходимости *прорыва окружения*, которая уже давно доминирует в китайском стратегическом мышлении.

ПРОРЫВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ — ПОЧЕМУ РАСТУЩИЙ КИТАЙ ОЩУЩАЕТ СЛАБОСТЬ?

Внешнему наблюдателю может показаться, что лишь узкий круг китайских военных теоретиков и националистически настроенных публицистов по-настоящему верит в то, что Соединенные Штаты и их союзники сдерживают действия Китая в АТР. О стремлении Запада стратегически окружить Китай издано множество бестселлеров, таких как *Китай недоволен*, *Китай может сказать нет*, *С-образное окружение: прорыв Китая из внутренних трудностей и внешнего давления*. Автор последней работы, полковник Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Дай Сюй, считает, что США координируют недружественные действия против Китая, окружая страну на важнейших стратегических направлениях, поощряют геополитических конкурентов Китая — Японию и Индию — и развивают военное сотрудничество со Вьетнамом.

Между тем не только на уровне *популярной геополитики*, но и среди лиц, принимающих в КНР решения, бытует убежденность в том, что система американских военных альянсов в АТР, созданная еще в годы холодной войны, является серьезным сдерживающим фактором для подъема Китая. В случае кризиса КНР, несмотря на рост своей военной мощи, будет очень сложно действовать против единого антикитайского фронта (к которому могут присоединиться и страны, имеющие с Пекином территориальные споры). Возникает вопрос: что делать с попытками окружить Китай стратегически? Простые решения, предлагаемые в упомянутых книгах, китайское руководство явно не устраивают.

Несмотря на *выход из тени*, Пекин не намерен проводить блоковую политику, создавать антиамериканские альянсы и переходить к открытой конфронтации с США, как советуют радикально мыслящие публицисты. Тем более Китай пока не готов делать акцент исключительно на военных методах отстаивания своих интересов — если более активные действия ВМФ НОАК в мировом океане уже заметны, то создавать по примеру США военные базы вдали от своих границ Пекин пока не собирается. Значит, необходим некий обходной маневр, в котором *жесткая сила* будет далеко не главным компонентом, правила игры будут меняться постепенно по мере укрепления позиций Китая и ослабления позиций его главного геополитического конкурента.

Обращаясь к формулировкам китайских стратегов, наилучшим образом такой маневр, на наш взгляд, выражает 30-я стратагема *из гостя превратиться в хозяина* (*фань кэ вэй чжу*). Речь здесь идет о постепенном перехвате инициативы, когда поначалу скромный гость со временем превращается в хозяина положения, шаг за шагом переходя от преимущественно пассивной роли к активной.

Говоря современным языком прагматичной дипломатии, задачи китайской региональной стратегии по прорыву в западном направлении состоят в следующем:

- не вступая в прямой конфликт с Соединенными Штатами, создать пояс дружественных государств;
- расширить пространство для коммерческой деятельности китайских предприятий, прежде всего занятых в сфере инфраструктурного строительства (что позволит использовать избыточные производственные мощности);
- способствовать социально-экономическому развитию государств Центральной и Южной Азии, ослабляя тем самым базу для распространения терроризма и экстремизма;
- стимулировать развитие западных регионов КНР, существенно отставших по сравнению с прибрежными провинциями;
- диверсифицировать маршруты доставки углеводородов, избавившись от дилеммы Малаккского пролива.

О последнем следует сказать особо. Одна из главных потенциальных угроз безопасности Китая состоит в том, что через узкий Малаккский пролив проходит 82% морских поставок нефти и 30% природного газа для китайского рынка². В целом, функционирование промышленности КНР, в том числе и экспортных отраслей, слишком сильно зависит от морских поставок. При этом возможные сценарии военно-морской блокады Китая по-прежнему серьезно рассматриваются американскими аналитиками³.

Так, по мнению Шона Мирски, для достижения подавляющего преимущества США в неядерном конфликте с Китаем американским вооруженным силам необходимо сосредоточить усилия на уничтожении *источников национальной мощи КНР*, что может быть достигнуто морской блокадой с использованием двух рубежей перехвата. На дальнем кольце блокады планируется задействовать надводные корабли, которые будут заниматься остановкой и досмотром направляющихся в Китай судов. Ближнее кольцо блокады в прилегающих к Китаю морях, объявленных во время конфликта запретной зоной, станет сферой ответственности подводных лодок, которые будут уничтожать весь нежелательный транспорт⁴.

Несмотря на возросшую *цену* китайско-американского конфликта, такие сценарии серьезно воспринимаются в Пекине и, безусловно, учитываются китайским руководством в военно-политическом планировании. С этой точки зрения любые инфраструктурные проекты по строительству сухопутного моста между Китаем и Европой, кроме экономического, приобретают не менее важное измерение, связанное с безопасностью.

ОДИН ПОЯС ПРОТИВ ТРЕХ ЗОЛ

Важный мотив продвижения китайских экономических проектов в Центральной Азии в рамках *Экономического пояса Шелкового пути* заключается в попытке найти новую основу для борьбы против *трех зол* — терроризма, экстремизма и сепаратизма. Несмотря на предпринимаемые властями усилия, которые не сво-

дятся исключительно к репрессивным мерам, ситуация в обширном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где наиболее часты террористические вылазки исламистов, остается по-прежнему очень напряженной. На территории СУАР, по данным правительства КНР, действует незаконная вооруженная организация *Исламское движение Восточного Туркестана*, которую Пекин подозревает в связях с международными террористическими организациями, в частности с *Аль-Каидой*.

Как считают власти, это движение организовало массовые беспорядки в административном центре СУАР Урумчи в июле 2009 г., когда погибло 197 человек и более 1700 получили ранения. Хотя после кровавого инцидента власти и предприняли жесткие меры, основа для действий террористов продолжала существовать — за массовой резней в Урумчи последовали новые теракты. Лишь за время действия в СУАР режима антитеррористической операции (май 2014 г. — июнь 2015 г.) спецслужбы КНР ликвидировали более 30 террористических группировок.

На протяжении последних лет террористическая деятельность синьцзянских сепаратистов приобрела более опасный характер: участились атаки на полицейские участки, привычной стала практика использования террористов-смертников и самодельных взрывных устройств, акты устрашения проводятся в местах массового скопления людей, причем все чаще вне территории СУАР.

1 марта 2014 г. вооруженная ножами группа напала на пассажиров в зале ожидания и кассовом зале железнодорожного вокзала в городе Куньмин (юго-западная провинция Юньнань). Погиб 31 человек и 141 получили ранения. В октябре 2013 г. теракт произошел в самом сердце Пекина — на площади Тяньаньмэнь. Джип с преступниками выехал на мост рядом с главным входом в музейный комплекс Гугун (Запретный город) и врезался в толпу людей. Следствие установило, что этот инцидент также был организован экстремистки настроенными выходцами из Синьцзяна. Примечательно, что теракт произошел в тщательно охраняемом регионе китайской столицы, который входит в сферу ответственности нескольких силовых структур.

Эскалация террористических проявлений стала поводом для реформирования всей системы китайских спецслужб, с целью лучшей координации их действий был даже создан специальный орган — Совет государственной безопасности, который возглавил лично Си Цзиньпин. Кроме проблемы межведомственной несогласованности, в высших эшелонах власти остро осознавалась и растущая взаимосвязь внутренних и внешних факторов безопасности.

Проект *Экономического пояса Шелкового пути*, по замыслу руководства, призван сыграть двоякую роль в решении проблемы исламского экстремизма. Во-первых, он позволит создать в СУАР производственные и логистические центры и прочие структуры, завязанные на сотрудничество с соседними странами Центральной Азии, придаст стимул экономическому развитию автономного района, будет способствовать росту занятости и благосостояния населения, и, следовательно, предотвратит этнические конфликты между уйгурами и ханьцами. Во-вторых, связка вопросов развития и безопасности будет реализована и по другую сторону границы через повышение взаимосвязанности (connectivity) и общий экономиче-

ский подъем в Центральной Азии, что считается эффективным *лекарством* против любых проявлений экстремизма и терроризма.

Между тем ясно, что такая схема излишне прямолинейна, в чем, собственно, китайские власти уже могли убедиться, когда щедрые бюджетные ассигнования на развитие Синьцзяна не помогли снять террористическую угрозу. Кроме того, дискуссионным является вопрос, каким образом большая открытость Синьцзяна внешнему миру будет сочетаться с необходимостью контролировать проникновение идей исламского фундаментализма.

Успех возможен, если *пояс* не ограничится инфраструктурными проектами, а будет наполняться и политическим содержанием. Основа для этого есть: в речи Си Цзиньпина в *Назарбаев Университете*, в которой впервые было сказано о концепции нового *Шелкового пути*, среди предполагаемых мер по расширению пространства развития стран Евразии на первом месте было названо *усиление политического согласования*⁵. Однако развернутой программы по стабилизации обстановки в регионе в рамках проекта ЭПШП пока не выдвинуто, чему есть несколько причин.

Кроме упомянутых иллюзий, что все конфликты исчезнут в результате масштабных инвестиций в регион, видимо, сыграло роль нежелание Китая приходить в Центральную Азию как *хозяин*: пока, по сути, он играет, как в той страгегеме, роль *скромного гостя*. Кроме того, сама концепция проекта, в котором отсутствуют институты и нет связывающих политическую программу элементов, придает ЭПШП большую гибкость, снимая обвинения в том, что Китай что-то политически навязывает региону.

Акцент на экономическом содержании снимает часть вопросов о конкуренции с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Многие экономические проекты могут осуществляться по линии ШОС, при этом организация будет продолжать заниматься вопросами безопасности (в том числе вопросами борьбы с терроризмом с помощью Региональной антитеррористической структуры). Однако растущая вовлеченность Китая в непростой регион с неизбежностью поставит вопросы о том, как, с кем и по какой модели он будет *перестраивать* Евразию. Сами по себе транспортные коридоры — лишь артерии, а где и в каком ритме будет биться сердце региона — вопрос, который, видимо, долго еще будет оставаться открытым. Остается неопределенность и по поводу того, захочет ли Китай политически лидировать в регионе, а если нет, то с кем он будет делить ответственность.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ СТЫКОВКА

Первым значимым примером *притирки* национальных интересов Китая с партнерами после выдвижения проекта ЭПШП стало совместное российско-китайское заявление, принятое по итогам переговоров Си Цзиньпина и В. Путина 8 мая 2015 г.

Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и *Экономического пояса Шелкового пути* — документ, с одной стороны, ожидаемый, укладывающийся в логику общности страте-

Э
Н
Л
А
Н
А

гических интересов двух стран, с другой — безусловно, дипломатическая *новелла*, если не сказать *прорыв*.

Вариантов реагирования на новую ситуацию, связанную с инициативой Китая, было несколько. Россия могла дежурно заявить о присоединении к ЭПШП, продолжая решать собственные задачи, Китай же мог попросту *не замечать* российский интеграционный проект. Тем более что многие китайские эксперты буквально накануне майского саммита выражали скепсис по поводу возможности согласования российских и китайских интересов в этом вопросе: мол, слишком разные проекты — открытый и гибкий *Экономический пояс Шелкового пути* и основанный на жестком регулировании ЕАЭС. Со стороны некоторых китайских аналитиков были и прямые попытки агитировать не только за *свой* проект, но и против *чужого*, российского.

Тем не менее конфликта интересов Москвы и Пекина на евразийском пространстве не произошло. На высшем уровне Россия выразила поддержку ЭПШП, а Китай не просто с пониманием отнесся к интересам РФ по продвижению интеграции на постсоветском пространстве, но и взял на себя обязательство вступить в переговоры с ЕАЭС о торгово-экономическом сотрудничестве. Кроме того, стороны поддержали запуск между ЕАЭС и Китаем диалогового механизма по сопряжению евразийской экономической интеграции и строительства *Экономического пояса Шелкового пути*. Разумеется, такой результат дался не просто, он стал итогом откровенных переговоров представителей двух стран.

Важнейшим их *продуктом* стало, пусть пока и эскизное, совместное видение перспектив взаимодействия на евразийском пространстве. С точки зрения двух крупных держав, России и Китая, усилия должны быть направлены на развитие Евразии на основе принципов транспарентности, взаимного уважения, равноправия, взаимодополняемости различных интеграционных механизмов и открытости для всех заинтересованных сторон в Азии и Европе. Понятно, что теперь сторонам следует воплощать эту важную политическую декларацию, и здесь понадобится не меньшее искусство согласования интересов.

Контуры концепции соразвития в Евразии, учитывающей интересы континентальных держав, можно увидеть в том пункте совместного заявления от 8 мая 2015 г., где перечисляются шаги, которые Россия и Китай намерены предпринимать по наращиванию регионального сотрудничества. Эти меры не ограничиваются вопросами улучшения взаимосвязанности в сферах логистики, транспортной инфраструктуры и интермодальных перевозок. Что говорит о том, что и в России, и в Китае достаточно широко понимают идею евразийского соразвития.

Стороны, в частности, обязались содействовать оптимизации структуры торговли, упрощению взаимного инвестирования и развитию производственной кооперации. В планах — реализация крупных совместных инвестиционных проектов, создание индустриальных парков и трансграничных зон экономического сотрудничества. С учетом важной роли малых и средних предприятий в развитии региональной экономики будет создаваться благоприятная среда для их роста.

В финансовой сфере Россия и Китай считают необходимым содействовать увеличению расчетов в национальных валютах в сферах торговли, прямых инвестиций

и кредитования, создавать валютные свопы, углублять сотрудничество в области экспортного кредитования, страхования, проектного и торгового финансирования, банковских карт. Предусмотрено укрепление сотрудничества по линии различных финансовых институтов, включая такие механизмы, как Фонд Шелкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Межбанковское объединение ШОС.

Важно, что Москва и Пекин встраивают вопросы евразийского развития и в многосторонний диалог (в их совместном заявлении упоминается такая традиционная площадка, как ШОС), и в двусторонние механизмы (две страны уже создали рабочие группы с участием представителей заинтересованных ведомств под руководством МИД России и МИД КНР). Успех этих усилий в решающей степени зависит от того, насколько удастся оживить работу ШОС, которая в последние годы явно отставала от реальных потребностей развития региона.

Прочность российско-китайской связки до сих пор во многом была основана на том, что на пространствах ШОС Китай обладает преимуществом в реализации экономических проектов, Россия же сохраняет сильные позиции в сфере безопасности. Сохранится ли такая ситуация в будущем, сказать сложно. Возможно, Китай со временем будет брать на себя больше ответственности в сфере безопасности, где до сих пор китайская дипломатия действовала очень осмотрительно.

По сути, евразийская площадка может стать тем испытательным полигоном, на котором Китай будет примерять одежды новой сверхдержавы. Понятно, что это будет делаться постепенно, но, например, по тому, как Китай участвует в афганском урегулировании, видно, что китайские дипломаты постепенно нарабатывают опыт, приобретают нужные контакты, учатся взаимодействовать с представителями различных политических сил. Отдельный вопрос — как будет реагировать Китай на действия внерегиональных государственных акторов, прежде всего США.

АМЕРИКАНСКИЙ ФАКТОР: СЫЧОУ ЧЖИ ЛУ И NEW SILK ROAD

Любопытно, что еще в 2011 г., до китайской инициативы, США выступили со своим видением ситуации по восстановлению традиционных торговых маршрутов и строительству объектов инфраструктуры, что должно было способствовать интеграции Центральной и Южной Азии. Эта инициатива получила название *Нового шелкового пути* (New Silk Road).

Утверждать, что китайский вариант *Шелкового пути* направлен на открытую конфронтацию с Соединенными Штатами или является проектом строительства *неамериканского мира*, можно с большой натяжкой. Многие китайские чиновники и эксперты сознательно избегают разговора о том, планирует ли Пекин занимать вытеснением США из региона. Видимо, в перспективе — да. Не зря Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что дела Азии должны решать азиаты. Однако вытеснение главного конкурента будет ни в коем случае не жестким и одномоментным, а достаточно мягким и длительным, причем использовать китайцы станут естественное желание региональных держав *вскочить на подножку китайского локомотива экономического роста*.

Практика показывает, что по крайней мере на нынешнем этапе Китай и США демонстрируют взаимное уважение в вопросах реализации интеграционных проектов. В марте 2015 г. заместитель госсекретаря Энтони Блинкен заявил, что китайская инициатива *полностью стыкуется* с американской политикой в регионе⁶. Китаю тоже ни к чему демонстрировать антиамериканизм, тем более что на маршруте *одного пояса и одного пути* есть государства, вполне лояльно относящиеся к США.

Вашингтон и Пекин поддерживают контакты по ситуации в Центральной Азии, естественно, обсуждают они и афганский вопрос. Не освещавшийся китайской прессой визит в КНР заместителя помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Ричарда Хоугланда (Richard E. Hoagland) в мае 2015 г. был посвящен как раз консультациям по этому комплексу проблем. Во время встречи в Государственном комитете по развитию и реформе КНР Хоугланд заявил, что у американского плана *Нового шелкового пути* и китайского ЭШП есть общее и они могут дополнять друг друга, особенно в том, что касается освоения энергетических ресурсов региона Центральной Азии и инфраструктурной взаимосвязанности. Китайская сторона, в свою очередь, выразила готовность вместе с США искать конкретные формы и сферы сотрудничества, чтобы поддерживать друг друга, реализуя принцип взаимной выгоды и общего выигрыша.

Для Китая даже формально выраженный американский интерес крайне важен, Пекину нужно подчеркнуть, что он несет гармонию, его политика основана на принципах открытости и инклюзивности, что он против создания разделительных линий в регионе. Кроме того, сам транзит власти между будущей сверхдержавой и нынешней, по китайскому замыслу, планируется сделать максимально бесконфликтным, избежав многократно описанной западными политологами *ловушки Фукидида* (модель конфликта между растущими Афинами и Спартой, стремящейся сохранить сферу своего влияния).

Пока можно образно констатировать, что Китай стремится быть *хорошим отражением США, не разбивая американское зеркало*. В определенном смысле китайский *прорыв на Запад* является реакцией на американскую ребалансировку в Азию, отсюда иногда почти зеркальные формулировки. «Одной из наиболее важных задач американской государственной деятельности на протяжении следующего десятилетия будет направление значительно увеличившихся инвестиций — дипломатических, экономических, стратегических и иных — в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁷, — писала в своей статье, посвященной *развороту в Азию* Хиллари Клинтон. «Стратегия *одного пояса — одного пути* стала великой внешнеполитической стратегией правительства Китая, и в ближайшие 8–10 лет китайское правительство будет реализовывать ее в экономической, политической, военной и культурной и иных сферах», — пишет о китайском варианте стратегического разворота начальник отдела международных стратегических исследований Института мировой экономики и политики Академии общественных наук КНР Сюэ Ли⁸.

КУДА ПРИВЕДЕТ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ?

Один пояс — один путь сложно назвать интеграционным проектом, впрочем, и проектом в строгом смысле слова, с этапами, выделением ресурсов и четкими сроками

ми данная концепция не является. Следует понимать, что это, скорее, новый важный вектор современной китайской внешней политики. Причем пока, на начальной стадии, еще слишком много заявляемого и маловато реального, больше идеологии, чем конкретного наполнения.

К плюсам *шелковых проектов* можно отнести их поддержку на высшем уровне — инициатива выдвинута лично Си Цзиньпином, оформлена государственными документами, к реализации подключена вся мощь китайского госаппарата — *бэк-офисом* является *суперминистерство*, Госкомитет по развитию и реформе. Но, как часто это бывает, недостатки являются продолжением достоинств. Множественность и пестрота акторов в сфере внешнеэкономических связей в Китае давно стала реальностью, а в ситуации, когда заниматься строительством *Шелкового пути* становится не только престижным, но и крайне выгодным государственным делом, действия большого количества китайских компаний будет очень трудно координировать. К тому же остается вопрос, будет ли китайское правительство стимулировать бизнес заниматься не только инвестициями, быстро дающими отдачу, но и социально значимыми проектами, без чего в регионе будут оживляться разговоры о китайской экспансии, да и с безопасностью лучше не станет.

Пекину предстоит задействовать немалое дипломатическое искусство, поскольку ясно, что сам по себе линейный перенос китайских экономических и технологических наработок на пространство, где действуют суверенные государства, не гарантирует успех. Неясно, каким образом Китай будет защищать свои инвестиции, если им будут угрожать народные волнения, смена политических режимов или действия различных негосударственных образований, вроде ИГ.

Наконец, ключевой вопрос: что будет с китайским ростом, и останутся ли в будущем у Китая возможности для поддержки столь масштабного начинания? Не отвлечет ли внимание руководства необходимость решать некие острые внутренние проблемы, которые могут неожиданно возникнуть? Все эти вопросы не умаляют актуальность китайской инициативы, но позволяют более трезво и без лишнего романтизма посмотреть на контуры новой глобальной роли Китая.

З
И
Л
А
Н
А

Примечания

- 1 «Проект *Одного пояса и одного пути* охватывает Азию, Европу и Африку, с одной стороны начинается с бурно экономически развивающегося региона Восточной Азии, с другой стороны охватывает развитый экономический европейский регион, в центральной части — обширные земли, имеющие огромные перспективы развития. Основные три маршрута Экономического пояса Шелкового пути будут проходить из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы (до Балтийского моря); из Китая через Центральную Азию, Западную Азию к Персидскому заливу, Средиземному морю; из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию, к Индийскому океану. Основные направления Морского Шелкового пути XXI века будут проходить по маршрутам из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из прибрежных портов Китая через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана». (Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века//Посольство Китайской Народной Республики в РФ URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/gdxw/t1257296.htm>.)
- 2 Jeremy Bender and Armin Rosen This Pentagon map shows what's really driving China's military and diplomatic strategy // Business Insider May 13, 2015. URL: <http://www.businessinsider.com/this-map-shows-chinas-global-energy-ties-2015-5>.

- 3 Mirski S. Stranglehold: The Context, Conduct and Consequences of an American Naval Blockade of China // Journal of Strategic Studies. — 2013. — Vol. 36, N 3. — P. 385–421; Montgomery E.B. Reconsidering a Naval Blockade of China: A Response to Mirski // Journal of Strategic Studies. — 2013. — Vol. 36, N 4. — P. 615–623.
- 4 В этом же исследовании говорится, что без участия России морская блокада Китая будет невозможной.
- 5 Си Цзиньпин. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан. URL: <http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm>
- 6 Antony J. Blinken. An Enduring Vision for Central Asia // Brookings Institute, Washington, DC. March 31, 2015 URL: <http://www.state.gov/s/d/2015/240013.htm>.
- 7 Hillary Clinton America's Pacific Century // Foreign Policy October 11, 2011. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century>.
- 8 薛力“一带一路”折射的中国外交风险 (Сюэ Ли. Риски китайской дипломатии в свете концепции «одного пояса и одного пути») // FT中文网 30 декабря 2014 г. URL: <http://www.ftchinese.com/story/001059886>

Кямал Гасымов

РАЗЛАД В СТАНЕ ДЖИХАДИСТОВ: ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА АЛЬ-КАИДЫ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Нам необходима поддержка народа... Благоразумно ли было убивать шиитов? Положим, была необходимость в убийстве некоторых шиитских лидеров, дабы не дать их планам осуществиться. Но зачем было убивать рядовых шиитов?.. Разве смогут муджахиды искоренить всех шиитов Ирака? Разве в истории ислама какое-либо мусульманское государство пыталось сделать такое?.. Кроме этого, среди вещей, которые противны простым мусульманам — казнь заложников... Вы, конечно, возразите мне: разве закалывание заложника хуже, чем уничтожение деревень и городов вместе с населением?.. Ты наверняка задашь мне эти и многие другие вопросы и будешь прав. Но это никак не изменит реальности, которая заключается в том, что поддерживающий нас народ не понимает и не принимает это¹.

Айман аз-Завахири

Есть условия, при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов. Бывали примеры, однако, что это различие не усваивалось всеми, и об этом говорить надо².

В. И. Ленин

С провозглашением в апреле 2013 г. *Исламского государства в Ираке и Леванте* (ИГ) начал разгораться конфликт между центральной Аль-Каидой во главе с шейхом Айманом аз-Завахири и лидером ИГ Абу Бакром аль-Багдади. Данный конфликт знаменует собой ключевые политические и идеологические трансформации, происходящие в джихадистском движении.

Разногласия между Аль-Каидой и ее иракской ячейкой имеют давнюю историю, однако окончательное размежевание произошло в контексте событий гражданской войны в Сирии. В январе 2012 г., когда в Сирии уже шли боевые действия между армией Б. Асада и группами сирийской оппозиции, было объявлено о создании *Фронта помощи жителям Леванта (Джабхат ан-Нусра ли-ахл аш-Шам)*. Данная организация была создана при прямой поддержке *Исламского государства в Ираке*, которой руководил аль-Багдади. В этот период Аль-Каида надеялась с помощью иракского союзника усилить дружественные ей джихадистские группы в Сирии и объединить их в одну боевую организацию. За очень короткое время *Ан-Нусра*, возглавляемая Абу Мухаммадом аль-Джулани, добилась ряда военных

А
Н
А
Л
И
З

успехов и приобрела славу самого боеспособного подразделения на севере и северо-востоке Сирии³.

Однако 9 апреля 2013 г. аль-Багдади неожиданно объявил о роспуске *Ан-Нусры* и провозгласил единое исламское государство, объединяющее территории Ирака и Сирии. На следующий день после этого лидер *Ан-Нусры* аль-Джулани в аудиообращении отверг эту инициативу и учтиво напомнил аль-Багдади, что он находится под присягой лидеру *Аль-Каиды* Айману аз-Завахири. Провозглашение *исламского государства* в условиях войны с режимом Б. Асада было воспринято крайне отрицательно не только *Ан-Нусрой*, но и всеми остальными военными группами: отрядами *Свободной сирийской армии*, *Армией ислама* (в тот период еще *Лива аль-ислам*), *Ахрар аш-шам* и т. д. Чтобы разрешить спор, аль-Джулани обратился к Айману аз-Завахири, надеясь, что его авторитет повлияет на иракскую организацию. В конце мая 2013 г. лидер *Аль-Каиды* выступил с речью, в которой заявил, что не признает ИГ, что аль-Багдади совершил ошибку, не посоветовавшись с руководством *Аль-Каиды*, поэтому ему следует вернуться обратно в Ирак, а аль-Джулани было приказано продолжать джихад против Б. Асада в Сирии⁴.

Однако аль-Багдади отверг наставление аз-Завахири и заявил, что будет продолжать строить исламское государство⁵. Такой поступок удивил многих — впервые в истории джихадистского движения кто-то ослушался прямого приказа *Аль-Каиды*. Кроме того, конфликт ознаменовал начало борьбы за гегемонию над джихадистским движением между *Аль-Каидой* и ИГ, которая продолжается и сегодня. Конфликт, который разгорался все сильнее, сопровождался обменом посланиями между *Аль-Каидой* в лице ее лидера аз-Завахири и ИГ в лице его официального представителя Абу Мухаммада аль-Аднани. В итоге аль-Аднани заявил, что ИГ не присягало *Аль-Каиде*, так как не подобает государству присягать организации, да и сам аз-Завахири давно отклонился от истинной идеологии *Аль-Каиды*⁶.

После этого конфликта между *Джабхат ан-Нусрой* и ИГ начались не только военные столкновения в городах и деревнях Сирии, но и разгорелась острая идеологическая борьба. Медиа- и интернет-пространство заполнили фетвы сторонников *Аль-Каиды* и ИГ и их опровержения. Сегодня горячие споры кадиев, муфтиев, командиров (*амиров*), бойцов и простых сочувствующих с обеих сторон идут как в зоне конфликта, так и на форумах, в социальных сетях и на различных исламских электронных порталах.

На защиту *Аль-Каиды* встали почти все авторитетные идеологи *мирового джихада*, некогда принимавшие участия в конфликтах в Афганистане, Алжире, Боснии и Герцеговине. Богословы *Аль-Каиды* и исламские законоведы, идейно близкие к ней, развернули против ИГ войну фетв. Нужно отметить, что в результате полемики, которая началась с 2013 г., сформировался новый религиозно-политический дискурс, раскрывающий основные темы, идеи, проблемы, интерпретации и чаяния современной исламской политической мысли (в данном случае *салафитской* и *салафитско-джихадистской*), который еще нуждается в подробном изучении.

Аль-Каида и ее сторонники с беспокойством наблюдали за эффективностью пропагандистской машины ИГ. Военные успехи, особенно победоносное взятие Мосула, бегство иракской армии и провозглашение халифата 29 июня 2014 г. способ-

ствовали повышению авторитета ИГ и, как следствие, привлечению новых бойцов. Со временем ИГ присягнула часть бывших союзников *Аль-Каиды* в Египте, Ливии, Нигерии, на Северном Кавказе. ИГ умело использовало интернет-пространство для широкой пропаганды своих идей. В отличие от лидеров *Аль-Каиды*, руководство ИГ чаще делает публичные заявления, распространяет видеоролики с кадрами побед и насилия над врагом, а также издает журналы на разных языках (к примеру, широко известный журнал *Дабик*). Можно с уверенностью сказать, что ИГ побеждает в информационной войне против *Аль-Каиды*, по крайней мере на данном этапе противостояния.

Осознавая это, руководство *Аль-Каиды* приступило к осуществлению ряда пропагандистских и информационных проектов, направленных на дискредитацию идеологии и политики ИГ. Одним из последних и наиболее крупных является запуск сайта *Исламское государство — халифат диктатуры и коррупции*⁷, который был осуществлен Информационным комитетом *Джабхат ан-Нусры восточного региона Сирии*⁸. Создатели сайта сообщают, что их главная цель — обличить ИГ и рассказать мусульманам, прежде всего муджахидам в Сирии, обо всех преступлениях этой организации. По их словам, это важно, потому что многие правоверные обмануты лживыми СМИ ИГ⁹. На сайте представлены фетвы (как письменные, так и в аудио- и видеоформате) лидеров *Аль-Каиды* и близких к ней известных богословов, свидетельства очевидцев, живших внутри ИГ, речи самих лидеров ИГ, в которых они обвиняют *Ан-Нусру* в *неверии*, а также документы, указывающие на причастность ИГ к убийствам шариатских судей и командиров *Ан-Нусры* и других исламистских групп. На сайте также есть раздел под названием *Преступления государства аль-Багдади: [они] убивают мусульман и вызывают к идолопоклонникам*¹⁰, в котором публикуются документы об актах насилия, совершенных ИГ против простых мусульман и исламских военных объединений на территории Сирии.

Отметим, что сторонники *Ан-Нусры* активно распространяют материалы сайта в виде дисков и книг среди бойцов в различных частях Сирии, чтобы предотвратить их переход на сторону аль-Багдади¹¹. На сайте опубликован сборник фетв, обращений и интервью лидеров и идеологов *Аль-Каиды*, а также идейно близких к ней богословов, критикующих идеологию, интерпретацию исламских текстов и политику ИГ с красноречивым названием *Сказали они о государстве аль-Багдади*, в котором собраны *Изречения активно работающих на благо уммы ученых, надежных законоведов и благословленных лидеров джихада об отступивших от истинной веры хариджитах*¹². Высказывания и фетвы каждого богослова или лидера, представленные в сборнике, были написаны и изданы в разное время и по различным поводам (с 2013 по 2015 г.), однако издатели сборника (т.е. *Аль-Каида*, точнее *Ан-Нусра*) собрали их в единый текст, состоящий из тематических разделов по наиболее важным для них аспектам.

Данное издание интересно тем, что содержит все основные претензии *Аль-Каиды* к ИГ и обозначает самые острые вопросы, по которым школа бен Ладена разошлась со школой Абу Мус'аба аз-Заркави¹³. Причина подготовки единого сборника изречений/фетв тоже очевидна — события в Сирии развиваются очень быстро, каждый день в жизни муджахидов что-то происходит, и богословам приходится отвечать на их вопросы и издавать фетвы, что называется, *на злобу дня*. Очень часто

они делаются устно либо в виде наспех записанных аудио- или видеообращений, поэтому для распространения своей точки зрения на события в Сирии и об ИГ Аль-Каида и Ан-Нусра решили систематизировать имеющуюся информацию.

Вышеупомянутые особенности сборника и стали причиной, по которой мы выбрали его основным объектом исследования.

ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНОМ АВТОРИТЕТЕ

В начале сборника составители представляют главу *Достоинство людей знания*, которую можно считать своего рода теоретической концепцией всей книги¹⁴. В данной главе говорится о важности следования наставлениям религиозных авторитетов, уважаемых богословов, которые не только глубоко познали исламские науки, но и боролись за ислам и мусульман, участвовали в джихаде и подвергались гонениям. Главу предваряют айаты Корана о важности исламского знания и почетном месте *обладающих знанием*¹⁵. Далее следует нарратив от том, что уважение к уламам — это высокое качество *праведных предков (ас-салаф ас-салихун)*. *Улемы*, согласно пророческому преданию, — *наследники пророков*. На их долю выпала важная роль передавать исламское знание из поколения в поколение и разрешать споры между мусульманами. Если бы не они, исламское знание пропало бы. Глава завершается призывом уважать ученых, обращаться к ним для разрешения споров, не возводить на них ложь, а слушаться их. *Ибо тот, кто идет по пути ученых, идет по прямому пути, а тот, кто противоречит им, вступил на путь шайтана*. По мнению авторов, только обращение к уламам способно сплотить умму и остановить смуту¹⁶.

Данная глава включена в книгу не случайно. Она призывает принять судейство не просто авторитетных богословов, но тех из них, кто сочетает ученость и *джихад на пути Аллаха*. Их в тексте называют *ал-улама ал-амилун* (что можно перевести как ученые с активной политической и социальной позицией, которые применяют свои знания на практике, участвуют в джихаде, критикуют власти и живут жизнью простых мусульман). Здесь подразумеваются прежде всего идеологи Аль-Каиды и идейно близкие к ней мусульманские богословы, которые либо участвовали в джихаде (в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Ираке, в странах Северной Африки и т.д.), либо подвергались гонениям со стороны своих правительств за идеи о джихаде, смене режимов, исламском государстве. Подобные богословы противопоставляются Аль-Каидой тем, кого она называет *улама ас-салатин (богословы султанов)*, т.е. муфтии и правоведы, поддерживающие арабские режимы и запрещающие рядовым мусульманам присоединяться к *глобальному джихаду*.

Призыв уважать ученых направлен непосредственно к сторонникам аль-Багдади внутри Сирии и за ее пределами, потому что в самом начале конфликта лидеры и идеологи ИГ отказались от общего шариатского суда и дали ясно понять, что те, кого Аль-Каида, Ан-Нусра, Ахрар аш-Шам и др. считают авторитетом, не обязательно являются авторитетом для них и их сторонников. Игнорирование призывов известных идеологов джихада (*старой гвардии Аль-Каиды*) и отказ от их посредничества в разрешении конфликта с Ан-Нусрой и другими группами — одно

из основных обвинений *Аль-Каиды* в адрес ИГ. Подобное поведение со стороны ИГ можно рассматривать как составную часть идеологического и методологического разрыва с *Аль-Каидой*.

АЛЬ-КАИДА ПРИЗЫВАЕТ К УМЕРЕННОСТИ

После рассуждений о роли богословов составители сборника затрагивают тему чрезмерности в религии (*ал-гулу фи-д-дин*). Они говорят, что это одна из глубочайших проблем на протяжении всей истории ислама. От чрезмерности предостерегал пророк Мухаммад, сказавший: «...вам следует остерегаться чрезмерности в религии. Ибо чрезмерность в религии погубила многих до вас». В основе многих трагедий в истории мусульман лежала чрезмерность — ее жертвами стали халифы Усман, Али и многие другие сподвижники Пророка. Однако, по словам авторов, одно из самых больших проявлений чрезмерности — это то, чем занимаются государство аль-Багдади и *хариджиты нашего времени* (так они обозначают сторонников ИГ). Авторы говорят, что аль-Багдади и его группа проливают кровь мусульман, вносят раскол в ряды муджахидов, обвиняют в неверии (*такфир*), игнорируют высокие цели шариата, используют в корыстных целях молодежь, пользуясь ее благосклонным отношением к джихаду, отказываются слушать авторитетных богословов, а всех, кто советует одуматься или наставляет их, обвиняют в шпионаже или вероотступничестве¹⁷.

Авторы заявляют, что государство аль-Багдади пролило столько крови и так сильно навредило *муджахидам* на всех фронтах джихада, что они больше не могут терпеть это предательство и решили раскрыть правду о его преступлениях, собрав в данном сборнике фетвы наиболее авторитетных и надежных *улам*.

Кроме того, что в сборнике обозначаются основные претензии *Аль-Каиды* к ИГ, он интересен еще и тем, что это один из редких текстов авторства идеологов *Аль-Каиды*, в котором они призывают к отказу от чрезмерности. Обычно мусульманские богословы всего мира обвиняют саму *Аль-Каиду* в радикализме и чрезмерности в религиозных и политических вопросах. Почти все тексты по проблеме чрезмерности, написанные в современную эпоху богословами, изданные исламскими университетами или министерствами религии, так или иначе связаны с опровержением идеологии *Аль-Каиды* и событиями 11 сентября.

Это говорит о том, насколько неожиданным и непривычным оказался феномен ИГ для *старой школы* джихадизма. В то же время тексты сборника указывают на определенную трансформацию *Аль-Каиды* (к этой теме мы вернемся чуть позже). Одним словом, эта глава обозначает глубокий разрыв между двумя организациями.

АЙМАН АЗ-ЗАВАХИРИ: «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО ИРАКА И ЛЕВАНТА УПРАЗДНЯЕТСЯ!»

По вполне понятным причинам, первый текст в сборнике принадлежит *вождю мирового джихадизма*, лидеру *Аль-Каиды* Айману аз-Завахири. С самого начала аз-Завахири говорит, что *Аль-Каида* не имеет никакого отношения к ИГ, не несет

З
И
Л
А
Н
А

за него ответственность и, более того, требует от него прекратить свою деятельность. Далее он объясняет основные противоречия. Главное отличие *Аль-Каиды* от ИГ состоит в трактовке социально-политических вопросов и в применении ряда норм исламского права, одним словом, в различной методологии (*ман-хадж*). Согласно аз-Завахири, *Аль-Каида*, во-первых, сосредоточена на борьбе с США и их союзниками-сионистами, иначе говоря, *крестоносцами* (имеются в виду страны Запада), а также пособниками-предателями (т.е. с арабскими режимами). Во-вторых, *Аль-Каида* всячески старается избежать гибели невинных людей и муджахидов. Она избегает проводить операции в людных местах (в мечетях, на рынках, в плотно населенных пунктах). По словам аз-Завахири, об этом много раз говорили шейхи Усама бен Ладен, Абу Яхья аль-Либи¹⁸ и другие авторитетные лидеры *Аль-Каиды*. Понимая, насколько опасна и важна данная тема, *Аль-Каида* издала книгу *Общие указания о ведении джихада*¹⁹. В-третьих *Аль-Каида* старается объединить мусульман и договориться со всеми, кто работает ради общего для мусульман дела — построения халифата, основанного на согласии между мусульманами. Обозначив позицию *Аль-Каиды*, аз-Завахири отмечает, что невозможно объединить мусульман, пытаясь навязать им свою власть с помощью насилия²⁰.

Кроме расхождения в методологии, аз-Завахири называет еще две причины разногласий с ИГ. Во-первых, ИГ ослушалось приказа не разглашать информацию о присутствии *Аль-Каиды* в Шаме (Сирия), тем самым предоставив Б. Асаду повод легитимировать свои действия под предлогом борьбы с терроризмом, а США и их союзникам — основания для интервенции. К тому же, отмечает аз-Завахири, после этого сирийский народ стал обвинять *Аль-Каиду*, мол, «мало было бед, еще и *Аль-Каида* добавила проблем. Разве Башара нам было не достаточно, теперь еще и США хотите привлечь?». Во-вторых, ИГ превысило полномочия, которые определило для него общее руководство *Аль-Каиды*, что привело к гибели тысяч муджахидов (зная методы и нрав группы аль-Багдади, аз-Завахири, по всей вероятности, предвидел, что, не понимая сирийского контекста, ИГ вступит в конфликт с местными исламистскими группами, и поэтому приказал ей оставаться в Ираке и не вмешиваться в сирийскую войну)²¹.

Из текста аз-Завахири становится ясно, что *Аль-Каиду* беспокоят не только идеологические, но и стратегические вопросы, а именно междоусобная война между отрядами воюющих в Сирии мусульман и гибель бойцов исламистских групп. В этой связи аз-Завахири говорит, что если он или аль-Багдади прикажут бойцу поднять оружие против *своего брата муджахида*, тот должен ослушаться приказа, потому что «в Судный день ни аз-Завахири, ни аль-Багдади за его поступки отвечать не будут». Аз-Завахири настоятельно призывает муджахидов не повиноваться своим командирам, если те прикажут им взорвать себя в местах, где присутствуют их *братья по вере и оружию*, и уклониться от участия в боевых действиях против воюющих с режимом Б. Асада. Если такой приказ будет дан, пусть боец попросит лучше отпустить его сражаться с баасистами, а не заставлять воевать против братьев по вере²². Таким образом, *Аль-Каида* обозначает приоритеты в сирийском конфликте: война должна вестись с баасистским режимом, *Хезболлой* и Ираном (*сефевидами*), а с оппозиционными Б. Асаду группами следует договариваться. Отметим, что подобная примирительная позиция по отношению к идеологи-

чески отличным от *Аль-Каиды* исламским суннитским группам была выражена аз-Завахири еще в 2012 г. в ранее упомянутой книге *Общие указания о ведении джихада*.

Далее приводится отрывок из некролога, который аз-Завахири написал на смерть Абу Халида ас-Сури²³. Здесь важно отметить, что когда конфликт между *Ан-Нусрой* и ИГ только возник, аз-Завахири поручил своему соратнику (хотя тот и не состоял в *Аль-Каиде*), известному полковому командиру Абу Халиду, прошедшему афганскую войну, выступить посредником в разрешении конфликта. Однако в конце февраля 2014 г. в Алеппо, в лагере движения *Ахрар аш-Шам*, Абу Халид был убит при нападении смертника. Смерть этого ветерана потрясла аз-Завахири и многих других лидеров военных групп в Сирии. Практически все сирийские оппозиционные объединения и прежде всего *Ахрар аш-Шам*, одним из командиров которого и был Абу Халид, обвинили в хладнокровном убийстве аль-Багдади и его группы²⁴. Нужно отметить, что после убийства Абу Халида примирительная риторика лидеров *Аль-Каиды* стала постепенно сходить на нет, и они все чаще стали говорить о том, что для ИГ не существует авторитетов и что эта организация способна *поднять руку* на любого.

Это интересно еще и потому, что, критикуя противника, *Аль-Каида* в лице аз-Завахири раскрывает свою политическую программу. Например, аз-Завахири говорит, что *Аль-Каида* никогда не стремилась к власти. Ее цель — установление исламского правления. *Аль-Каиде* все равно, кто будет править, важно только, чтобы правление осуществлялось согласно нормам Корана и сунны. По его словам, *Аль-Каида* никогда не была против свободного волеизъявления мусульман, и если в какой-нибудь стране мусульмане совещательным образом изберут себе правителя, который будет править согласно нормам Корана и сунны, *Аль-Каида будет этому только рада*. Со временем, после приобретения необходимого опыта, мусульмане смогут выбрать себе халифа и объединиться вокруг единого халифата²⁵.

Таким образом, согласно аз-Завахири, *Аль-Каида* предлагает политическую модель халифата, которая была создана Абу Бакром (*первым праведным халифом мусульман*) и далее развита Умаром б. Хаттабом (*вторым праведным халифом мусульман*). В интерпретации *Аль-Каиды*, эта модель предполагает совещание мусульман по социальным и политическим вопросам, свободные дискуссии относительно избрания халифа и справедливое судейство. Аз-Завахири открыто говорит, что именно к такому халифату стремится *Аль-Каида*, а не к халифату «аль-Хаджаджа б. Йусуфа»²⁶, и различных султанов, королей и князьков, которые убивают друг друга и прокладывают себе путь к власти мечом, а не коллективным совещанием (*шура*)»²⁷. Здесь мы видим, что *Аль-Каида* выступает против абсолютной монархии и диктатуры и за свободные дискуссии и выборы, но с одним условием — независимо от того, кого выберут мусульмане, он должен править по нормам исламского права.

В конце текста аз-Завахири говорит, что *Аль-Каида* искренне желает, чтобы после победы над Б. Асадом муджахиды договорились об установлении в Сирии исламского правления, которое бы накормило угнетенных и обездоленных, установило справедливость в обществе, распространяло бы институт *шуры* (совещания меж-

ду мусульманами по политическим и социальным вопросам) и стремилось к освобождению *Аль-Аксы* и каждого кусочка земли мусульман, который находится под оккупацией.

БИБЛИОТЕКАРЬ АЛЬ-КАИДЫ: «ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ИГ НЕВЕЖЕСТВЕННЫ И МАЛО ЧТО ЗНАЮТ»

После критики аз-Завахири следуют рассуждения об ИГ другого известного идеолога джихадистов, Абу Мухаммада аль-Макдиси — палестинского шейха, который много лет провел в иорданских тюрьмах за свои убеждения. В исследовании Аналитического центра борьбы с терроризмом американской военной академии аль-Макдиси назван *ключевым современным идеологом джихадистской мысли*²⁸. Аль-Макдиси также известен в мусульманском мире сайтом *tawhed.ws*, который он и его ученики постоянно пополняют джихадистской литературой. Можно сказать, что этот ресурс — крупнейшая электронная библиотека идеологов *Аль-Каиды*.

В самом начале конфликта между *Ан-Нусрой* и ИГ позиция аль-Макдиси была примирительной. Он одним из первых откликнулся на просьбы бойцов в Сирии прояснить ситуацию и разрешить спор. В ноябре 2013 г. на его сайте появилось послание, в котором он призывал муджахидов не разделяться. В то же время он проявил осторожность и не признал государство аль-Багдади²⁹. Однако после расширения ИГ в Сирии и Ираке и многочисленных столкновений с *Ан-Нусрой* и другими группами позиция аль-Макдиси ужесточилась.

В тексте, включенном в сборник, аль-Макдиси призвал все отряды в Сирии сторониться пропаганды ИГ, а самих бойцов ИГ — перейти в *Джабхат ан-Нусру*³⁰. Аль-Макдиси говорит, что он и другие шейхи не раз обращались к руководству и исламским законооведам ИГ как с открытыми, так и с закрытыми посланиями и просили их остановить кровопролитие муджахидов, но те, по его словам, не желали их слушать. Из слов аль-Макдиси видно, что его больше всего беспокоит совершение бойцами ИГ массовых убийств путем самоподрыва перед домами, военными базами и укреплениями бойцов из других отрядов, воюющих против Б. Асада. Он удивляется, что богословы ИГ выдают фетвы, разрешающие подобные действия. По его словам, даже против очевидных *врагов Аллаха* (американских солдат и т. д.) подобные фетвы выдаются только при особой, жизненной необходимости. Аль-Макдиси критикует идеолога и официального представителя ИГ Абу Мухаммада аль-Аднани за то, что он оправдывает убийства и обвиняет муджахидов в неверии под предлогом их сотрудничества с США³¹. Он отмечает, что именно из-за подобных действий некоторые почтенные шейхи, как, например, Абу-Катада аль-Фаластини, называли сторонников ИГ *хариджитами*. Интересно, что для аль-Макдиси последователи ИГ хуже хариджитов, потому что если хариджиты обвиняли в неверии только тех, кто совершал смертные грехи, то *игиловцы* обвиняют мусульман в неверии и проливают кровь только за неподчинение им. Более того, аль-Макдиси говорит, что они «клеветники похуже иудеев и лжецы похуже *рафидитов* (шиитов)»³².

Текст аль-Макдиси — это не только критика ИГ, это прежде всего послание простым бойцам в Сирии, которые присоединились к ИГ. Он утверждает, что их используют

в корыстных целях, прикрываясь высокими целями создания исламского государства и халифата, а на самом деле для лидеров ИГ они лишь пушечное мясо.

Как и аз-Завахири, аль-Макдиси укоряет виновных в убийстве Абу Халида ас-Сури и других опытных и уважаемых ветеранов джихада (прежде всего намекая на ИГ). Он жестко критикует лидеров ИГ за их упрямство и нежелание слушать авторитетных ученых³³.

Согласно аль-Макдиси, группа аль-Багдади напоминает современных придворных ученых (*улама ас-салатин*), которые восхваляют все действия своих правителей, объявляют их имамами, а всех, кто с ними не согласен, — бандитами и заблудшими³⁴.

Как и лидер *Аль-Каиды*, аль-Макдиси возмущен тем, что ИГ обвиняет в неверии бойцов *Джабхат ан-Нусры* и воюет с ними под предлогом того, что *Ан-Нусра* мешает проекту халифата³⁵. Подобно другим идеологам *Аль-Каиды*, он заключает, что ставить *Ан-Нусру* на один уровень с армией Б. Асада, американцами, ПКК и т.д., как это делает ИГ — преступление и отход от принципов исламской нравственности.

Аль-Макдиси отмечает, что его суждения об ИГ основаны не на слухах, а на личном общении с представителями данной организации, по итогам которого он сделал вывод, что они используют шариат исключительно в личных, корыстных целях. По словам аль-Макдиси, он понял это, когда лидеры ИГ отказались от его предложения разрешить имеющиеся разногласия через шариатский суд при участии судей, которым они доверяют. Аль-Макдиси также отмечает, что из личного общения с представителями ИГ он пришел к выводу, что у них очень низкие моральные качества — встречаясь с ним, они называли его *наш шейх*, а за спиной говорили *сводник аль-Макдиси*³⁶.

Аль-Макдиси, подобно многим другим идеологам *Аль-Каиды*, опроверг заявление аль-Аднани о том, что шариат устанавливается исключительно на территории ИГ. По его мнению, это заявление исполнено высокомерия. Он отвечает, что бойцы движения *Талибан* и бойцы *Джабхат ан-Нусры*, по возможности, устанавливают нормы шариата на своих территориях. Поэтому заявление ИГ, по мнению аль-Макдиси, нацелено на дискредитацию муджахидов из других исламских движений и является лишь пропагандистским ходом для привлечения молодежи. Аль-Макдиси возмущен, что в своей речи аль-Аднани призывает освободить города и села от бойцов других объединений и установить на этих территориях шариат, так как это не что иное, как открытый призыв проливать кровь мусульман³⁷. Идеологи ИГ утверждают: все, кто сражается с ними, на самом деле хотят заменить исламское правление на нормы и законы, созданные человеком, и что любой конфликт с ИГ, отказ от подчинения ему, несогласие с проводимой им политикой — это явная или скрытая попытка заменить Божьи законы на человеческие. В этой идее аль-Макдиси видит опасное развитие *такфиризма*. По его мнению, простым и малограмотным бойцам внушается мысль, что любые оппоненты ИГ — не мусульмане, а сторонники секуляризма, желающие заменить нормы шариата светскими законами.

З
И
Л
А
Н
А

На наш взгляд критика, аль-Макдиси неслучайно приводится сразу после текстов аз-Завахири. Дело не только в его авторитете, но и в том, что аль-Макдиси был учителем Абу Мус'аба аз-Заркави — руководителя движения *Ат-Таухид ва аль-Джихад*, членом которой когда-то был аль-Багдади. Они вместе несколько лет вместе сидели в иорданской тюрьме, где аль-Макдиси учил аз-Заркави вопросам вероучения и джихада. Но в дальнейшем между учеником и учителем возник конфликт. Аль-Макдиси был против того, что организация аз-Заркави совершает массовые убийства иракцев-шиитов.

Интересно, что на вопрос о том, насколько аль-Багдади и его группа следуют учению и методу аз-Заркави, аль-Макдиси отвечает, что, несмотря на все разногласия с аз-Заркави, следует признать, что аль-Багдади и его сторонники далеки от метода аз-Заркави. Во-первых, говорит аль-Макдиси, аз-Заркави не убивал в Ираке лидеров джихадистских групп, которые были с ним в чем-то не согласны. Группа же аль-Багдади обвиняет в неверии и убивает всякого, кто с ними не согласен, и изгоняет муджахидов с территорий, которые они захватили. Во-вторых, заявляет аль-Макдиси, ИГ на самом деле управляется бывшими иракскими баасистами, а аль-Багдади лишь исполнитель и играет второстепенную роль. По его мнению, свою жестокость по отношению к исламистам и ко всем несогласным последователи ИГ переняли именно от прошлого баасистского режима³⁸.

Таким образом, *Аль-Каида* преследует конкретную полемическую цель. Она хочет показать, что, с одной стороны, сам учитель аз-Заркави — из группы которого и родилось ИГ — считает его нелегитимной организацией. С другой стороны, *Аль-Каида* показывает, что ИГ не имеет отношения к методу и идеологии покойного аз-Заркави. Все это делается для того, чтобы убедить простых бойцов в Сирии и всех желающих присоединиться к сирийскому джихаду в том, что ИГ — узурпатор, не имеющий преемственности ни с одним из авторитетных исламских движений.

МУФТИЙ ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА ПРОТИВ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА

Другой именитый идеолог джихадизма — Абу Катада аль-Фаластини (Палестинский), известный тем, что начиная с конца 1980-х его фетвы служат ориентиром практических для всех известных джихадистских движений, — назвал лидеров, командиров и законовевов ИГ *псами адского огня*³⁹. Из проповедей Абу Катады об ИГ видно, что он обеспокоен и не понимает причин насилия ИГ в отношении исламских групп в Сирии. Он возмущен тем, что бойцы ИГ не дают пленным бойцам из других отрядов, которые воюют против Б. Асада, совершить обрядовую молитву перед казнью. Подобную ненависть к братьям по вере и соратникам по джихаду Абу Катада понять не может и приходит к выводу, что только антиисламские силы способны на такое. Он говорит, что ИГ должно провести открытый суд и доказать, почему тот или иной человек заслуживает смертной казни. Даже если предположить, что пленные в чем-то повинны, их желание совершить молитву перед казнью говорит о том, что они, возможно, собираются покаяться. Абу Катада задается вопросом: что же это за организация, которая не дает покаяться мусульманину? Он также заключает, что болезненное стремление записывать казни на видео говорит о ненормальной жестокости и психологических проблемах у бойцов группы аль-Багдади. По его мнению, для них насилие — цель, а не средство⁴⁰.

Абу Катада называет официального представителя ИГ аль-Аднани *крикуном и несведущим в исламских науках бандитом* и отмечает, что во всем мире найдутся люди, которых привлекают подобные личности. Согласно Абу Катаде, *преступник аль-Аднани и лжец аль-Багдади* своим вмешательством в Афганистане помогают США в их войне с *Талибаном*. Абу Катада говорит, что это тактика ИГ — они вступают на территории, где идет джихад, дискредитируют и убивают уважаемых лидеров и ветеранов джихада, а затем все джихадистские движения на этих территориях объявляют неисламскими или неверующими. Именно так, по мнению Абу Катады, они хотят поступить с *Талибаном*, который он всячески восхваляет и называет *знаменем Аллаха*. В итоге Абу Катада задает вопрос: «Кому, если не Америке, выгоден подобный расклад?»⁴¹.

На вопрос о том, почему все-таки лидеры ИГ отказались разрешить конфликт с *Аль-Каидой* и другими группами в Сирии посредством шариатского суда, Абу Катада отвечает, что он сам был удивлен озвученной причиной отказа. ИГ заявило, что оно государство (*дауля*), а государство не может судиться с организацией (*танзим*). По мнению Абу Катады, данный довод показывает, насколько эта группа далека от исламской учености. Он указывает, что в Коране есть аят, в котором говорится: «Если две группы верующих сражаются между собой, примирите их» (49:9), — он касается всех мусульман и всех мусульманских организаций и государств. По его мнению, ИГ боится публичного шариатского суда, потому что на нем сразу станет ясно, что их убеждения заключаются лишь в обвинении в неверии мусульман⁴².

Подобно аз-Завахири и аль-Макдиси, Абу Катада укоряет ИГ в том, что оно внесло раскол в ряды исламских групп в Сирии и в том, что оно убивает муджахидов и берет в плен их семьи. Это основные обвинения *Аль-Каиды* в адрес ИГ. К тому же Абу Катада считает, что действия ИГ представляют угрозу для суннитского населения Ирака и Сирии, которое вынуждено покинуть территории, занятые ИГ⁴³.

В итоге Абу Катада издает фетву, согласно которой вступать в ряды ИГ запрещается (исключение — если кого-то принудили присягнуть аль-Багдади)⁴⁴. Подобную фетву можно считать успехом *Аль-Каиды*, так как она издана именитым джихадистским идеологом.

Следует отметить, что фетвы Абу Катады мало чем отличаются от фетв сторонников ИГ. Когда-то он сам призывал убивать семьи полицейских и военных в Алжире, которые участвовали в операциях против исламистов⁴⁵. На наш взгляд, в данном случае для Абу Катады важно защитить *Аль-Каиду* и старое джихадистское командование от непонятного ему феномена ИГ. Что касается религиозной методологии, Абу Катада и сам довольно радикален и идейно близок к *иракской школе джихадизма*.

ВОПРОС ПРИСЯГИ

Одним из главных идеологических расхождений между *Аль-Каидой* и ИГ является вопрос присяги (*бай'а*). С момента своего появления, ИГ стала требовать от остальных групп принести присягу аль-Багдади как главе исламского государства на территории Ирака и Сирии. А после того как аль-Багдади был объявлен халифом, призыв к присяге стал носить глобальный характер. *Аль-Каида* в лице

З
Н
Л
А
Н
А

Аймана аз-Завахири ответила, что *отделение* (фар') не может требовать от *основы* (асл) присяги, имея в виду, что организация аль-Багдади находится под присягой *Аль-Каиде*. К тому же лидеры *Аль-Каиды* восприняли требования ИГ присягнуть ей как очень агрессивную политику гегемонии. Дело в том, что, если большинство течений или групп на территории Сирии и за ее пределами признают аль-Багдади халифом, ИГ сможет оправдать свою агрессию против остальных руководителей джихада, сославшись на знаменитое правило исламского права, основанное на хадисе, которое гласит «если люди присягнули двум халифам, убейте одного из них»⁴⁶.

Учитывая эти обстоятельства, авторы сборника попытались собрать все имеющиеся высказывания шейхов о том, что присяга аль-Багдади недействительна с точки зрения исламского права. К тому же, чтобы подкрепить свою позицию, они представили тексты критиков ИГ со всех частей исламского мира: как с *Машрика* (востока), так и с *Магриба* (запада).

Например, в сборник включены фетвы известного идеолога джихадистов опального саудийского шейха Сулаймана аль-Ульвана. Он заявил, что ИГ не имеет права требовать от людей присяги, потому что аль-Багдади не был избран *авторитетными и компетентными людьми* (*ахль аль-хиль ва аль-икд*). Он не халиф, а лишь руководитель (*амир*) группы (*джамаата*). И если он сражается со всеми, кто ему не присягает, то так поступают бандиты, а не праведники⁴⁷.

Ученик аль-Ульвана, суданский шейх Абу Абдаллах Садик ас-Судани, мнение которого также представлено в сборнике, иронизируя над знаменитым слоганом ИГ *существует и расширяется* (*бакийа ва татамаддад*), замечает, что ИГ не контролирует полностью даже Ирак, так какое право оно имеет вступать на территории других стран и о каком расширении идет речь?⁴⁸

Интересно, что в сборнике опубликованы мнения об ИГ не только богословов, связанных с *Аль-Каидой*, но и некоторых богословов, которых можно отнести к идейному течению *ас-салафийа ал-харакийа*, т.е. *политически активный салафизм*. Как правило, это богословы, которые поддерживают идею джихада, критикуют социально-политическое положение в арабских странах и преследуются властями за свои проповеди и фетвы. Нужно отметить, что видеопроповеди многих из них широко известны и в русскоязычном исламском интернет-пространстве. Например, неудивительно, что в книге нашлось место фетвам саудийского шейха Абд аль-Азиза ат-Тарифи, которых не связан с *Аль-Каидой*, но уважительно отзывался о бен Ладене, часто критиковал арабские режимы (в 2006 г. был посажен в тюрьму саудовскими властями) и издал фетву о джихаде в Сирии. Его идеи и фетвы широко популярны как среди бойцов *Ан-Нусры*, так и среди бойцов более умеренных исламских группировок (например, *Ахрар аш-Шам*).

Согласно ат-Тарифи, вопрос о халифате должен рассматриваться советом мусульман (*шура*), а не оставаться на усмотрение руководителя одного конкретного *джамаата*. Он говорит, что на данный момент в Сирии бойцы или целые группы имеют право присягать отдельным командирам только для осуществления боевых действий — солдатам нужен командир. Что касается присяги халифу или *амиру* с целью провозглашения исламского государства, подобные решения принимают не одной группой, движением или партией, а всеобщим советом мусульман.

Также на вопрос одного из идеологов *Ан-Нусры*, шейха Абдаллы аль-Мухайсини, о том, являются ли хариджитами те, кто обвиняет в неверии *Ан-Нусру* и *Ахрар аш-Шам* (имея в виду ИГ и аль-Багдади), Ат-Тарифи отвечает, что подобные люди, безусловно, хариджиты⁴⁹.

О религиозно-политической легитимности ИГ, а также о присяге — одном из ключевых вопросов пропаганды ИГ — рассуждает ветеран афганской войны шейх Абу аль-Валид аль-Газзи аль-Ансари. Сторонники ИГ часто ссылаются на хадис Пророка о том, что «тот, кто умрет, не присягнув правителю, умрет подобно тому, как умирали во времена невежества (*джахиллия*)», и другие подобные хадисы о важности присяги правителю. Однако аль-Ансари считает подобную ссылку в корне неверной, ибо речь в данном и похожих хадисах идет о правителе, которого избрали на собрании мусульман с участием уважаемых мусульманских специалистов в различных областях знания (ученых, военных, государственных деятелей), в число которых лидеры ИГ не входят. Вообще же о них известно очень немного — они просто объявили о создании государства вопреки исламскому праву, которое предписывает вначале собрать совет мусульман и путем переговоров и совещаний прийти к решению. Ни богословы, ни лидеры других исламских групп, воюющих в Сирии, не согласны с ИГ по ряду вопросов, поэтому в контексте таких противоречий объявлять государство незаконно, это приведет к смуте и столкновениям⁵⁰.

В свою очередь знаменитый марокканский шейх Абу аль-Фадль Умар аль-Хадуши, который провел много лет в тюрьмах за свои радикальные убеждения, говорит, что для ИГ все очень просто: кто не согласен с ними, тот против шариата и за светское правление (*тагут*), поэтому объявляется нечистотами *шайтана*. Аль-Хадуши называет ИГ *картонным халифатом*, а аль-Аднани — маленьким Даджалом (антихристом)⁵¹, и отмечает, что *джихад в Шаме был чист, но они [ИГ] испачкали его своей глупостью*.

ВСЯ АЛЬ-КАИДСКАЯ РАТЬ

После фетв именитых шейхов в сборнике представлена критика в адрес ИГ со стороны глав региональных отделений *Аль-Каиды* и ее шариатских судей, в первую очередь шейха Адам Яхья Гаддана или, как его называют соратники, Аззама аль-Амрики⁵², лидера *Аль-Каиды* в *Хорасане*, который обвиняет ИГ в том, что оно совершило множество преступлений и актов насилия против простых мусульман и муджахидов, не желает прекратить атаки на муджахидов и разрешить разногласия с ними посредством независимого шариатского суда, игнорирует фетвы и мнения уважаемых ученых, которые принимали участие в джихаде, злоупотребляет обвинениями в неверии (*такфир*) в адрес мусульман — и это, по мнению Аззама, главная проблема, из которой проистекают все остальные. Вместо того чтобы воевать с сирийским режимом, ИГ воюет с исламскими военными группами, тем самым отвлекая внимание от истинных целей джихада в Сирии. ИГ пытается навязать мусульманам свою власть, заставляет их признать себя государством, а своего лидера — легитимным правителем. ИГ стало причиной раздора между муджахидами на различных фронтах и внесло раскол в их ряды⁵³.

Кроме того, Аззам, как и другие представители *Аль-Каиды*, поднимает вопрос преемственности и связи между идеологией аз-Заркави и идеологией лидеров ИГ. Он утверждает, что ИГ извратило наследие аз-Заркави. Аззам отмечает, хотя у *Аль-Каиды* с аз-Заркави есть разногласия по ряду вопросов исламского права и политики, возводить идеологию ИГ к учению аз-Заркави непозволительно. По его мнению, ИГ позаимствовало свою идеологию скорее у Джорджа Буша, и сводится она к лозунгу *кто не с нами, тот против нас*. По мнению Аззама, неправомерно сравнивать религиозно-политическую методологию (*манхадж*) аз-Заркави с методологией аль-Багдади и его соратников. Потому что аз-Заркави воевал с пособниками оккупантов (американцев) в Ираке, в то время как люди аль-Багдади оставили джихад с *трайбалистским шиитским правительством в Багдаде* и воюют с религиозными меньшинствами (христианами, курдами-йезидами), давая повод США и их союзникам вторгнуться в Ирак. Аззам отмечает, что аз-Заркави — прямая противоположность аль-Багдади, потому что, будучи одним из самых известных лидеров джихада, имея власть и армию, он ради общей цели присоединился к *Аль-Каиде*, присягнув ее лидеру и *Исламскому эмирату Афганистан*. При этом он добавляет, что *Аль-Каида* всегда снисходительно относилась к ИГ и смотрела на него как на «слабую преследуемую иракскими властями организацию, которая храбро воюет с жесточайшим режимом». Однако со временем, по словам Аззама, данная организация сама переняла характерные черты, методы и тактику этой тиранической системы⁵⁴.

Как мы видим, Аззам рисует положительный образ аз-Заркави и всячески пытается противопоставить его аль-Багдади. Он стремится доказать, что между первым и вторым нет ни идеологической, ни методологической преемственности. Аззам вскользь упоминает о том, что между ним и аз-Заркави имелись религиозные и политические расхождения. Однако есть данные, что между бен Ладеном, аз-Завахири и муфтиями *Аль-Каиды*, с одной стороны, и аз-Заркави — с другой, имелись серьезные противоречия⁵⁵. В первую очередь это касается обвинений в неверии несогласных исламских групп и подрыва шиитских мечетей. По словам бывшего муфтия аль-Каиды Абу Хафса аль-Мавритани, лидерам *Аль-Каиды* не нравились чрезмерно жестокие методы аз-Заркави, и они просили его обратить свою деятельность против американцев, а не шиитов⁵⁶. Это подтверждает и письмо аз-Завахири к аз-Заркави, в котором он просит остановить насилие среди мирного шиитского населения и не совершать подрывов⁵⁷.

Тем самым *Аль-Каида* пытается убедить читателя, что ее разногласия с аз-Заркави не были глубокими. На самом деле *Аль-Каида* использует старый полемический метод исламских богословов, который заключается в попытке доказать, что между современниками (аль-Багдади и его группой) и их авторитетными предшественниками (аз-Заркави и его организацией ат-Таухид ва аль-Джихад) нет никакой связи и что современники извратили учение. Так *Аль-Каида* пытается оборвать все нити, которые связывают ИГ с аз-Заркави, и лишить группировку возможности прикрываться его авторитетом.

Аззам отмечает, что сегодня разногласия между *Аль-Каидой* и ИГ уже не ограничиваются сферой политики или интерпретации исламских текстов, а также охватывают некоторые вопросы вероубеждения (*акида*). Поэтому тот, кто пытается поставить знак равенства между *Аль-Каидой* и ИГ, совершает большую ошибку⁵⁸.

Аззам целенаправленно деконструирует основные элементы идеологической пропаганды ИГ. Например, указывая на упразднение границы между Сирией и Ираком, которое ИГ подает как одну из своих главных заслуг, Аззам отмечает, что, упразднив одни границы, ИГ создало множество других границ, разделений и водоразделов между муджахидами в Сирии и в Ираке, причем как материальных, так и моральных, и нанесла сильный удар по идее исламского единства. В качестве аргумента он указывает на то, что ИГ воюет практически со всеми оппозиционными исламскими отрядами на этих территориях⁵⁹.

Далее Аззам берется за критику призыва к единству (*вахда*) со стороны ИГ. Он отмечает, что для ИГ единство возможно только под его знаменами, а отказывающиеся присягнуть объявляются неверующими и вероотступниками. По словам Аззама, трактовки *исламского единства* у ИГ и у Усамы бен Ладена абсолютно разные⁶⁰.

Другой известный соратник аз-Завахири, шейх Газзи бен Харис аль-Наззари⁶¹, глава подразделения *Аль-Каиды* на Аравийском полуострове, критикует ИГ за то, что оно заявляет о распространении своей власти на территории, которые не контролирует, и объявляет нелегитимными все *джихадистские* группы на данных территориях, которые отказываются ей присягнуть. Несмотря на то что по сравнению с Аззамом аль-Наззари он придерживается скорее примирительной позиции, называя представителей ИГ *братьями* и пытаясь *наставить их на истинный путь*, он не скрывает, что его оскорбили слова аль-Багдади о том, что «хуситы не встретили в Йемене [настоящих] монотеистов (*муввахидун*), которые смогли бы дать им бой». На это оскорбление Аль-Наззари отвечает, что йеменцы всегда сражались на стороне Аллаха и что *Аль-Каида* — часть простого йеменского мусульманского народа, который борется с американцами, их союзниками и предательским правительством, *которое преподнесло страну хуситам на золотом блюде*⁶². Этими словами аль-Наззари пытается защитить йеменские исламские движения от *такфира* аль-Багдади.

В книгу также включены отрывки из *Разъяснений о последних событиях на Кавказе и наставлений муджахидам Кавказа* — послания шариатского кадия *Аль-Каиды*, шейха Ибрахима ар-Рубайша⁶³, которое было направлено бойцам *Имарата Кавказ* в связи с участвовавшими на Северном Кавказе спорами о новом халифате и его конфликте с *Аль-Каидой*. В нем жестко критикуется ИГ и говорится о нелегитимности данного образования. Перечислив все уже вышеуказанные аргументы, ар-Рубайш напоминает, что шейхи Усама бен Ладен и Айман аз-Завахири предупреждали, что провозглашение халифата в современной геополитической обстановке — дело бессмысленное. Пока в мире существует система, созданная США и их союзниками, и до тех пор пока они будут постоянно вмешиваться в дела мусульман, не удастся построить не только халифат, но даже исламское государство в отдельно взятой стране⁶⁴.

Рассуждения ключевых фигур *Аль-Каиды* показывают основные претензии *материнской организации* к своей вышедшей из повиновения *иракской ячейке*. Формат статьи не позволяет рассмотреть все тексты — это предмет отдельного большого исследования. Можно отметить, что, критикуя ИГ, лидеры *Аль-Каиды* сходятся по основным вопросам, в результате чего многие доводы повторяются. Однако,

похоже, авторы сборника не стремились к оригинальности, они хотели показать своим читателям, что именитые шейхи, живущие в разных частях исламского мира и проповедующие в разных контекстах, едины во мнении относительно ИГ. Иначе говоря, *Аль-Каиде* нужно было представить *согласованное мнение (иджма)* авторитетных среди *салафитского джихадизма* богословов о том, что ИГ — незаконное образование, а его лидеры — преступники и узурпаторы.

В то же время, несмотря на конфликт, в идеологии обеих организаций есть много общего: отрицание политических и правовых основ современного арабского национального государства, стремление к созданию халифата, который бы включал все земли мусульманских народов, призывы к насильственному свержению светских арабских режимов, обвинение в неверии всех политиков или режимов, не желающих устанавливать исламские законы, противостояние с США, Евросоюзом, Израилем и с остальным миром *современных крестоносцев*.

Однако стоит иметь в виду, что после Афганистана, гражданской войны в Алжире, Боснийской войны, террористических актов в Нью-Йорке и т. д. *Аль-Каида* приобрела разносторонний опыт и начала пересматривать определенные аспекты своей идеологии и методы ведения боевых действий. Из переписки бен Ладена и его соратников видно, что *Аль-Каида* начала приспосабливаться к локальным контекстам и признала, что некоторые ее методы скорее отталкивают, нежели объединяют мусульман. Своим главным противником *Аль-Каида* провозгласила *дальнего врага* — США и их союзников, а вражду с другими исламскими течениями (шиитами, суфиями и т. д.), которых идеологи *салафитского джихадизма* считают *еретическими*, отодвинула на второй план («на них не следует нападать, но разрешено обороняться»), тем самым ясно обозначив приоритеты⁶⁵. Иначе говоря, *Аль-Каида* становилась все более и более прагматичной. К примеру, она поддержала массовые волнения в арабском мире, которые начались в 2011 г. и привели к свержению президентов в Тунисе и Египте. *Аль-Каида* посчитала, что главное — это смена *статус-кво* (смещение диктаторских арабских режимов), а *умеренные исламисты* (прежде всего *Братья-мусульмане*), которые взяли власть, все же лучше, чем арабские националисты. Видимо, *Аль-Каида* посчитала, что рано или поздно сможет убедить *умеренных исламистов* присоединиться к вооруженной борьбе против *Запада*. В отличие от нее *иракская ячейка* (тогда еще *Исламское государство в Ираке*) жестко осудила демонстрации и заявила, что не видит разницы между *Братьями-мусульманами* и старыми режимами⁶⁶.

События *арабской весны* и прежде всего гражданская война в Сирии привели к идейным и политическим трансформациям *Аль-Каиды* и в то же время стали причиной окончательного раскола в рядах *джихадистского движения*.

Изменение в стратегии и в идеологии *Аль-Каиды* можно увидеть на примере деятельности *Джабхат ан-Нусры*. Сегодня это одна из наиболее боеспособных групп, действующих на территории Сирии, которая вступает в союзы и коалиции с различными исламистскими отрядами, а порой принимает участие в боевых операциях против армии Б. Асада и ИГ с бригадами *Свободной сирийской армии*. Наиболее удачной военной коалицией, воюющей против Б. Асада, является *Джейш аль-Фатах* (*Армия завоевания*, созданная 24 марта 2015 г. для ведения боев в провинции Идлиб)⁶⁷, костяк которой составляют отряды *Ан-Нусры* и *Ахрар аш-Шам*.

Однако в ее состав входят и отряды умеренных исламских групп, например, таких, как *Адждад аш-Шам* и *Файлак аш-Шам* (связана с сирийскими *Братьями-мусульманами*). Появление подобного военного объединения показывает, что *Аль-Каида* решила договариваться с другими исламскими социально-политическими движениями. Иначе говоря, с момента вступления в сирийский конфликт сторонники *Аль-Каиды* расширили практику общения и совещания с идеологически отличными от нее группами. Организация, которая много лет действовала в подполье, сегодня сотрудничает с идеологически более умеренными исламистскими группами, имеет армию, шариатские суды, школы, исламские центры, информационные комитеты, функционирующие на севере и северо-востоке Сирии. Все это в определенной степени заставляет *Аль-Каиду* меняться и приспосабливаться к новому для нее социально-политическому контексту. В принципе, подобная политика проводилась еще ветеранами афганского джихада Абдуллой Юсуфом Аззаму⁶⁸ и Усамой бен Ладеном, которые ради военных и политических целей старались сгладить противоречия на почве религиозных вопросов между арабскими и афганскими бойцами. Но большинство бойцов *Ан-Нусры* — сирийские салафиты, знающие местный контекст и местные традиции. Иностранцев бойцов в *Ан-Нусре* намного меньше, нежели в ИГ, поэтому у нее возникает меньше конфликтов с местным населением.

Примирительная стратегия *Аль-Каиды* дала результаты и на фронте: *Джейш аль-Фатах* смогла в марте 2015 г. взять под контроль практически всю территорию провинции Идлиб — в конце апреля был взят город Джиср аш-Шугур, а 9 сентября — захвачен военный аэропорт Абу аз-Зухур.

Аль-Каида утверждает, что своей главной задачей в Сирии видит свержение режима Б. Асада и установление *исламской политической системы* совместно с организациями и движениями, которые в своих политических программах опираются на исламские концепции (например, входящие в *Исламский фронт*⁶⁹). В то же время *Ан-Нусра* не выдвигает никаких политических программ и не делает заявлений о своем желании участвовать в политическом процессе в постасадовской Сирии. Аль-Джулани заявил, что подобные вопросы будут решаться советом (*шура*) мусульман и всеми сторонами, принимавшими участие в сирийском джихаде⁷⁰.

В этом контексте политика и идеология ИГ в корне отличается от политики *Аль-Каиды* в Сирии. ИГ позиционирует себя как легитимное исламское государство и призывает все оппозиционные Б. Асаду группы присягнуть ему либо покинуть территории, на которые оно претендует. Лидеры ИГ, добившись военных успехов и захватив территорию, площадь которой превышает территорию Иордании или Ливана, решили не делить власть с другими группами, отказались от шариатского суда и посредников, потому что понимали, что все авторитеты джихадизма на стороне *Аль-Каиды* и *Ан-Нусры* и решение будет не в их пользу. Поэтому они решились на шаг, поставивший *Аль-Каиду* в довольно неловкое положение. Когда в конце января 2014 г. известный проповедник ан-Нусры Абдалла Мухаммад аль-Мухайсини выступил с *инициативой уммы*, которая призывала все стороны конфликта немедленно прекратить военные действия, выбрать независимых судей и подчиниться решению суда, его поддержали практически все известные *исламистские объединения*. Однако ИГ ответило, что примет *инициативу*, если только *Аль-Каида*, *Ан-Нусра* и все другие группы публично ответят, считают ли они веру-

ющими Свободную сирийскую армию (ССА), Национальную коалицию оппозиционных и революционных сил и другие институты и организации, представляющие сирийскую оппозицию, а также режимы стран Персидского залива, Иордании и Турции. *Ан-Нусра* отказалась от условий ИГ, посчитав их провокацией и попыткой посеять смуту. Иначе говоря, несмотря на то что *Ан-Нусра* не признает *Национальную коалицию* и порой вступает в военные столкновения с отдельными отрядами ССА, ее руководители предпочли не вступать с ними в открытую конфронтацию ради проведения совместных военных операции против армии Б. Асада и в надежде когда-нибудь убедить эти умеренные исламские группы в истинности идеологии *Аль-Каиды*⁷¹.

И СЛОВОМ, И МЕЧОМ

Последний раздел книги состоит из фетв (изданных Абу Катадой аль-Фаластини, Абу Мухаммадом аль-Макдиси, Абдаллой аль-Мухайсини, а также коллективных посланий богословов), в которых говорится о том, что муджахидам в Сирии не только дозволено, но и необходимо сражаться с ИГ, и это не будет считаться братоубийством.

Составители сборника не случайно поместили фетву *О необходимости сражаться с хариджитами государства аль-Багдади* в последний раздел. Сначала им надо было дезавуировать идеологию ИГ, опираясь на высказывания наиболее именитых идеологов джихадизма, и лишь только после этого разрешить бойцам *Ан-Нусры* и других групп участие в боевых действиях против мятежной группировки. В настоящее время материалы сборника распространяются среди бойцов на территории Сирии.

Весьма показательной фетвой о сражении с ИГ является фетва *общего шариатского комитета Ан-Нусры*, суть которой сводится к следующему.

1. После всех своих преступлений бойцы ИГ не могут считаться суннитами. Они — хариджиты, а с хариджитами мусульманские богословы разрешили сражаться.
2. Отряды ИГ перекрывают дороги, внезапно нападают на укрепления муджахидов *Ан-Нусры* и других объединений, следовательно, сражаясь с ними, муджахиды защищаются от преступников и бандитов.
3. Пусть бойцов не смущает, что против ИГ создана международная коалиция. ИГ — наш враг, и мы защищаемся от атак его вооруженных отрядов. Другие противники ИГ нас не интересуют. Этим авторы фетвы хотят сказать, что никак не сотрудничают с США против ИГ.
4. *Ан-Нусра* сотрудничает с определенными группами и отрядами, потому что не считает их неверующими. Ибо далеко не все, кого ИГ объявляет неверующими, являются таковыми на самом деле. Например, *Исламский фронт* — союзник *Ан-Нусры*. В то же время *Ан-Нусра* не координирует боевые действия против ИГ с США, ССА и другими членами международной коалиции⁷².

5. Война против ИГ должна вестись до тех пор, пока не будет взяты его оплоты в провинциях Дейр аз-Зор, ар-Ракка и аль-Хасеке. Хариджитов необходимо ликвидировать, иначе они будут продолжать агрессию.
6. Против бойцов ИГ разрешается проводить *операции с самоподрывом*.
7. Основные цели джихада *Ан-Нусры* — режим Б. Асада, шиитские отряды, принимающие участие в боевых действиях на стороне армии Б. Асада, и все, кто стоит за этим режимом. Что касается ИГ, предложение лидера *Ан-Нусры* аль-Джулани разрешить разногласия через шариатский суд остается в силе.

Таким образом, мы видим, что идеологическое противостояние между *Аль-Каидой* и ИГ, их борьба за гегемонию в джихадистском движении, за материальные и людские ресурсы сопровождается ужесточенными боями на севере, северо-западе, северо-востоке и частично на юге Сирии. Фетвы, проповеди и острые дискуссии богословов лишь отражают политическую и военную реальность в зоне конфликта. Обе стороны мобилизуют все имеющиеся технические и информационные средства ради донесения своей точки зрения на события в Сирии и дискредитации позиции противника. ИГ в отличие от *Аль-Каиды* активно использует интернет-ресурсы, социальные сети и форумы, и смогло разрекламировать свой проект всемирного халифата и распространить свою точку зрения на происходящие в мире события. Однако идеологи *Аль-Каиды* постепенно приспосабливаются к новым условиям информационной войны. Издание концептуального сборника фетв и запуск сайта *Исламское государство — халифат диктатуры и коррупции* — яркое тому подтверждение.

Исламское государство, Аль-Каида и все ее подразделения — террористические организации, деятельность которых запрещена в ряде стран, в том числе в России. 🗞️

З
Н
Л
А
Н
А

Примечания

- 1 «Письмо Аймана аз-Завахири к Абу Мус'абу аз-Заркави». С текстом письма можно ознакомиться здесь: <https://thabat111.wordpress.com/2014/03/06>.
- 2 В. И. Ленин. *Успехи и трудности советской власти*: Полное собрание сочинений в электронном формате: <http://leninism.su/works/77-tom-38/1301-uspexi-i-trudnosti-sovetskoj-vlasti.html>.
- 3 Хасан Абу Хания, Мухаммад Абу Румман. Танзим ад-дауля аль-исламия: аль-узма ас-сунний ва ас-сира'а ала аль-джихадийа аль-'аламийа [Организация Исламское государство: суннитский кризис и борьба за глобальный джихад]. Му'ассаса Фридрих Ейберт: Амман, 2015, с. 142. См. также: Хамза Мустафа аль-Мустафа. Джубхат ан-Нусра ли-ахл-и-аш-Шам: мин ат-тасис ила аль-инкисам [Фронт помощи жителям Леванта: от основания до раскола]. Марказ аль-Араби ли-л-абхас ва дирасат ас-сийасат: Доха, 2013, с. 14.
- 4 Обращение Аймана аз-Завахири: [<https://www.youtube.com/watch?v=pbhVd0NSpV8>].
- 5 Послание Абу Бакра аль-Багдади *Исламское государство в Ираке и Леванте существует!* [<http://justpaste.it/gtch>].
- 6 Послание Абу Мухаммада аль-Аднани *Извини, амир Аль-Каиды* [<http://justpaste.it/othran>].
- 7 *Джабхат ан-Нусра* запускает самый крупный сайт с целью разоблачить ИГ, Новостной портал *ас-Сурийа*, 2015, 18 февраля. <https://www.alsouria.net/content>.
- 8 *Аль-Каида* издает книгу, чтобы предостеречь от ИГ, которое она обвиняет в разрушении Сирии. Новостной портал *аль-Баваба*, 2015, 18 февраля. <http://www.albawabnews.com/1122212>.

- 9 Сайт *Аль-Каиды*, посвященный критике ИГ: <http://www.kfasad.cf>.
- 10 См.: <http://jaraem.kfasad.cf>.
- 11 *Аль-Каида издает книгу, чтобы предостеречь от ИГ, которое она обвиняет в разрушении Сирии*. Новостной портал *аль-Баваба*, 2015, 18 февраля. <http://www.albawabnews.com/1122212>.
- 12 С книгой можно ознакомиться здесь: <http://justpaste.it/d-bgdadi>.
- 13 В основе ИГ лежит организация, созданная знаменитым джихадистом, ветераном афганской войны Абу Мус'абом аз-Заркави. В 2003 г., после того как американцы вторглись в Ирак, он основал организацию *Ат-Таухид ва аль-Джихад*. Эта организация не имела связей с *Аль-Каидой*, и только в 2004 г., преследуя стратегические цели, аз-Заркави принял решение присягнуть бен Ладену. После этого он стал официальным представителем *Аль-Каиды* в Ираке. Группа аз-Заркави отличалась особой жестокостью. Она принадлежит к той школе *салафитского джихадизма*, которая призывает прежде всего бороться с *ближним врагом* — с вероотступниками, т. е. с *неправильными*, с их точки зрения, мусульманами, с правительствами мусульманских стран, которые не желают устанавливать шариат, с шитами и представителями иных религий, которые не хотят подчиняться нормам исламского права. В своей борьбе *школа* поощряет теракты с участием смертников, отрубание голов, использование рядовых мусульман в качестве живого щита для достижения военной цели. Лидерам *Аль-Каиды* бен Ладену и аз-Завахири не нравились методы аз-Заркави, которые они считали чрезмерными и вредными для долгосрочных целей джихада. В 2006 г. аз-Заркави был убит, но именно из его организации возникло сначала *Исламское государство Ирака*, во главе которой со временем встал соратник аз-Заркави, Абу Бакр аль-Багдади (Ибрагим Аввад аль-Бадри). Позже из *Исламского государства в Ираке* возникли ИГИЛ и ИГ. Подробнее см.: Хасан Абу Хания, Мухаммад Абу Румман. Танзим ад-дауля аль-исламия: аль-узма ас-сунний ва ас-сира'а ала аль-джихадийа аль-'аламийа». С. 235–236.
- 14 *Сказали они о государстве аль-Багдади... (Изречения активно работающих на благо уммы ученых, надежных законоведов и благословленных лидеров джихада об отступивших от истинной веры хариджитах)*. Катаиб рад ала аль-хаваридж. Изд. первое. 2015. С. 6.
- 15 Например: «Аллах возвышает степень тех из вас, которые веруют, а также тех, которым даровано знание» (58:11); «Неужели равны те, которые знают, и те, которые не знают» (39:9).
- 16 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 8.
- 17 Там же. С. 9.
- 18 Один из главных проповедников *Аль-Каиды* отличался ораторскими способностями. Был членом шариатского комитета *Аль-Каиды*. Убит в 2012 г. на афгано-пакистанской границе в результате авиаудара ВВС США.
- 19 В данной книге аз-Завахири рекомендует муджахидам всячески сторониться конфликта с местными властями (хотя они и мешают в борьбе с США и их союзниками), не нападать на них, а только защищаться. Он также призывает не проявлять насилия к мусульманским ученым, к мусульманам, которые не разделяют убеждений *Аль-Каиды* и к представителям иных верований (если только те не атакуют первыми). С этой брошюрой на арабском и английском языках можно ознакомиться здесь: <https://archive.org/details/tawakkalo-00>.
- 20 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 10.
- 21 Там же. С. 11.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 12.
- 24 *Убийство Абу Халида ас-Сури возобновило борьбу между ИГ и Аль-Каидой*, газета *аль-Хайат*, 2014, 24 февраля. <http://www.alhayat.com/Articles/753154>.
- 25 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 13.
- 26 Аль-Хаджадж бен Йусуф (умер в 714 г.) — наместник омейядских халифов, в мусульманских исторических хрониках и в богословской традиции описывается как расчетливый политик, жестоко управлявшийся со всеми противниками Омейядов.
- 27 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 13–14.
- 28 *Militant Ideology Atlas*. Executive report, ed. William McCantis. Combating Terrorism Center, 2006. P. 8. <https://www.ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2012/04/Atlas-ExecutiveReport.pdf>.

- 29 С посланием можно ознакомиться здесь: <http://www.arahmah.com/arabic/lys-kmn-trda-bshq-abnha.html>.
- 30 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 15.
- 31 Там же. С. 16.
- 32 Там же. С. 21.
- 33 Там. С. 18–19.
- 34 Там же. С. 20.
- 35 Там же. С. 21.
- 36 Там же. С. 22–23.
- 37 Там же. С. 23–24.
- 38 Там же. С. 17–18.
- 39 Там же. С. 26.
- 40 Там же. С. 27–28.
- 41 Там же. С. 29–30.
- 42 Там же. С. 30–31.
- 43 Там же. С. 29.
- 44 Там же. С. 34.
- 45 Данная фетва Абу Катады представлена здесь: <http://www.muslim.org/vb/showthread.php?485946-page38>.
- 46 Мухаммад аль-Наджар, *Аль-Макдиси воздержался от признания аль-Багдади повелителем правоверных и присяги ему*, Аль-Джазира, 2013, 25 ноября. <http://www.aljazeera.net/news/reportsandinterviews/2013/11/25>.
- 47 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 36.
- 48 Там же. С. 44.
- 49 Там же. С. 39–41.
- 50 Там же. С. 42–43.
- 51 Там же. С. 45–47.
- 52 Убит в январе 2015 г. ракетой БПЛА ЦРУ в Пакистане.
- 53 Там же. С. 49–50.
- 54 Там же. С. 50–52.
- 55 Хасан Абу Хания, Мухаммад Абу Румман. Танзим ад-дауля аль-исламия: аль-узма ас-сунний ва ас-сира'а ала аль-джихадийа аль-'аламийа. С. 146–147.
- 56 Интервью с Абу Хафсом аль-Мавритани, информационное агентство *Аль-Джазира*, программа *аль-Вак'и аль-Араби*, *От аль-Каиды к ИГ.. Изменился ли салафитский джихадизм?*, 2015, 10 сентября. <https://www.youtube.com/watch?v=TqGG6h4S-jk&index=160&list=WL>.
- 57 Письмо аз-Завахири к аз-Заркави: http://fas.org/irp/news/2005/10/letter_in_arabic.pdf.
- 58 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 52.
- 59 Там же. С. 53.
- 60 Там же.
- 61 Убит ракетой американского БПЛА на юге Йемена в начале февраля 2015 г.
- 62 Там же. С. 60–61.
- 63 Убит в Йемене ударом американского БПЛА в апреле 2015 г.

- 64 Там же. С. 62–63.
- 65 См. книгу аз-Завахири *Общие указания о ведении джихада*.
- 66 Подробнее об этом см.: Абд аль-Бари Атван. *Ад-дауля аль-исламийя: аль-джузур, ат-таваххуш, аль-мустакбаль [Исламское государство: истоки, зверство, будущее]*. Дар ас-саки: Бейрут, 2015. С. 69–71.
- 67 Подробнее о создании Джейш ал-Фатах см.: <http://www.aljazeera.net/encyclopedia/movementsandparties/2015/4/30/>; Страница в *Твиттере*: <https://twitter.com/alsdq1>.
- 68 *Духовный отец афганского джихада*, один из главных идеологов джихадизма. В 1983 г. основал в Пешаваре организацию по привлечению бойцов со всего арабского мира для войны против советских войск. Автор широко известных в мусульманском мире книг и фетв, посвященных роли джихада в современную эпоху и Афганской войне (например, *О джихаде: Правила поведения и нормы*). Его идеи сильно повлияли на бен Ладена и Аймана аз-Завахири.
- 69 *Исламский фронт (аль-Джабха аль-Исламийа)* — военное объединение из 7 групп, возникшее в ноябре 2013 г. Ключевыми организациями *Фронта* являются *Армия ислама (Джейш аль-Ислам)* и *Исламское движение свободных людей Леванта (Харака Ахрар аш-Шам аль-Исламийа)*. Одной из основных причин возникновения — угроза ИГ. В то же время *Исламский фронт* был создан в качестве политической и идеологической альтернативы как *радикальным джихадистам* — ИГ и, частично, ан-Нусре, так и *светской ССА*. Лидеры *Исламского фронта* не признают *Национальную коалицию* в качестве своего политического представителя, хотя и осуществляет военные операции совместно с отрядами *ССА*, которые связаны с ней. Идеология — сирийский салафизм.
- 70 Мустафа. *Джубхат ан-Нусра ли-ахл-и-аш-Шам: мин ат-тасис ила аль-инкисам [Фронт помощи жителям Леванта: от основания до раскола]*. С. 19.
- 71 В то же время отметим, что подобные пропагандистские ходы ИГ, радикальная позиция в вопросе установления шариата и объявление *неисламским* всего, что хоть как-то связано с национальным или светским арабским государством (идеологию, символы, институты, законы) привлекают радикально настроенную молодежь как на территории конфликта, так и в других частях мира.
- 72 *Сказали они о государстве аль-Багдади*. С. 143–144.

Антон Уткин

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО — НОВЫЙ УЧАСТНИК ХИМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ?

«Экстремистская группировка *Исламское государство* захватила к северо-западу от Багдада огромный завод, ранее производивший химическое оружие, где хранятся 2500 старых химических ракет, снаряженных десятилетия назад нервно-паралитическим отравляющим веществом зарин...» — так начиналась статья в *The Guardian* от 9 июля 2014 г.¹. Однако в этой же статье сообщалось, что «Соединенные Штаты не видят большой угрозы в захвате этого завода, так как на нем не осталось химического оружия, которое можно было бы с легкостью использовать в военных целях».

Действительно, инспекторы ООН, работавшие в Ираке с 1991 г., заключили, что 122-миллиметровые реактивные снаряды в бункере 13 на заводе *Аль Мутанна* имеют очень низкое содержание зарины, и в 1994 г. бункер был забетонирован вместе с находившимся там химическим оружием. Однако реальное содержание зарины в снарядах никто не проверял, более того, даже количество ракет определено весьма приблизительно. Дело в том, что в 1991 г. бункер подвергся бомбардировке, и, поскольку в нем находились неразорвавшиеся авиационные бомбы, уничтожать химические снаряды никто не стал — это было слишком рискованно. Вместо этого вход и пролом в крыше бункера были замурованы с помощью кирпичей и армированного бетона толщиной 1,5 м под наблюдением инспекторов. В то же время две-три тысячи реактивных снарядов, даже если содержание зарины в них составляет 5–10%, представляют собой достаточно большую угрозу.

Так есть или нет у *Исламского государства* (признанного в России террористической организацией) химическое оружие? Есть ли у ИГ ресурсы и возможности для его применения? Соответствует ли это идеологии ИГ, и каков потенциал такого применения, какую угрозу представляет химическое оружие в руках террористов?

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА ТЕРРОРИЗМА

Традиционный терроризм имеет, как правило, два объекта нападения. Один объект является непосредственным, но вторичным по значению. А другой подвергается воздействию опосредованно, но на самом деле является первичным с точки зрения целеполагания. Так, заложники, захваченные террористами, являются непосредственными жертвами террористического акта, однако первичен для тер-

А
Н
А
Л
И
З

рористов другой объект, который не подвергается воздействию самого террористического акта. Именно этот первичный объект террористы вынуждают что-то сделать при помощи теракта. В качестве первичного объекта чаще всего выступают правительства государств. Сообщение, которое закладывают террористы в свои действия, для этого первичного объекта звучит примерно так: *Выполните наши требования, или мы продолжим брать заложников (взрывать здания, угонять самолеты)*. Такой тип терроризма можно определить как *терроризм принуждения*.

Однако в последнее время мы наблюдаем значительный рост числа терактов, в которых никто не выдвигает никаких требований. Такой терроризм можно назвать *терроризмом групповой цели*. Воздействию зачастую подвергаются несколько объектов, и самый очевидный из них далеко не всегда является главенствующим. После атаки на башни-близнецы Всемирного торгового центра ни одна из террористических групп не предъявила требований и не взяла на себя ответственность. Более того, до сих пор отсутствуют неопровержимые доказательства, указывающие на тех, кто стоял за организацией теракта. При этом, судя по всему, две целевые аудитории получали сообщение. С одной стороны, американский народ, защищенный своими технологиями и отделенный от всего мира океанами, должен был почувствовать, что он более не находится в безопасности. С другой стороны, антиамериканские силы должны были испытать воодушевление, поняв, что Америка уязвима, ее можно победить, причем на ее же собственной территории и ее же технологиями.

Не понимая логики террористов, трудно сделать вывод о том, какая именно целевая аудитория является для них приоритетной. Действительно, можно еще долго спорить, что и кому хотели сообщить террористы, направляя самолеты на башни-близнецы. Но очевидно, что тот объект, та аудитория, по отдельным членам которой наносится непосредственный удар, должна испытывать страх, поскольку террор снижает способность к сопротивлению. Страх не позволяет использовать наши волю и возможности продуктивно, он блокирует нашу способность думать и трезво оценивать ситуацию. Террор приводит к панике, что наглядно демонстрируют события в Саудовской Аравии 24 сентября с.г., когда в результате взрыва террориста-смертника было убито несколько десятков человек, а в последующей давке из-за паники погибло более 700 и пострадало более 2000 человек. Таким образом, страх воспроизводится, усиливая действие теракта.

С точки зрения химического терроризма спектр средств воздействия может быть очень широким. В первую очередь, это касается боевых отравляющих веществ (БОВ). Однако их применение связано с необходимостью организовать соответствующее производство, хранение, а также иметь в наличии средства доставки, в которые заливаются БОВ. Гораздо проще использовать коммерчески доступные химикаты, токсичность которых позволяет использовать их в качестве БОВ. К таким веществам относятся, например, цианиды — соли синильной кислоты, широко используемые при добыче золота и серебра, и хлор, продающийся на рынке в баллонах разной емкости. Еще проще использовать пестициды, значительное число которых имеет действие на организм человека, сходное с действием БОВ (например, фосфорорганические инсектициды). Кроме того, организация теракта на заводе, производящем токсичные вещества, такие как хлор или аммиак, может вызвать катастрофические последствия на значительной территории.

Наконец, сама по себе угроза применения химического оружия также может служить целям террористов. Угроза применения по силе своего воздействия может приближаться к самому теракту, если потенциальные жертвы полагают, что имеется высокая степень вероятности того, что угроза может быть реализована.

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ОРУЖИЮ МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ

На сегодняшний день по оценкам экспертов ИГ стало наиболее влиятельной террористической организацией, которая не просто имеет отлаженную организационную структуру, но и обладает значительными людскими, финансовыми и территориальными ресурсами. Сама по себе агрессивная идеология ИГ, декларирующая цель уничтожения или полного подчинения *неверных*, предполагает отсутствие ограничений на использование любых видов оружия, в том числе ОМУ. Более того, некоторые эксперты уверены, что недооценивать фактор религиозного фанатизма приверженцев идеологии ИГ нельзя, поскольку их версия *чистого ислама* обуславливает восприятие текста Корана как руководства к действию. Так, например, обращение в сентябре 2014 г. шейха Абу Мухаммада Аль-Аднани (главный спикер ИГ) к мусульманам западных стран с призывом «найти язычника, разбить его голову камнем, отравить его <...> или отравить его посевами» следует воспринимать не как метафору, а как непосредственный призыв к действию².

До недавнего времени лидеры и идеологи ИГ напрямую не заявляли о намерении завладеть ядерным или биологическим оружием. Вместе с тем, принимая во внимание вышеизложенное, необходимо отметить ряд моментов. Само по себе ИГ является, по сути, центральной частью сетевой группировки, которой присягают на верность исламские радикалы и террористические организации по всему миру³. При этом они свободны в выбираемых средствах борьбы и располагают собственными ресурсами. Опасения, что последователи ИГ могут использовать, например, биологическое оружие с вирусом лихорадки Эбола высказывались неоднократно, однако эксперты отмечают, что в целом вероятность подобного сценария мала⁴. Несмотря на существующие противоречия в руководстве ИГ по поводу дальнейших путей развития, на нынешнем этапе и в среднесрочной перспективе целями группировки являются непосредственное строительство *Исламского государства* и защита его территорий. Проведение масштабных технически сложных и дорогостоящих террористических актов на территории государств, находящихся за пределами региона, не входит в перечень приоритетных задач. Кроме того, теракты с использованием относительно примитивных средств (стрелковое оружие и погаса смертников) на примере парижских событий доказали свою эффективность⁵.

Вместе с тем значительно более привлекательным для ИГ и группировок, действующих в союзе с организацией, по тем же причинам, что и примитивные средства нападения (простота и доступность), может являться химическое оружие (ХО). Сообщения о намерении группировки действовать в этом направлении появляются регулярно⁶, однако лишь недавно оно было задекларировано на страницах официального пропагандистского журнала ИГ — *Дабик*⁷. Говоря о потенциальных целях, для которых ИГ может стремиться завладеть ХО, следует выделить наиболее вероятные.

Во-первых, непосредственное использование ХО в зоне ведения боевых действий для устрашения и ликвидации сил противника или гражданского населения. Здесь речь может идти об использовании ХО на территориях, население которых заведомо враждебно настроено к ИГ, например в зоне расселения курдов. Следует отметить, что в августе 2015 г. стали появляться сообщения о применении ИГ химического оружия именно против курдов⁸. Эта информация не подтверждена из достоверных источников. Тем не менее подобную угрозу не следует недооценивать⁹. В целом, количество сообщений о возможном использовании ХО ИГ в ходе боевых действий увеличилось за последний месяц¹⁰.

Во-вторых, принимая во внимание мнение экспертов, что одной из основных причин успеха ИГ по сравнению со всеми существующими группировками является их эффективная информационно-пропагандистская работа¹¹, террористы заинтересованы в обладании ХО для ограниченного применения и дальнейшего освещения данного факта в информационном и медийном пространстве в пропагандистских целях. В данном случае можно вести речь о так называемом *медиаджихаде*, который сопровождает практически все действия группировки. Целью самого *медиаджихада* являются как устрашение, так и пропаганда для привлечения все большего числа радикально настроенных сторонников ИГ. Важно отметить, что, учитывая кадровый ресурс, которым обладает группировка (западные операторы, режиссеры и другие *специалисты* все чаще вступают в ее ряды, внедряя голливудские технологии в систему пропаганды)¹², снять постановочные фото и видеоматериалы, посвященные применению ХО, не является проблемой. Однако вскрытие подобного подлога могло бы негативно отразиться на ее *имидже*, поэтому при наличии ресурсов (собственно, ХО) ИГ, вероятно, предпочло бы запечатлеть последствия реального применения ХО, нежели устраивать инсценировку. *В-третьих*, ХО может быть использовано ИГ с целью провокации. Учитывая события 2013 г., когда явно прослеживалось, что применение ХО в Сирии было сделано для дискредитации режима Б. Асада и втягивания США в конфликт после соответствующих заявлений Б. Обамы¹³, данный сценарий может быть реализован вновь для решения новых задач. Тем более что тема применения Асадом ХО в Сирии, несмотря на вывоз ХО из страны и его уничтожение, продолжает регулярно появляться на страницах западных и арабских интернет-ресурсов¹⁴. Кроме того, некоторые эксперты придерживаются точки зрения, что для ИГ может быть выгодным втягивание коалиции западных государств в полномасштабную войну с ИГ (в том числе и в пропагандистских целях)¹⁵, а потому ИГ, предположительно, может рассматривать применение ХО как способ провоцирования Запада.

С 2013 по 2015 г. в Сирии было зафиксировано (с разной степенью достоверности) более 30 случаев применения ХО. Наиболее известным является ракетный удар по пригороду Дамаска, нанесенный 21 августа 2013 г., который был расследован инспекционной группой ОЗХО¹⁶. По имеющимся данным, только в 2015 г. ИГ было обвинено в 6 случаях применения ХО:

- 23 января террорист-смертник взорвал грузовик с хлором в Северном Ираке;
- 21–22 июня на позиции курдов была совершена атаки химическими снарядами калибра 120 мм;

- 28 июня террористы выпустили по одному из районов города Хасака снаряды, из которых выходил желтый газ;
- 11 августа по курдским отрядам были применены химические боеприпасы, на фрагментах которых были обнаружены остатки иприта;
- 31 августа в курдистанском районе Сирии террористами были использованы самодельные ракеты, способные нести БОВ;
- 1 сентября в городе Марее была совершена атака с использованием боеприпасов, после которых более 20 человек жаловались на затруднение дыхания и нарывы на коже.

Кроме того, 2 сентября Пентагон подтвердил 4 случая применения ХО с кожно-нарывными отравляющими веществами в Сирии и Ираке, 8 сентября разведывательная служба Германии BND сообщила, что образцы крови курдов, сражавшихся с ИГ, содержат признаки отравления ипритом.

Все это говорит об эскалации применения ХО на территории Сирии и Ирака. В то же время, для того чтобы увеличивать масштабы использования ХО, необходимы 3 основные составляющие:

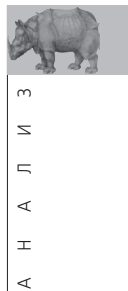
- экспертные знания, то есть квалифицированные специалисты;
- производственные мощности БОВ и наличие компонентов для их производства (прекурсоров);
- средства доставки.

Рассмотрим возможности ИГ по этим трем составляющим.

ДОСТУП К ЭКСПЕРТНЫМ ЗНАНИЯМ

После периода суннитского мятежа 2006–2010 гг., когда более 80% лидеров ИГ (тогда *Исламского государства Ирака*) были уничтожены или взяты в плен¹⁷, лидер движения Абу Бакр аль-Багдади реформировал организацию, уменьшив доминирование иностранцев в верхнем эшелоне власти и введя в руководство большее количество иракцев. Это открыло дорогу бывшим баасистам — представителям высшего командного звена армии С. Хусейна, потерявшим власть с приходом шиитского правительства в Ираке. Именно этим объясняются военные успехи ИГ. Есть сведения, что бывшие члены высших военных подразделений и служб безопасности С. Хусейна помогли организовать и возглавили Совет безопасности и разведки ИГ¹⁸. В рядах ИГ есть как руководители, отвечавшие за организацию программы ХО в Ираке, так и технические специалисты высочайшего уровня. По сообщению Центрального командования США, в результате воздушного удара около иракского города Мосул в январе 2015 г. был уничтожен А. Малик, эксперт по ХО, работавший на заводе в Мутанне¹⁹.

При этом нужно понимать, что программа создания ОМУ в Ираке была масштабной и весьма развитой. В начале 1990-х гг. в подчинении Министерства промышленности и военной индустриализации (позднее — Министерства промышленности и минералов) находилось более 35 компаний, заводов и исследовательских

центров, занимавшихся НИОКР и производством оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных технологий. К концу 1990-х в распоряжении С. Хусейна было более 100 кадровых военных, возглавивших военную промышленность Ирака, и более 2000 технических специалистов различного уровня, непосредственно участвовавших в разработках и создании ОМУ. Несмотря на то что Ирак реализовывал уже известные методы производства БОВ, в программе создания ХО НИОКР занимала значительную часть, и иракские специалисты получили уникальный опыт, в результате чего было произведено 3850 тонн БОВ, из которых 3500 тонн пошло на снаряжение около 130 тысяч боеприпасов, 100 тысяч из которых были применены в боевых действиях. К концу существования программы, просуществовавшей около 20 лет, в ее активе кроме штатного ХО были разработки бинарных зарина и Vx, конструкции бинарных боеприпасов, а также метод получения Vx, приспособленный под условия Ирака²⁰. Все это свидетельствует о том, что в настоящее время *без работы* остается большое количество специалистов Ирака, прошедших хорошую школу создания ХО и имеющих практический опыт производства различных элементов ХО.

Кроме того, программы создания ХО были у Сирии (27 объектов по производству, включая подземные и мобильные установки) и у Ливии (не менее 2 объектов по производству). И хотя о сирийской программе создания ХО известно гораздо меньше, чем об иракской, тем не менее некоторые аспекты производства ХО в Сирии были отработаны даже лучше, чем в Ираке.

Кроме того, в зарубежных СМИ появлялись сообщения об опыте использования Египтом ХО в Северном Йемене, а также о взаимодействии Египта и Сирии по вопросам уничтожения ХО, что свидетельствует о наличии соответствующего кадрового потенциала и у Египта²¹.

Несомненно, что в обстановке хаоса и социально-экономического коллапса в регионе ИГ становится потенциальным работодателем для соответствующих технических специалистов из перечисленных стран.

ВОЗМОЖНОСТИ ПО ПРОИЗВОДСТВУ БОВ И КОМПОНЕНТОВ (ПРЕКУРСОРОВ)

Оценка возможностей ИГ по производству БОВ и прекурсоров для производства БОВ является довольно сложной задачей, так как неизвестно, какие именно БОВ планируют производить, какой производственный метод будет выбран и каков будет исходный прекурсор для производства. Однако задача упрощается, если предположить, что специалисты по ХО из Ирака и Сирии, работающие на ИГ, будут работать на базе технологий, знаний и практических навыков, накопленных при создании ХО в своих странах. Вероятность, что они будут создавать что-то принципиально новое, невелика, так как в этом случае требуются большие исследовательские работы и успех не гарантирован. Скорее всего, отработанные технологии будут приспособлять к имеющейся у ИГ материально-технической базе. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть сценарий, при котором опыт Ирака и Сирии по созданию ХО будет применяться в новых условиях, и сделать предположения о путях его применения.

В рамках программы ХО иракские специалисты исследовали иприт, азотистый иприт, люизит, табун, циклозарин, этилзарин, тиозарин, Vx и его аналоги, хлорциан, BZ, адамсит, CS и т.д. Однако до промышленного (или полупромышленного) из летальных БОВ были доведены только табун, иприт, зарин и Vx. При этом табун был снят с производства через три года после его начала, так как чистота продукта была недостаточна для длительного хранения, хотя и удовлетворяла нуждам военного времени. Что касается Vx, иракцы не смогли масштабировать процесс эффективного синтеза P-S-C-связи, из-за чего полное промышленное производство реализовано не было. Наиболее эффективными оказались иприт и зарин, причем технология иприта была доведена до очень хорошего уровня — анализы иприта из снарядов ствольной артиллерии, пролежавших более 12 лет, показывали содержание в продукте 90% основного вещества.

Иприт в Ираке получали тремя методами:

1. тиодигликоль + хлористый тионил = иприт;
2. тиодигликоль + треххлористый фосфор = иприт;
3. тиодигликоль + HCl = иприт.

Хлористый тионил импортировался, но после включения режима экспортного контроля рядом стран в 1987 г. поставки этого хлорирующего агента были затруднены, однако замена его треххлористым фосфором приводила к тому же результату, хотя и несколько удлиняла процесс.

Тиодигликоль в начале также импортировался, однако в результате исследований был отработан процесс получения его путем взаимодействия этилена с хлористой серой, причем из местных компонентов (этилен производился на нефтехимическом заводе в Басре, а сера добывалась на разработках в Мишраке или образовывалась при обессеривании природного газа или нефти).

Зарин получали следующим способом:

триметилфосфит → диметилметилфосфонат → дихлорангидрид метилфосфоной кислоты (МФК) → дифторангидрид МФК + дихлорангидрид МФК + изопропанол = зарин.

Позднее на последней стадии получения зарина вместо смеси дифторангидрида и дихлорангидрида МФК стали использовать лишь дифторангидрид — метод, применяемый также для производства бинарного зарина.

Триметилфосфит, основной прекурсор для производства зарина, Ирак импортировал. Однако сегодня приобретение триметилфосфита на рынке будет весьма затруднительно в связи с ограничениями в рамках системы экспортного контроля, установленной Конвенцией по запрещению ХО. В отсутствие возможности импорта актор, желающий производить ХО, должен наладить собственное производство прекурсоров. Опыт Сирии, которая осуществляла свою программу развития ХО, не присоединяясь к Конвенции о запрещении ХО, доказывает что такой сценарий вполне реалистичен. Сирия не имела возможности импортировать значительные количества прекурсоров и вынуждена была налаживать собственное производство компонентной базы.

З
Н
Л
А
Н
А

Если нет возможности приобретать на рынке триметилфосфит, то для его получения из ключевых компонентов необходимо иметь треххлористый фосфор, хлорирующий агент (пятихлористый фосфор) и фторирующий агент (фтористый водород или соли натрия).

Необходимо отметить, что Сирия является пятым экспортером апатитов и фосфитов в мире, на ее территории находится по крайней мере пять апатитовых шахт и производится фосфорная кислота и суперфосфат. Из апатитовой руды получают фосфорную кислоту, обрабатывая ее серной кислотой. При этом выделяется фтористый водород (фторирующий агент). Обычно элементный фосфор получают путем термической переработки апатитного сырья. Более того, в Сирии существует производство чистой фосфорной кислоты, пригодной для пищевого применения, которое было создано в рамках проекта с МАГАТЭ в 2001 г. и которое использует в качестве исходного сырья элементный фосфор²², что говорит о наличии технологий производства фосфора в Сирии. Треххлористый фосфор легко получается из элементного фосфора пропусканием хлора через раствор фосфора или сжиганием его в атмосфере сухого хлора. Получение хлора электролитическим методом из поваренной соли довольно распространено, например, на нефтехимических производствах Ирака.

В настоящее время ИГ контролирует крупное сирийское фосфоритовое месторождение Акашат, расположенное в провинции аль-Анбар рядом с Рутбой. Помимо этого, ИГ контролирует также завод в городе аль-Каим по производству серной кислоты (1,5 млн т в год), которая может использоваться для производства фторирующего агента (о чем говорилось выше) и фосфорной кислоты (400 млн т в год). Среди других сырьевых и перерабатывающих объектов, находящихся под контролем ИГ, есть и Мишракская серная компания, расположенная в провинции Ниневия²³, где могут быть соединения, содержащие серу, которые могут быть использованы в качестве прекурсоров иприта.

Еще одним необходимым и важным условием при производстве ХО является наличие оборудования, устойчивого к коррозии. К такому оборудованию относятся емкости и реакторы, сделанные из никелевых, титановых сплавов, стекла, а также футерованных эмалью, керамикой и другими коррозионностойкими материалами.

Однако подобное оборудование используется также в нефтехимической и фармацевтической промышленности и при необходимости может быть заимствовано с гражданских предприятий. Кроме того, есть сведения, что иракцы использовали обычное нестойкое оборудование, которое меняли после двух-трех циклов²⁴. Так, на объекте в Мутанне был обнаружен реактор для производства иприта, который был изготовлен из обычной емкости объемом 2 м³.

Еще одним новаторством является создание мобильных заводов по производству ХО в Сирии²⁵. Мобильный цех размещался на стандартном 18-колесном грузовике и, по словам британского военного специалиста, был собран не *на коленке*, а являлся образчиком качественной инженерной мысли.

Важным моментом при создании БОВ является необходимость стабилизировать БОВ при хранении, так как они, как правило, являются химически активными веществами и могут быстро деградировать. Однако большинство таких стабилизаторов известны (например, третичные амины), и на большую часть из них не рас-

пространяются меры экспортного контроля, предусмотренные Конвенцией или Австралийской группой. Кроме того, при активном применении ХО, когда сразу после производства оно отправляется на поле боя, можно обойтись и без стабилизаторов.

СРЕДСТВА ДОСТАВКИ

В большинстве случаев разработка ХО на Ближнем Востоке велась на базе модификации существующих на рынке вооружений боеприпасов с целью приспособить их для доставки БОВ. Так, в Ираке штатно использовали следующие химические боеприпасы:

- 155-миллиметровые дымовые гаубичные снаряды (3,5 л БОВ);
- 122-миллиметровые снаряды реактивной артиллерии итальянского, египетского и собственного изготовления (от 6 до 8 л БОВ);
- 4 типа модифицированных авиационных бомб фугасного назначения или для снаряжения белым фосфором (от 100 до 260 л БОВ).

Ирак тестировал значительное количество различных типов боеприпасов и даже разрабатывал собственные образцы, однако чаще приобретал на рынке доступные боеприпасы и модифицировал их под ХО. Это свидетельствует о том, что средства доставки не являются существенной проблемой, тем более что рынок вооружений в регионе очень обширен. Сегодня к традиционным поставщикам обычных вооружений на Ближний Восток, таким как США, Франция, Соединенное Королевство, Германия и Россия присоединились Украина, Китай, Северная Корея и Южная Африка. Кроме того, значительные объемы вооружений производятся Ираном (копии иностранных образцов и собственные разработки). Таким образом, существует немало источников, из которых ИГ может получить обычные боеприпасы, которые могут быть приспособлены под средства доставки БОВ.

Так, из некоторых типов фугасных снарядов возможно слить бризантный тротил (температура плавления 80°C, плавится в горячей воде) и поместить на его место БОВ.

В регионе очень распространены системы залпового огня. Снаряды таких систем легко переоборудуются для снаряжения БОВ, они проще в производстве, чем снаряды ствольной артиллерии, обеспечивают доставку большего количества БОВ, и несколько батальонов установок залпового огня, размещенные на автомобильной тяге, могут за короткое время создать боевые концентрации отравляющих веществ, таких как зарин.

Теракт в пригороде Дамаска 21 августа 2013 г. был совершен с применением 2 типов снарядов реактивной артиллерии, в одном из которых достаточно легко узнается 140-миллиметровый снаряд М-14 от легендарной установки ГРАУ 1950-х гг. В Сирию было поставлено более 200 таких установок в 1960-е гг. Во втором боеприпасе журнал *Foreign Policy* признал снаряд от американской установки разминирования SLUFAE²⁶ калибром 345 мм.

Причем, судя по всему, дизайн SLUFAE использовался как макет для производства боеприпаса кустарным способом. Вообще, в интернете на электронных ресурсах

А
Н
А
Л
И
З

Ближнего Востока можно найти большое количество фото-, видеоматериалов и инструкций по изготовлению кустарным способом различного типа боеприпасов, включая гранаты, бомбы и снаряды реактивной артиллерии.

Еще одним примером кустарного изготовления химических боеприпасов являются так называемые *бочковые бомбы*. Этот способ дешевый и очень эффективный. Анализ остатков боеприпасов, примененных в окрестностях сирийского города Идлиб в период с марта по май 2015 г., показывает высокую интенсивность использования бочковых бомб. Конструкция бочковых бомб довольно проста: в цилиндрическую оболочку помещают баллоны или контейнеры с отравляющим веществом, между ними распределяют разрывные заряды, соединенные детонационным шнуром с взрывателем, находящимся в носовой части бомбы, а к хвостовой части приваривают направляющие для стабилизации бомбы в полете.

Бочковые бомбы сбрасываются с вертолета с небольшой высоты, что обеспечивает простоту их применения и относительно высокую точность попадания. Факты использования подтверждаются многочисленными видеосъемками, размещенными в социальных сетях. В случае химической атаки в Идлибе применялось несколько модификаций бочковых бомб.

Наконец, в распоряжении ИГ всегда имеется достаточное количество смертников, готовых доставить ХО к назначенной цели.

ВЫВОДЫ

Оценка возможности наличия ХО у ИГ является затруднительной, так как тема ХО в течение многих лет эксплуатируется различными сторонами в качестве ресурса информационной войны, а факты применения ХО зачастую сильно политизируются. Так, США и их союзники не раз пытались дискредитировать режим Б. Асада, обвиняя его в применении ХО.

В то же время ИГ представляет собой организацию, идеология которой не просто допускает, но и поощряет использование для достижения своих целей любых средств, вплоть до ОМУ. Угроза применения ХО боевиками ИГ также стала фактором информационной войны. ИГ явно использует БОВ как инструмент *терроризма групповой цели*. Факты применения ХО получают широкий резонанс, что может использоваться не только для устрашения, но также в качестве провокации и для реализации пропагандистских сценариев, работающих на создание определенного имиджа ИГ. Вместе с тем обвинения ИГ в применении ХО могут быть использованы в качестве инструмента информационной борьбы против группировки.

Комплексный анализ промышленного и кадрового потенциала стран региона доказывает, что для вербовки ИГ доступны квалифицированные специалисты из Ирака, Сирии, Ливии и Египта. В районах, подконтрольных ИГ, расположено достаточно производственных мощностей, которые могут стать ресурсной базой для производства БОВ. В регионе имеется значительное количество обычных боеприпасов, которые относительно легко могут быть приспособлены в качестве средств доставки ХО, а также боеприпасы могут изготавливаться кустарными методами. С технологической точки зрения не существует серьезных препятствий, кото-

рые бы не позволяли ИГ создать собственный арсенал ХО. Дальнейшее расширение масштабов применения ХО *Исламским государством* представляется весьма вероятным в случае отсутствия реальных действий по его сдерживанию.

Исламское государство — террористическая организация, деятельность которой запрещена в ряде стран, в том числе в России. 🐘

Примечания

- 1 The Guardian. Isis seizes former chemical weapons plant in Iraq. 2014, 9 July. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/jul/09/isis-seizes-chemical-weapons-plant-muthanna-iraq>.
- 2 The Atlantic. What ISIS really wants. 2015, March. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980>.
- 3 1News.az. Игорь Панкратенко: Просто бомбить ИГИЛ недостаточно. 2015, 3 августа. URL: <http://www.1news.az/interview/20150803015436694.html>.
- 4 Stratfor. Scott Stewart. Evaluating Ebola as a Biological Weapon. 2014, 23 October. URL: <https://www.stratfor.com/weekly/evaluating-ebola-biological-weapon>.
- 5 Sky News. Al Qaeda in Yemen claims Charlie Hebdo attack. 2015, 14 January. URL: <http://news.sky.com/story/1407682/al-qaeda-in-yemen-claims-charlie-hebdo-attack>.
- 6 Lenta.ru. Австралия уличила «Исламское государство» в производстве химического оружия. 2015, 6 июня. URL: <http://lenta.ru/news/2015/06/06/isis/>.
- 7 Independent. Adam Withnall. Isis's dirty bomb: Jihadists have seized 'enough radioactive material to build their first WMD'. 2015, 10 June. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/isis-dirty-bomb-jihadists-have-seized-enough-radioactive-material-to-build-their-first-wmd-10309220.html>.
- 8 The New York Times. Helene Cooper. ISIS is suspected of a chemical attack against kurds in Syria. 2015, 14 August. URL: http://www.nytimes.com/2015/08/15/world/middleeast/isis-suspected-of-chemical-attack-against-kurds-in-syria.html?_r=0.
- 9 RAND. Scott Savitz. ISIS plus chemical weapons does not equal apocalypse. 2015, 11 September. URL: <http://www.rand.org/blog/2015/09/heres-the-good-news-on-isis-stash-of-chemical-weapons.html>.
- 10 Aranews. Ahmed Salem. ISIS' use of chemical weapons in Syria confirmed. 2015, 26 August. URL: <http://aranews.net/2015/08/isis-use-of-chemical-weapons-in-syria-confirmed/>.
- 11 Institute for the study of war. Harleen K. Gambhir. Dabiq: the strategic messageing of the Islamic State. 2014, 15 August. URL: http://www.understandingwar.org/sites/default/files/Dabiq%20Backgrounder_Harleen%20Final.pdf.
- 12 The Guardian. Steve Rose. The Isis propaganda war: a hi-tech media jihad. 2014, 7 October. <http://www.theguardian.com/world/2014/oct/07/isis-media-machine-propaganda-war>.
- 13 The Washington Times. Ben Wolfgang. Obama 'red line' erased as Bashar Assad's chemical weapons use goes unchecked by U.S. military. <http://www.washingtontimes.com/news/2015/may/17/obama-red-line-erased-as-assad-chemical-weapons-us/?page=all>.
- 14 BBC News. Ian Pannell. Syria civilians still under chemical attack. 2015, 10 September. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-34212324>; Сирия Сегодня. Ядовитые газы применены при атаках Растана. 2015, 2 сентября. <https://ayamru.wordpress.com/2015/09/02/ядовитые-газы-применены-при-атаках-па/>.
- 15 The Atlantic. What ISIS really wants. 2015, March. URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2015/03/what-isis-really-wants/384980>.
- 16 United Nations. Report on the Alleged Use of Chemical Weapons in the Ghouta Area of Damascus on 21 August 2013. URL: http://www.un.org/disarmament/content/slideshow/Secretary_General_Report_of_CW_Investigation.pdf.
- 17 Ahmed S Hashim, 'The Islamic State: from Al-Qaeda affiliate to caliphate', *Middle East Policy Council Journal*, Winter 2014, Volume XXI, Number 4.

Э
Н
Л
А
Н
А

- 18 Ahmed S Hashim, 'The Islamic State: from Al-Qaeda affiliate to caliphate', *Middle East Policy Council Journal*, Winter 2014, Volume XXI, Number 4.
- 19 The Guardian. Isis weapons engineer killed in airstrike in Iraq, claims US military. 2015, 31 January. URL: <http://www.theguardian.com/world/2015/jan/31/senior-isis-militant-weapons-killed-abu-malik-airstrike-us-mosul-iraq>.
- 20 UNMOVIC, *Compendium of Iraq's Proscribed Weapons Programmes in the Chemical, Biological and Missile Areas*. New York: United Nations, 2007. Chapter 3 'The Chemical Weapons Programme'. URL: <http://www.un.org/Depts/unmovic/new/pages/compendium.asp>.
- 21 The Nuclear Threat Initiative. Egypt, country profile. <http://www.nti.org/country-profiles/egypt/>.
- 22 Global Security. Weapons of mass destruction. URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/world/syria/homs.htm>.
- 23 Рабкор. Надежда Глебова. Экономика «Исламского государства». 2015, 15 июля. URL: <http://rabkor.ru/columns/analysis/2015/07/15/the-isis-economy/>.
- 24 U.S. Government Publishing Office. Comprehensive Report of the Specail Advisor to the DCI on Iraq's WMD with Addendums. 2004, 30 September. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/GPO-DUELFERREPORT/pdf/GPO-DUELFERREPORT-3.pdf>.
- 25 Peace and Freedom. Adam Entous. Mission to purge Syria of chemical weapons left some weapons with Assad's forces. 2015, 24 July. URL: <https://johnib.wordpress.com/tag/syrias-ministry-of-foreign-affairs/>.
- 26 Foreign Policy. John Reed. Were Syria's nerve gas rockets based on an American design? 2014, 28 August. <http://foreignpolicy.com/2013/08/28/were-syrias-nerve-gas-rockets-based-on-an-american-design/>.

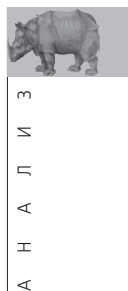

Александра Куликова

ИНТЕРНЕТ ВЕЩЕЙ: ВИРТУАЛЬНОЕ БЛАГОДЕНСТВИЕ И РЕАЛЬНЫЕ РИСКИ

Самый кошмарный газетный заголовок для меня звучал бы так:
«100 000 холодильников атаковали Банк Америки».
Винт Серф¹

Дом семьи Марти МакФлая 21 октября 2015 г., куда герой попадает благодаря машине времени в фильме *Назад в будущее*, выглядел очень футуристично пару десятилетий назад. Сегодня, в реальном октябре 2015 г., может показаться, что мы несколько *отстаем* от будущего, придуманного режиссерами в конце 1980-х гг., однако многие элементы *умного дома* уже существуют и в нашем настоящем. Развитие виртуальной реальности идет огромными темпами, меняя нашу повседневную жизнь, а также представления о том, какой она должна быть, и стирая грань между онлайн-овым и офлайн-овым режимами.

ИНТЕРНЕТ ЧЕГО?

Согласно рекомендации группы МСЭ по стандартизации ITU-T Y.2060 (06/2012)², *интернет вещей* (Internet of Things, или IoT) определяется как глобальная инфраструктура информационного общества, обеспечивающая продвинутые услуги в результате соединения физических и виртуальных вещей на основе взаимодействия существующих и развивающихся информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Начало интернета вещей (ИВ) было положено в Массачусетском технологическом институте (MIT), где основанная в 1999 г. группа Auto-ID Center работала над технологией радиочастотной идентификации (RFID) и новыми сенсорными технологиями. Центр объединял семь НИИ, расположенных на четырех континентах, которые и разработали архитектуру будущего ИВ.

Само понятие *интернет вещей* возникло, согласно докладу Cisco Internet Business Solutions Group (IBSG)³, когда количество подключенных к интернету вещей, или объектов, превысило количество людей на планете. Это случилось примерно на рубеже 2008 и 2009 гг.: в 2003 г. на 6,3 миллиарда населения Земли приходилось около 500 миллионов подключенных к интернету устройств (0,08 на человека), а уже в 2010 г. взрывной рост мобильных ИКТ привел к изменению этого соотношения в пользу устройств: 12,5 миллиарда устройств на 6,8 миллиарда человек (1,84 на человека). Если же провести расчеты в отношении реального

количества пользователей интернетом в мире (около 2 миллиардов), оно возрастает до 6,25 в 2010 г. В 2011 г. специалисты *Cisco* предсказывали рост количества устройств до 25 миллиардов к 2015 г. и 50 миллиардов к 2020 г.

Подсчеты *Gartner*⁴ несколько скромнее — 25 миллиардов к 2020 г., но сам порядок цифр не оставляет сомнений, что ИВ — реальность, меняющая привычные представления о личных и общественных отношениях, о бизнесе и экономике, а также о рисках и угрозах. Это естественный итог бурного развития и распространения ИКТ, которое выйдет на новый уровень с сокращением цифрового разрыва и освоением рынков развивающихся стран.

Эволюция ИКТ идет дальше, расширяя линейные в прошлом взаимоотношения пользователя и устройства дополнительным измерением — взаимодействием подключенных к интернету устройств, в котором пользователь является финальным бенефициаром. Иначе говоря, обмен данными между устройствами (M2M — machine to machine) для выполнения пользовательской задачи превращает *интернет вещей* в *интернет всего*, или *всеобъемлющий интернет*.

Во многом этот процесс является отражением тренда развития постиндустриального общества, в котором экономика знаний и медиатизация общественных отношений с повсеместным использованием ИКТ выходят на новый уровень. Новое поколение интернет-технологий, позволяющее генерировать, воспринимать, собирать, анализировать, передавать то, что получило название *большие данные* (big data) в массовом масштабе, с одной стороны, влияет на потребление информации и повседневный образ жизни миллионов людей, а с другой — уже определяет их представления о том, каким он должен быть в будущем⁵.

Так, еще в 1970-х гг. канадский философ Маршалл Маклюэн (Marshall MacLuhan) исследовал электронные медиа (телевидение и радио на тот момент) как *продолжение нервной системы человека*. Одно из его главных убеждений состояло в том, что *средство коммуникации является сообщением* (*the medium is the message*), то есть средство коммуникации влияет на человека и общество само по себе. С развитием отрасли ИКТ и ее повсеместным проникновением в повседневную жизнь человека в виде огромного количества гаджетов это утверждение как никогда актуально. Но, пожалуй, его истинный смысл проявится именно в интеграции подключенных устройств в *Сеть сетей*, что коренным образом меняет масштаб их воздействия на общество.

В результате планомерной *оцифровки* экосистемы, в которой живет человек, на стыке различных областей его деятельности, образуются связи локальных сетей взаимосвязанных устройств, отвечающих за них. Так, компания IDC определяет ИВ как *Сеть сетей* уникально идентифицируемых терминалов (собственно *вещей*), которые взаимодействуют без участия человека с помощью IP сетевой связности. В эту экосистему могут входить (на настоящий момент) различные девайсы (в том числе *носимые девайсы*, или wearables), платформы ИВ, сервера, ПО для обеспечения безопасности, контроля промышленных процессов, ИТ-услуги и т. п.

ИВ развивается в самых разных отраслях — это бытовая техника, автомобильная промышленность, медицина, одежда, транспорт, дорожная инфраструктура, городская инфраструктура, платежные инструменты, игрушки и обучающие тех-

нологии, вооружение и т.д. *Потребительское лицо ИВ* — это носимые девайсы (wearables), например устройства для улучшения физической формы (фитнес-девайсы) и возможностей человека, девайсы для оптимизации сознания и мыслительных процессов и прочие технологии, связанные с понятием дополненной реальности (augmented reality⁶), где сенсорные механизмы используют данные об активности и состоянии человека для предоставления ему релевантной визуализированной информации или услуг.

По данным *Gartner*⁷, около 38% американских потребителей недавно использовали виртуального ассистента на своих девайсах. Ожидается, что к концу 2016 г. примерно 2/3 потребителей в развитых странах будут пользоваться ими ежедневно. Технологии автоматизированного предсказания потребностей потребителя на основе предыдущего поведения и местонахождения быстро совершенствуются и будут все более востребованы с возрастанием темпа жизни.

Система устройств *умного дома*, в которой каждое из них имеет свой сетевой адрес — подключенные к сети электроприборы, автомобили, слуховые аппараты, даже предметы одежды — все это результат ряда научных открытий, сделанных за последние пару десятилетий, которые породили новое качество жизни и делают то, что когда-то было областью научной фантастики, реальностью. В январе 2014 г. *Google* купил компанию *Nest*⁸, занимающуюся производством термостатов, подключенных к интернету, за 3,2 миллиарда долл. США. Этот гаджет уже очень популярен в США и Канаде: он не просто автоматизирует все процессы, связанные с поддержанием оптимального климата в помещении, но и изучает привычки хозяина и подстраивается под них. Спустя полгода компания объявила о запуске интерфейса прикладного программирования, позволяющего производителям домашней бытовой и прочей техники разрабатывать продукты, совместимые с продукцией *Nest*. Правда, хакеры уже сообщали об уязвимости *Nest* и возможности взломать систему в считанные мгновения. Тем не менее, сейчас технологии *умного дома* разрабатывают многие компании, и это, вне сомнения, очень перспективный рынок.

З
Н
Л
А
Н
А

НОВЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ

Согласно исследованию компании *International Data Corporation (IDC)*⁹, всемирный рынок ИВ вырастет с 655,8 млрд долл. в 2014 г. до 1,7 трлн долл. в 2020 г. с суммарным уровнем роста в 16,9%. В компании полагают, что устройства и ИТ-услуги составят большую часть рынка ИВ к 2020 г. (около 2/3), причем только на устройства (модули и сенсоры) придется около 31,8% общего объема. За ближайшие пять лет платформы, специально созданные под ИВ, приложения, AAS-решения, также увеличат свою долю.

Исследование Европейской комиссии, *RAND Europe*¹⁰, оценивает экономический потенциал ИВ от 1,4 трлн долл. в год (около 1,09 трлн евро) до 14,4 трлн долл. (около 11,2 трлн евро) суммарно по секторам. Объем продаж подключенных устройств оценивается в исследовании на уровне 2,5 трлн долл. в 2020 г. При том, что рынок еще не сформирован и находится на ранних стадиях развития, за ним будущее.

Gartner ожидает, что ИВ окажет серьезное влияние на развитие новых бизнес-моделей, развитие и повышение эффективности электронного бизнеса. Недавнее исследование компании показало¹¹, что у бизнеса и ИТ-специалистов особенно много ожиданий от ИВ в области производства и розничной торговли. Также многообещающе выглядит применение технологий ИВ для оптимизации процессов в области коммунальных предприятий и услуг, в промышленном секторе, автомобилестроении и секторе потребительских товаров. Особенно показателен энергетический сектор, в котором все более распространено использование сенсоров и систем автоматизированного контроля и управления технологическими процессами (АСУ ТП) применительно к счетчикам, мониторингу и управлению энергопотреблением и т. п.

Новые возможности ИВ могут преобразовать как привычные производственные процессы, отношения с потребителями продукции, так и их повседневную жизнь. Пока еще не существует массовых решений, скорее, мы видим разрозненные примеры преобразований от развития ИВ (мониторинг состояния здоровья, wearables, автоматические машины и т. п.). Большую роль играют и недоверие, и частое непонимание частным сектором того, как конкретно может выиграть тот или иной бизнес от ИВ с учетом издержек по внедрению новых технологий. Вероятно, о фундаментальных системных преобразованиях можно будет говорить, когда на рынок выйдет технология, которая сможет быстро охватить его в глобальном масштабе. Это позволит образовать первое связующее звено между локальными сетями, состоящими из подключенных устройств, для выполнения определенной задачи или ряда смежных задач.

Можно с уверенностью сказать, что через 5–7 лет не останется сфер экономики и бизнеса, не затронутых технологиями ИВ. Дешевизна сенсорных технологий в будущем может сделать традиционные бизнес-решения просто неконкурентными. Скорость их развития и внедрения будет вытеснять с рынка тех игроков, которые не будут поспевать за трендом, подкрепленным потребительским спросом на лучшие товары и услуги.

Уже сейчас, и не гипотетически, можно говорить о дата-бизнесе и дата-экономике, так как экспоненциальный рост данных о пользователях, генерируемых подключенными устройствами, превратит их в *новое золото, новую нефть, новую валюту* XXI века. И это не просто красивые метафоры. Данные о пользователях уже стали важным драйвером развития частного бизнеса, серьезное увеличение их объема, как и осознание их ценности самими пользователями, создаст новую парадигму управления информацией, и общественных отношений в целом. Эффективный сбор, обработка и анализ *больших данных* будет определять успешность бизнеса.

ИВ обещает принести больше эффективности в бизнес-процессы, но вместе с ней появятся и новые *серые зоны*. Замена человека машинами в принятии решений находится пока еще в зачатке, но уже поднимает много вопросов этического и экономического плана, а также ставит новые задачи в области обеспечения безопасности как самого пользователя, так и его данных. Например, принтер, способный оценить уровень чернил и самостоятельно заказать покупку, доставку и установку нового картриджа значительно упростит жизнь своего хозяина. Но это

также значит, что в распоряжении устройства оказываются данные, необходимые для проведения всех данных манипуляций: это могут быть геолокационные, банковские данные, а также информация о конкретном типе устройства, которым пользуется данный человек, и опосредованно — интенсивность его использования. Автоматизация этих действий также означает передачу, сбор и скорее всего хранение соответствующих данных и связанные с этим риски.

ОГРАНИЧЕНИЯ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ

Скорость и успешность разворачивания технологий ИВ и их интеграция в современную социально-экономическую архитектуру общества зависит от ряда факторов. Во-первых, это развертывание стандарта протокола IPv6 взамен уже практически исчерпанного первичного рынка IPv4. Технически этот переход осложняется проблемами с совместимостью протоколов, и от того, насколько быстро он будет происходить в ближайшие годы, зависит количество уникальных подключенных устройств. Так, например, 24 сентября 2015 г. американский регистр чисел в интернете (ARIN — American Registry for Internet Numbers) исчерпал первичные IPv4-адреса¹², теперь их можно приобрести только на вторичном рынке. Скорость перехода на IPv6 сильно различается в различных частях света, что, безусловно, будет влиять и на скорость распространения ИВ, и на единообразие формирующихся стандартов.

Другим важным аспектом успешности развития ИВ является стандартизация протоколов, позволяющих устройствами взаимодействовать между собой и с пользователем, в том числе в области обеспечения безопасности управления данными, их целостности и конфиденциальности, цельности архитектуры ИКТ. Именно выполнение этих задач выведет ИВ на новый уровень, который позволит говорить о новой парадигме развития общества. Как было отмечено выше, ИВ проникает практически во все области жизни общества одновременно, в результате чего единого стандарта в области взаимодействия ИВ между собой пока нет. Этой задачей уже занимается ряд организаций, в частности IEEE, IETF, ITU, ISO и другие, стремясь создать надлежащие механизмы бесперебойной передачи IPv6-пакетов данных по сетям различной конфигурации, сложность которой будет только увеличиваться. Но пока разработать универсальный перечень спецификаций, применимый к различным сферам использования ИВ, им не удалось.

Так, в мае 2015 г. завершила свою работу фокус группа МСЭ по стандартизации в области ИВ — ITU-T Focus Group on Smart Sustainable Cities (FG-SSC)¹³, выпустив 21 доклад по спецификации ИВ. Ее мандат переходит группе ITU-T SG20 (Study Group 20)¹⁴, которая продолжит работу по выработке единых требований к стандартам в ИВ-технологиях с первичным фокусом на *умные города и сообщества* (SC&C). Но это лишь один сегмент огромного развивающегося рынка ИВ. При этом важно сразу отметить, что отсутствие стандартов взаимодействия устройств в экосистеме ИВ тормозит также выработку механизмов защиты этих устройств от внешних злонамеренных воздействий.

Тем не менее, есть примеры развития и распространения стандартов в отдельных отраслях, например, в области сенсорной аутентификации. С ростом количества онлайн-услуг и подключенных персональных устройств система защиты, основан-

ная на пароле, уже не может считаться достаточной. Биометрическая аутентификация (отпечатки пальцев, сканирование сетчатки глаза, голосовое распознавание) считается особо надежным способом верификации подлинности личности. Весной 2015 г. банк *Halifax* предложил¹⁵ использовать технологию аутентификации клиента в онлайн-банкинге по его электрокардиограмме, которая уникальна и, по определению, не может быть подделана.

Так, отраслевой альянс FIDO (Fast Identity Online)¹⁶, с 2012 г. объединивший более 100 компаний-членов (среди них *MasterCard*, *Visa*, *Google*, *PayPal*, *Bank of America*, а с октября 2015 г. и Федеральное ведомство по информационной безопасности ФРГ), разрабатывает спецификации, обещающие повысить безопасность онлайн-коммуникаций с использованием биометрических технологий и многофакторной аутентификации (MFA). Например, компания *Apple* уже давно использует сканирование отпечатков пальцев для смартфонов, в том числе для платежной функции *Apple Pay*. *Microsoft* вступила в альянс в феврале 2015 г., анонсировав намерение использовать технологии FIDO для новой версии своей операционной системы *Windows 10*. Таким образом, частный альянс работает над разработкой стандартов аутентификации пользователя электронных устройств (*Universal Authentication Framework (UAF)* и *Universal Second Factor (U2F)*), которые с учетом размера бизнеса участвующих компаний имеют все шансы со временем получить глобальное применение, а возможно, и монопольную позицию.

Наконец, бесперебойное энергообеспечение огромного количества электронных устройств представляет вызов глобального масштаба. Потребуются новые решения для генерации энергии, мощные сервера и сети питания, а также технологии их защиты.

Пока же мы наблюдаем цикл становления, масштабирования новой технологической парадигмы. Можно предположить, что поворотным моментом в ее начале был *iPhone*, который произвел революцию на рынке мобильных телефонов. Это та самая *деструктивная инновация (destructive innovation)* в терминологии Клейтона Кристенсена (*Clayton Christensen*)¹⁷, которая выводит отрасль на новую ступень развития, одновременно нанося удар по успешным состоявшимся бизнесам с налаженными отношениями с пользователями. Ориентация на конечного пользователя и его удобство оказалась главным критерием на новом витке развития применительно к ИКТ-технологиям. Распространение доступа в интернет позволяет расширять экосистему подключенных устройств. Как уже было упомянуто выше, вероятно, можно ожидать следующий качественный *деструктивный* скачок, когда стандартизация взаимодействия этих устройств между собой позволит ИВ *заговорить на одном языке*, тем самым повысив синергию от их совместимости. Именно к этому постепенно движется мир, и именно этот масштаб обещает новое качество жизни, как и массу новых угроз ее безопасности.

ЧЕМ МЫ РИСКУЕМ?

С невероятными возможностями, открывающимися в экосистеме объединенных сетью устройств, открываются и риски, способные серьезно подорвать устойчивость связанного с ней социально-экономического прогресса. О чем мы говорим и насколько они реальны?

Кибербезопасность всего?

С ростом количества вещей, подключенных к Всемирной сети, растет и спектр потенциально взламываемых устройств. Это естественная и неизбежная оборотная сторона развития цифрового общества, в ходе которого меры защиты не поспевают за технологическими инновациями. Таким образом, заимствуя жаргон *Лаборатории Касперского*, необходимо готовиться к тому, что ростом интернета вещей будет расти и интернет угроз (*Internet of Threats*). И масштаб этих угроз прямо пропорционален масштабу цифрового прогресса. По данным страховой компании *Lloyds*, убытки коммерческих компаний в результате кибератак оцениваются в 400 млн долл. в год, включая сам ущерб и потери от нарушения нормального течения бизнеса, причем около 90% страховых продуктов покупают американские фирмы¹⁸.

Прежде всего само появление все большего количества подключенных устройств означает, что атрибуция сетевых атак на любые такие устройства усложнится, так как увеличится и количество хабов, через которые может проходить, например, анонимизированная DDoS-атака. Таким образом, в разы увеличивается вероятность того, что именно ваш девайс стал *соучастником* атаки, причем без ведома хозяина.

В июле 2015 г. мир облетел репортаж *Wired*¹⁹, в котором два хакера на практике продемонстрировали последствия возможной эксплуатации обнаруженной ими уязвимости нулевого дня (zero-day exploit) и манипуляции системой управления автомобиля Jeep Cherokee (Chrysler) при подключении по интернету к его мультимедийной системе. В ходе эксперимента журналист, передвигавшийся на скорости 70 миль в час, наблюдал, как хакеры дистанционно управляли кондиционером, радио, дворниками, а затем и отключили сцепление, лишив водителя тем самым возможности контролировать автомобиль.

Это не первый подобный, но очень показательный случай. Он в очередной раз продемонстрировал *изнаночную сторону* оцифровки повседневной жизни, особенно в ситуации, когда жизненно важно удерживать контроль над устройством, подключенным к интернету. Цифровой интерфейс различных приборов и систем значительно упрощает их управляемость для пользователя, но при этом и ослабляет их защиту, открывая дверь для кибервторжений. Это утечка и искажение данных пользователей, включая персональные, кража финансовых средств, саботаж функционирования объектов промышленной инфраструктуры и т.п. Наконец, для кибершпионажа открываются самые широкие возможности. Объем, топология и гранулярность данных, доступных онлайн, открывают новые горизонты не только для повышения удобства повседневной жизни человека, но и для нанесения возможного ущерба, связанного с их утечкой.

Чем глубже ИВ внедряется в социально-экономическую систему, объединяя все больше важнейших элементов инфраструктуры Сети, тем серьезнее последствия от их хакерской атаки. Взлом устройств ИВ как элементов связанной системы функционирования цифрового общества грозит теми же неприятностями, что и нынешний взлом отдельно взятых устройств, только в несравнимо больших объемах. Так, город, оснащенный *умными* системами электроснабжения, экономит огромные средства на оптимизации энергопотоков, но при этом представляет собой уязви-

мую цель для хакеров с потенциально катастрофическими последствиями одного инцидента для всей городской энергосистемы.

Достаточно вспомнить инцидент²⁰ на северо-востоке США и Канады, оставивший без электричества около 40 миллионов человек в Штатах и около 10 миллионов в Канаде, а также приведший к закрытию международных аэропортов обеих стран в пострадавшем регионе. Как выяснилось, к аварии привела программная ошибка в системе оповещения электроэнергетической корпорации *FirstEnergy* в штате Огайо: она не позволила операторам вовремя отреагировать на короткое замыкание, возникшее при провисании перегретых проводов и соприкосновении с деревьями. Своевременное купирование проблемы не довело бы ее до такого масштаба. Можно себе представить подобные сценарии при злонамеренном воздействии на систему оповещения или другие элементы *smart grid*. К слову, именно по этой причине системы управления некоторых объектов критической инфраструктуры в различных странах (например, АЭС) намеренно оставляются аналоговыми.

Взаимозависимость систем грозит *каскадным эффектом* и серьезными последствиями, включая человеческие жертвы. В апреле 2015 г. Счетная палата США выпустила отчет²¹, в котором констатируется, что подключение к интернету и возросшая киберзависимость самолетов от систем наземного обеспечения «потенциально может предоставлять несанкционированный доступ к авиационному оборудованию самолетов». Эти новые взаимоподключенные системы проходят отдельную сертификацию Федерального агентства гражданской авиации для отдельных моделей самолетов, и планируется пересмотреть регламент кибербезопасности для всех авиационных систем.

Есть попытки и автопроизводителей²² начать договариваться о стандартизации производства исходя из принципа *safety by design*, то есть с учетом киберрисков бортовым системам на уровне проектирования.

Таким образом, в любых оценках перспектив рынка ИВ в будущем уже сейчас стоит делать скидку на возможные инциденты с многомиллиардными потерями. И они неизбежны, поскольку средства защиты от нежелательного кибервторжения по определению разрабатываются с некоторым запозданием относительно выхода продукта на рынок. В настоящее время в момент формирования рынка игроки стараются занять как можно большую его долю, и все, что тормозит технологический процесс разработки самого привлекательного для потребителя решения, в том числе соображения безопасности, остается на периферии. В будущем, когда проблемы защиты пользователя и его данных в контексте ИВ станут еще более очевидными, рынок продуктов информационной безопасности применительно к ИВ станет мощной точкой роста и конкуренции разработчиков таких решений.

Этическая сторона медали: конфиденциальность

Рассуждая о будущем ИВ в глобальном и локальном масштабе и особенно в контексте безопасности, стоит помнить, что ИВ еще больше трансформирует понятие конфиденциальности (*privacy*) в Сети. Дебаты вокруг права на частную жизнь, закрепленного рядом инструментов международного права (Статья 12 Всеобщей декларации прав человека ООН²³, Статья 8 Европейской конвенции по правам

человека²⁴, Статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁵) вышли на качественно новый уровень после разоблачений массовой электронной слежки АНБ США летом 2013 г. Это стало возможным в том числе благодаря потенциалу технологических компаний, строящих свой бизнес на адресной рекламе на основе информации о деятельности и предпочтениях пользователя. Персональные и коммуникационные данные сегодня все больше дополняются геолокационными, биометрическими и прочими показателями человеческой активности, позволяющими составить все более гранулярный портрет отдельно взятого человека со всеми подробностями его жизнедеятельности. А это открывает бескрайние горизонты для рекламодателей — как и для прочих акторов, желающих получить максимально подробную информацию о конкретном человеке или группе людей для легитимных или нелегитимных целей.

Таким образом, развитие ИВ радикально масштабирует проблему приватности, причем отношение к ней, как и подходы к ее разрешению, будут варьироваться в зависимости от толерантности того или иного сообщества к массовому сбору данных. Можно предположить, что в США развитие ИВ будет происходить быстрее, чем в ЕС, в силу исторически более либерального подхода к защите персональных данных граждан и отсутствия единого регуляторного инструмента. Об этом свидетельствует и недавний новый виток в истории с гармонизацией торговых отношений США и ЕС и связанной с ними транснациональной передачей данных граждан²⁶. Более того, сами границы публичного и приватного в онлайн-пространстве неизбежно все больше размываются с ростом объема генерируемых, обрабатываемых и передаваемых данных пользователей, а имеющиеся инструменты не вполне отражают это обстоятельство.

Однако даже в обществах с относительно высокой толерантностью к публичной доступности данных онлайн-пользователей неизбежно осознание того, что пользовательское соглашение не вполне справедливо. Насколько адекватна цена, которую пользователи платят за *бесплатные* услуги веб-поиска, почтовые и прочие онлайн-сервисы, а также ИВ-технологии, собственными данными, используемыми в коммерческих целях?

Как уже было сказано, масштаб такого симбиоза будет только расти, как и риски, связанные с утечкой или искажением этих данных. Сама же бизнес-модель будет развиваться по мере того, как все больше подключенных устройств в сети ИВ будут превращаться в платформы по генерации данных. Речь идет об анонимизированных и агрегированных данных, но при желании персонализация восстанавливается достаточно просто при сопоставлении различных категорий данных. К тому же немаловажен тот факт, что по мере проникновения ИВ-технологий в базовую инфраструктуру общественной жизни (ЖКХ, медицинские услуги, транспорт и т. п.) все сложнее будет отказаться от их использования. У пользователя по-прежнему есть право отрегулировать настройки приватности, с неизбежной потерей, конечно, и в спектре доступных услуг. Или отказаться от пользовательского соглашения.

Одним из ярких примеров этой тенденции является растущая популярность виртуальных ассистентов²⁷. Siri компании *Apple* дебютировала в 2010 г., предоставив пользователям функции поиска информации, написания SMS, совершения звонков, а также назначения встреч, оформления покупок и т. п. по голосовой коман-

Э
Н
Л
А
Н
А

де. С тех пор с аналогичными продуктами на рынок вышли *Google* (*Google Now*), *Microsoft* (*Cortana*), *Facebook* (*M*) и даже китайский *Baidu* (*Duer*). Со временем конвергенция различных мобильных сервисов приведет к тому, что набор выполняемых *секретарями* функций будет расти, а поиск информации будет происходить с учетом того, что ассистент знает о своем хозяине.

По данным *Gartner*, около 38% американских пользователей недавно пользовались виртуальными помощниками на своих устройствах, а к концу 2016 г. около 2/3 потребителей на развитых рынках будут прибегать к их услугам ежедневно. По мере совершенствования анализа больших данных, распознавания голоса, технологий искусственного интеллекта их эффективность будет расти. А с увеличением объемов обрабатываемой информации пользователь естественным образом доверит часть работы эффективному электронному помощнику. Только важно учитывать, что самостоятельность виртуальных ассистентов в принятии решений в сочетании с доступом к данным различных мобильных приложений на телефоне хозяина создает потенциально проблемную ситуацию централизации контроля над всем разнообразием его данных. А любая централизация повышает уязвимость системы. Так, например, продолжающееся обсуждение²⁸ *Windows 10* и агрессивной политики ОС по сбору данных о пользователе в частности затронуло и *Cortana*, которая, по имеющимся данным относительно работы алгоритмов, отправляет некоторые из собранных данных на серверы компании, даже если пользователь отказывается от услуг сервиса.

Некоторые *умные* телевизоры *Samsung* уже оснащены технологиями распознавания голоса. Безусловно, микрофон можно выключить, но сама возможность включить его без ведома хозяина дистанционно подрывает уверенность в том, что пользователь контролирует приватность в собственном доме.

В этом контексте пользователь вполне вправе потребовать пересмотреть эту сделку и разработать более прозрачный отчет коммуникационных компаний о передаче данных третьим сторонам, то есть коммерческим партнерам, которые в пользовательском соглашении обычно обозначаются как *доверенные стороны*. Это обстоятельство имеет отношение и к честной конкуренции, и к равному доступу к услугам различных третьих сторон. У виртуальных ассистентов, конечно, будет возможность отдать предпочтение именно *доверенным партнерам* среди прочих игроков на рынке: например, предложить пользователю использовать приложение *Uber* вместо *Gett* для вызова такси. Сам пользователь, конечно, пока принимает финальное решение и может выбрать те компании, которым доверяет больше. Но с ускорением темпа повседневной жизни вполне реальна ситуация, когда такие банальные решения будет принимать именно ассистент.

Важно понимать, что речь идет не только о философском вопросе баланса конфиденциальности и удобства, а о комфорте пользователя в ситуации раскрытия информации о себе внешнему миру без полного контроля над тем, куда она направляется, кем и как может быть использована — причем не только сегодня, но и завтра, и послезавтра. Например, несанкционированный или не полностью контролируемый доступ к медицинским данным о состоянии отдельно взятого человека, генерируемым через носимые устройства, сенсорную одежду, спортивные гаджеты и т. п., не говоря уже об информации, хранимой в файлах на ПК или

смартфоне или в переписке, чреват злоупотреблениями, например страховыми компаниями, работодателями — настоящими или потенциальными, партнерами по работе и т. п. В прошлом году в Великобритании обсуждалась возможность легализации продажи баз данных о пациентах национальной системы здравоохранения (NHS) фармацевтическим и страховым компаниям²⁹ — их идентификационные номера, даты рождения, пол, этническую принадлежность, почтовый индекс проживания — *для улучшения качества предоставляемого сервиса*. Мера так и не была пока реализована, но даже сейчас утечки таких баз данных происходят рутинно, а увеличение количества различных пользовательских приложений, использующих эти данные, лишь увеличивает их уязвимость. К тому же неизбежны хакерские взломы и утечки³⁰.

Итак, в ситуации, когда пользовательские данные все чаще воспринимаются как *нефть XXI века* и *новая валюта*, очевидно как никогда, что если предлагаемый вам товар бесплатный, то настоящий товар — вы. Поэтому все больше компаний — производителей *умных* устройств, пополняющих экосистему ИВ, должны будут выстраивать отношения доверия с пользователями, максимально прозрачно и подробно отчитываясь о своей политике использования получаемых данных для целей собственного бизнеса и в партнерствах с третьими сторонами. Ответственность и скрупулезность в этой области станет лицом брендов, а эффективность обеспечения безопасности данных — важным элементом в конкуренции. Вполне возможно, что со временем будут разработаны новые лучшие отраслевые практики в этой области в порядке саморегулирования, а также национальные и региональные законодательные инициативы, стандартизирующие их.

Например, сегодня все больше технологических компаний выпускают так называемые *отчеты о прозрачности* (Transparency Reports)³¹. Эту практику начала компания *Google*, 2010 г. после выхода с китайского рынка начав выпускать статистику запросов различных государств о данных пользователей, а также о блокировке контента. В 2013 г. разоблачения Э. Сноудена об использовании компаний интернет-сектора спецслужбами для слежки дали новый импульс развитию этого продукта, который на тот момент выпускало менее 10 компаний. Необходимость заверить пользователя в добросовестности и прозрачности своей деятельности привела к тому, что все больше компаний стали выпускать такие отчеты, причем следуя во многом формату, начатому *Google*. Тогда как спектр компаний, в которые, судя по всему, будут направляться запросы правоохранительных и специальных служб, несомненно, растет, как и объем и разнообразие доступной информации о пользователях, сам отчет мог бы включать и данные о взаимодействии с теми *доверенными* третьими сторонами, то есть коммерческими партнерами. Сейчас компании, как правило, не уточняют, какая именно информация у них запрашивается. Но с ростом объемов и гранулярности этой информации перед компаниями неизбежно встанет вопрос, как оптимизировать с учетом этих факторов практику отчетности и перед правоохранительными органами, и перед пользователями.

Также перспективным направлением могло бы быть использование открытых данных, платформ и стандартов, что позволило бы уйти от вопроса балансирования бизнес-выгоды и конфиденциальности.

Кто виноват?

Очень важный вопрос, ответ на который не очевиден: кто (или что) несет ответственность за инцидент и его последствия с участием *умных* устройств? Если устройство обладает элементами искусственного интеллекта и самостоятельно принимает решения, отвечает ли оно и за последствия? Независимые от человека М2М коммуникации в результате делегирования действий и принятия решений устройствами в некотором роде стирают грани между *актором* и его *инструментом*³². Кто или что именно является *актором* — человек, делегирующий принятие решения о замене запчасти самой машине, или сама машина, передавшая детали его банковского счета для оплаты запчасти неблагонадежному магазину? Ответ на этот вопрос, вероятно, особенно интересен страховым компаниям.

Более того, проблема передачи и использования данных пользователей девайсами, которые их собирают или генерируют, третьим сторонам, описанная выше, встанет особенно остро с ростом взаимодействия устройств между собой и мгновенной обработки и обмена этими данными. Каким именно устройствам они принадлежат и какое из устройств отвечает за их целостность и сохранность?

ПРАВИЛА ИГРЫ

На данный момент вопросов гораздо больше, чем ответов, так как регуляторный корпус для устранения имеющихся рисков не сформирован. Некоторые страны, как, например, США и Южная Корея, намеренно занимают позицию регуляторного невмешательства, пока идет борьба за рыночные позиции в области ИВ и не ясно, куда пойдет технологическое и экономико-деловое развитие в этой области. Это признается и в докладе МСЭ³³ (июнь 2015 г.) по вопросам регулирования ИВ. Существует масса разрозненных исследований и региональных попыток *канализировать* развитие ИВ и хотя бы точнее определить потенциальные вызовы. Проблема в том, что, как и во всей отрасли ИТ, регуляторные усилия слишком сильно отстают от практически разрабатываемых и внедряемых продуктов. Иногда предпринимаются противоречащие друг другу шаги: например, в марте 2015 г. в Брюсселе на организованной Еврокомиссией конференции технологические компании обсуждали необходимость снятия преград для развития ИВ в Европе, особенно с учетом высочайшей конкуренции со стороны США и Китая. Высокий уровень проникновения интернета в ЕС и программа создания единого цифрового рынка (Digital Single Market) создает для этого благоприятные условия. При этом описанные выше противоречия, связанные с защитой данных граждан при их трансграничной передаче, явно будут тормозить этот процесс.

США инвестируют огромные средства в развитие ИВ, но общее отставание в области проникновения широкополосного доступа в интернет, его низкая скорость и дороговизна замедляют процесс. При этом Федеральная торговая комиссия США (FTC) рекомендовала федеральному правительству пока воздержаться от прямых мер регулирования ИВ, видимо для обеспечения максимального технологического развития без ограничений. Тем не менее существующие риски принимаются во внимание различными ведомствами: например, Федеральное бюро расследований выпустило руководство по рискам с точки зрения киберпреступ-

ности, возникающим с распространением ИВ³⁴. Как уже отмечалось выше, отсутствие единой глобальной стандартизации протоколов ИВ тормозит развитие всей отрасли. Тем не менее, частный сектор возлагает большие надежды на ИВ: так, компания *IBM* объявила весной 2015 г. о планах вложить 3 млрд долл. США в новое отделение, которое занимается ИВ. Также понимание проблемы стандартизации стимулирует частные компании договариваться о сотрудничестве для оптимизации своих бизнес-процессов.

Так, в 2014 г. несколько крупных технологических и интернет-компаний — *IBM, Cisco, General Electric, Intel, AT&T* — объединились в промышленный интернет-консорциум для создания инженерных стандартов для промышленных ИВ-устройств (*Industrial Internet Consortium*³⁵), обмена лучшими практиками, тестирования новых продуктов, а также исследований в области безопасности новых технологий. В настоящее время в группу входят крупные и малые предприятия, исследовательские институты и университеты, государственные организации. В консорциуме есть отдельная рабочая группа по безопасности (*Security Working Group*³⁶), которая вырабатывает рекомендации по вопросам кибербезопасности и конфиденциальности для разработок исследовательских стендов и лабораторий группы, исходя из необходимости их включения на ранних стадиях функциональных решений.

Крупнейшим игроком на рынке ИВ выступает Китай, чьи инвестиции в этот сектор превышают и европейские, и американские. По данным *RAND Europe*, в 2012 г. было выделено около 625 млн долл. США на развитие ИВ технологий, а Министерство информации и технологий создало фонд объемом 775 млн долл. США на последующие пять лет для создания технопарков по всей стране. В 2013 г. в Китае был создан межведомственный совет для координации государственной политики и инициатив в области ИВ³⁷. С помощью этого совета в 2013 г. были выпущены директива и рабочий план по развитию ИВ, определяющий цели в области разработок, стандартизации, применения и внедрения продуктов, бизнес-моделирования, регулирования и обучения.

Однако объем китайского рынка пока опережает его потребительскую зрелость. Огромным потенциалом обладает и весь Азиатско-Тихоокеанский регион в целом, где по соотношению подключенных устройств на душу населения самыми зрелыми являются рынки Австралии, Новой Зеландии и Южной Кореи. Так, по оценкам исследовательской компании *IDC*³⁸, рынок ИВ в регионе, за исключением Японии, вырастет с 250 млрд долл. США в 2013 г. до 583 млрд долл. США в 2020 г. При этом количество подключенных устройств на азиатско-тихоокеанском рынке в целом вырастет с 2,59 млрд в 2013 г. до 8,98 млрд в 2020 г. Тем не менее на рынке, который находится на начальной стадии своего формирования, производители умных устройств мало мотивированы заранее просчитывать угрозы безопасности, которые неизбежно увеличивают стоимость производства и реализации. Но крупные компании³⁹, работающие в регионе, такие как *Cisco Systems, Fortinet, Check Point*, понимают неизбежность обращения к этим вопросам уже сейчас, чтобы разработка продуктов шла с учетом требований сертификации и прочих регуляторных установок. Пока в этой области нет четкого регламента.

З
Н
Л
А
Н
А

В России рынок потребительского ИВ в основном формируется иностранными игроками — производителями гаджетов. При этом с учетом тренда к импортозамещению очевидно, что более пристальное внимание будет уделяться отечественным разработкам. С учетом высокого уровня проникновения широкополосного интернета в стране, перспективы динамичного развития ИВ достаточно оптимистичны. Неудивительно, что одним из пионеров в области ИВ, особенно промышленного, выступает *Ростелеком*⁴⁰, крупнейший телеком-оператор страны. Причем в своем желании начать структурировать рынок промышленного ИВ компания как раз планирует перенять опыт упомянутого выше *Industrial Internet Consortium*, в который она вступила для того, чтобы иметь возможность перенять опыт совместной работы над кейсами, исследованиями, стандартизацией с крупнейшими мировыми корпорациями на российском рынке. В ближайших планах создать отечественный аналог — Ассоциацию содействия развитию промышленного интернета в России, которая должна заработать в 2016 г. Возможности роста для различных отраслей промышленности и их интеграции на огромном экономическом пространстве России сулят большие экономические выгоды от масштаба, поэтому в компании ожидают, что в Ассоциацию прежде всего придут промышленные производства, а за ними и поставщики собственно технологических решений и экспертные группы. Так, например, есть первые договоренности с АО *Российские космические системы* (РКС) по перспективам космического приборостроения.

Эти усилия, на данный момент предпринимаемые одной компанией, видятся недостаточными ввиду объема российского рынка и, тем не менее, очень важными и своевременными. ИВ, и в частности промышленный ИВ, — это одна из тех областей мирового развития, в которой прямо сейчас пишутся правила игры и распределяются роли. У России есть возможность не упустить этот виток прогресса и встроиться со своими решениями хотя бы по ряду самых перспективных отраслей промышленности — локальными, а, возможно, и глобальными — до того, как мировые лидеры окончательно перехватят инициативу. Это может быть оборонная промышленность, финансовый сектор, транспорт и т. д. Кризисный момент в мировой экономике, как и общий тренд на импортозамещение, создают в целом достаточно комфортную конъюнктуру для такого рывка. Однако, несмотря на то что регуляторных инструментов, направленных именно на ИВ, в стране пока нет, большое внимание, оказываемое в настоящий момент проблематике защиты персональных данных граждан (в частности вступивший в силу 1 сентября 2015 г. закон 242-ФЗ, обязывающий операторов персональных данных граждан РФ хранить их на территории РФ), окажет влияние на экосистему развития ИВ решений, особенно с точки зрения безопасности.

В целом также следует отметить, что вопросы безопасности в ходе развития промышленного сектора ИВ будут неизбежно обсуждаться в контексте международного сотрудничества по ответственному поведению стран в киберпространстве. Так, например, в числе добровольных норм поведения, согласованных Группой правительственных экспертов ООН летом 2015 г., значится принцип ненападения на объекты критической инфраструктуры друг друга и невнедрения зловредного программного функционала в ИТ-продукты. Также был согласован целый блок мер укрепления доверия, включающий в себя обмен информацией об имеющихся уяз-

вимостях и рисках, взаимодействие оперативных групп реагирования CERT/CSIRT на объектах и т.п. При условии, что согласованные меры заработают в полную силу, развитие промышленного ИВ в различных странах могло бы происходить в контексте обеспечения кибербезопасности на самом высоком уровне. Впрочем, несмотря на обозначившийся тренд в выстраивании международных правил поведения государств в киберпространстве на самом высоком уровне, степень доверия в глобальном масштабе недостаточно высока, чтоб обеспечить их полноценное соблюдение.

На более низком уровне пользовательских устройств одним из очень серьезных рисков является продолжающиеся дебаты о необходимости ослабления конечного шифрования данных (end-to-end encryption) коммуникационных продуктов для выполнения оперативно-розыскных мероприятий. На данный момент эта возможность обсуждается в США и Великобритании, но если решение будет принято, такой же доступ к данным потребуют правительства и прочих стран мира. Эксперты утверждают, что эффективное шифрование передачи данных не может быть половинчатым — либо оно безопасно для всех, включая криминальных акторов, либо небезопасно для всех. Публичные обсуждения продолжаются, и от их исхода во многом зависит и уровень пользовательского доверия к новым продуктам ИВ. Впрочем, в сообществах с высоким уровнем доверия к государству как гаранту безопасности страны, общества и индивида проблема может и не появиться на повестке дня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интернет вещей находится на очень интересном этапе развития: уже осознан, хотя, возможно, и не до конца, его социально-экономический потенциал в самых различных сферах жизни миллионов людей. Признана и необходимость занять лидирующие позиции на рынке в процессе его формирования и выиграть конкуренцию до того, как она проявится в полной мере. Наконец, регуляторные рамки только начали появляться и остаются еще относительно гибкими, оставляя большое поле для творчества и борьбы за рыночную долю.

При этом очевидно, что в вопросах безопасности риски, которые уже обозначились, с одной стороны, являются определенным фактором сдерживания развития, а с другой — открывают нишу для бизнес-конкуренции. Но лидеры рынка ИВ в своем большинстве понимают необходимость учета фактора безопасности на самых ранних этапах разработок, даже до выработки единых стандартов в области взаимодействия устройств или в области обеспечения кибер- и информационной безопасности устройств и самого пользователя.

Как отмечалось, можно ожидать, что продолжатся параллельные попытки регламентации в разных областях ИВ как *изнутри*, со стороны собственно разработчиков, так и со стороны государственных ведомств, но, как правило, с отставанием. Успех в выстраивании баланса между курсом на технологическое первенство и обеспечением безопасности будет, судя по всему, зависеть от ожидаемого социально-экономического эффекта от ИВ в конкретном обществе/рынке и ожиданиях этого общества по обеспечению блока вопросов безопасности. Он также зависит от желания и возможности специалистов различных отраслей промышленности,

бизнес-лидеров, IT-разработчиков с одной стороны и специалистов в области кибер- и информационной безопасности с другой договариваться о совместных технологических решениях. Любые регуляторные решения должны способствовать выстраиванию этого диалога. От результата и зависит, превратится ли *интернет вещей* в интернет угроз. 🗨️

Примечания

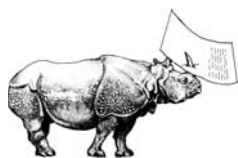
- 1 Вице-президент компании Google, один из основателей интернета.
- 2 Рекомендация ITU-T Y.2060; <http://www.itu.int/ITU-T/recommendations/rec.aspx?rec=y.2060> (последний доступ 11.10.2015).
- 3 Доклад Cisco Systems, «How the Next Evolution of the Internet Is Changing Everything»; <http://posts.capes.com/cisco-internet-of-things-white-paper-how-the-next-evolution-of-the-internet-is-changing-everything%20> (последний доступ 11.10.2015).
- 4 The Internet of Things Is a Revolution Waiting to Happen, интервью с Джимом Тулли, вице-президентом Gartner; http://www.gartner.com/smarterwithgartner/the-internet-of-things-is-a-revolution-waiting-to-happen/?cm_mmc=social_-_rm_-_gart_-_swg (последний доступ 11.10.2015).
- 5 Лекция Маршалла Маклюэна «Medium is the message» 27 июня 1977 года в Австралии; <http://www.youtube.com/watch?v=ImaH51F4HBw> (последний доступ 11.10.2015).
- 6 Дополненная реальность: пространство между реальностью и виртуальностью; <http://zillion.net/ru/blog/236/dopolniennaia-riela-nost-prostranstvo-miezhdur-riela-nost-iu-i-virtual-nost-iu> (последний доступ 12.10.2015).
- 7 The software secretaries, *Economist*, 12 сентября 2015 года; <http://www.economist.com/news/business-and-finance/21664071-technology-firms-are-competing-become-consumers-personal-secretaries-big-implications> (последний доступ 11.10.2015).
- 8 Google Nest, веб-сайт; <https://nest.com/> (последний доступ 11.10.2015).
- 9 Explosive Internet of Things Spending to Reach \$1.7 Trillion in 2020, веб-сайт компании IDC <http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS25658015> (последний доступ 11.10.2015).
- 10 Europe's Policy Options for a Dynamic and Trustworthy Development of the Internet of things, кооперация RAND; http://www.rand.org/pubs/research_reports/RR356.html (последний доступ 11.10.2015).
- 11 The Internet of things is a Revolution Waiting to Happen, веб-сайт Gartner; http://www.gartner.com/smarterwithgartner/the-internet-of-things-is-a-revolution-waiting-to-happen/?cm_mmc=social_-_rm_-_gart_-_swg (последний доступ 11.10.2015).
- 12 North America is out of IPv4 addresses — for really real this time, *Ars Technica*; <http://arstechnica.com/business/2015/09/north-america-is-out-of-ipv4-addresses-for-really-real-this-time/> (последний доступ 11.10.2015).
- 13 Инициатива единых стандартов в Интернете вещей Международного союза электросвязи (Internet of Things Global Standards Initiative); <http://www.itu.int/en/ITU-T/gsi/iot/Pages/default.aspx> (последний доступ 11.10.2015).
- 14 20-я Исследовательская комиссия МСЭ-Т: IoT и его приложения, включая «умные» города и сообщества (SC&C) ITU-T Study Group 20; <http://www.itu.int/en/ITU-T/about/groups/Pages/sg20.aspx> (последний доступ 11.10.2015).
- 15 Halifax trials heartbeat ID technology for online banking, *Guardian*, 13 марта 2015 года; <http://www.theguardian.com/technology/2015/mar/13/halifax-trials-heartbeat-id-technology-for-online-banking> (последний доступ 11.10.2015).
- 16 FIDO Alliance, веб-сайт; <https://fidoalliance.org/> (последний доступ 11.10.2015).
- 17 Клейтон Кристенсен, профессор Гарвардского университета, веб-сайт; <http://www.claytonchristensen.com/key-concepts/> (последний доступ 11.10.2015).
- 18 Lloyd's CEO: Cyber attacks cost companies \$400 billion every year, *Fortune*, 23 января 2015 года; <http://fortune.com/2015/01/23/cyber-attack-insurance-lloyds/> (последний доступ 11.10.2015).

- 19 Hackers Remotely Kill a Jeep on the Highway — With Me In It, *Wired*, 21 июля 2015 года; <http://www.wired.com/2015/07/hackers-remotely-kill-jeep-highway/> (последний доступ 11.10.2015).
- 20 Blackout hits New York City and the Northeast in 2003, *New York Daily News*, 13 августа 2015 года; <http://www.nydailynews.com/news/national/blackout-hits-northeast-united-states-2003-article-1.2322074> (последний доступ 11.10.2015).
- 21 FAA Needs a More Comprehensive Approach to Address Cybersecurity As Agency Transitions to NextGen, Отчет Счетной палаты правительства США; <http://www.gao.gov/products/GAO-15-370> (последний доступ 11.10.2015).
- 22 Five Star Automotive Cyber Safety Program; <https://www.iamthecavalry.org/domains/automotive/5star/> (последний доступ 11.10.2015).
- 23 Всеобщая декларация прав человека ООН; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (последний доступ 11.10.2015).
- 24 Европейская конвенция по правам человека; http://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (последний доступ 11.10.2015).
- 25 Международный пакт о гражданских и политических правах; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (последний доступ 11.10.2015).
- 26 Статья 25 (1) Директивы 95/46/ЕС постановляет, что трансграничная передача данных в третьи государства возможна, только если такая третья сторона в состоянии обеспечить адекватный уровень защиты личной информации. С точки зрения европейского законодательства, США не рассматривается в качестве страны, обеспечивающей такой уровень защиты персональных данных. В целях гармонизации был создан механизм утверждения международными корпорациями специальных единых корпоративных правил обработки данных (*Binding Corporate Rules* — ст. 26 (2) Директивы 95/46/ЕС), а также выработаны специальные принципы, позволяющие передачу в работе с отдельными компаниями (более 4000) (*Safe Harbor* — Решение Комиссии ЕС от 26 июля 2000 г. № 2000/520/Е). Разоблачения Э. Сноудена показали, что этот механизм не обеспечивает надлежащую защиту данных. В настоящий момент продолжается работа над проектом Регламента ЕС о защите персональных данных, в котором предлагается закрепить общий принцип, согласно которому положения о трансграничной передаче данных в третьи страны и международные организации должны применяться в том числе и при последующей передаче личных данных от таких третьих лиц иным субъектам (ст. 40 проекта «Регламента ЕС о защите персональных данных»). Также есть планы об отмене или пересмотре механизма *Safe Harbor*. 6 октября 2015 г. Европейский суд постановил, что *Safe Harbor* не является легальным и не должен мешать странам — членам ЕС защищать право на приватность данных своих граждан, а также «страны Евросоюза должны иметь возможность при необходимости блокировать передачу личных данных своих граждан третьим государствам».
- 27 The software secretaries, *Economist*, 12 сентября 2015 г.; <http://www.economist.com/news/business-and-finance/21664071-technology-firms-are-competing-become-consumers-personal-secretaries-big-implications> (последний доступ 11.10.2015).
- 28 Windows 10: прощание с приватностью, *Форбс*, 26 августа 2015 г.; <http://www.forbes.ru/mneniya-column/idei/297823-windows-10-proshchaniye-s-privatnostyu> (последний доступ 11.10.2015).
- 29 <http://www.theguardian.com/society/2014/jan/19/nhs-patient-data-available-companies-buy> (последний доступ 11.10.2015).
- 30 NHS patient data to be made available for sale to drug and insurance firms, *Guardian*, 19 января 2014 г.; <http://celebcafe.org/nhs-accredited-health-apps-vulnerable-to-hacking-2120/> (последний доступ 11.10.2015).
- 31 Отчет о прозрачности и политика конфиденциальности ИКТ-корпораций до и после разоблачений Э. Сноудена, А. Куликова, электронный журнал ПИР-Центра «Пульс кибермира» № 1 (108) 2014; <http://www.pircenter.org/articles/1691-transparency-reporting-and-confidentiality-policies-of-ict-corporations-before-and-after-snowden> (последний доступ 11.10.2015).
- 32 Agency in the Internet of Things, доклад Европейской Комиссии, 2013 г.; <https://ec.europa.eu/jrc/sites/default/files/lbna26459enn.pdf> (последний доступ 11.10.2015).
- 33 Regulation and the Internet of Things, МСЭ; https://www.itu.int/en/ITU-D/Conferences/GSR/Documents/GSR2015/Discussion_papers_and_Presentations/GSR_DiscussionPaper_IoT.pdf (последний доступ 11.10.2015).

Э
Н
Л
А
Н
А

- 34 Internet of things poses opportunities for cybercrime, Федеральное Бюро Расследований США, 10 сентября 2015 г.; <http://www.ic3.gov/media/2015/150910.aspx> (последний доступ 11.10.2015).
- 35 Industrial Internet Consortium, веб-сайт <http://www.industrialinternetconsortium.org/> (последний доступ 11.10.2015).
- 36 Рабочая группа по вопросам безопасности, Industrial Internet Consortium, веб-сайт <http://www.industrialinternetconsortium.org/wc-security.htm> (последний доступ 11.10.2015).
- 37 How China is Scaling the Internet of Things, доклад GSMA, июль 2015 г.; <http://www.gsma.com/newsroom/wp-content/uploads/16531-china-iot-report-lr.pdf> (последний доступ 11.10.2015).
- 38 Asia/Pacific Becomes the Frontline for IoT, with Industry to Connect 8.6 Billion Things and Create an USD583 Billion Market Opportunity by 2020, IDC, пресс-релиз 9 апреля 2015 г.; <http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prHK25553415> (последний доступ 11.10.2015).
- 39 Certification, regulation needed to secure IoT devices, *ZD-Net*, 21 мая 2015 г.; <http://www.zdnet.com/article/certification-regulations-needed-to-secure-iot-devices/> (последний доступ 11.10.2015).
- 40 *Через год строить российский Промышленный Интернет будет уже поздно*, интервью с Б. Глазковым, *Ростелеком*, TheRuNet, 9 октября 2015 г.; <http://www.therunet.com/interviews/4945-cherez-god-stroit-rossiyskiy-promyshlennyy-internet-budet-uzhe-pozdno> (последний доступ 11.10.2015).

Андрей Ланьков

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК?

В 2006 г. полку ядерных держав прибыло: 9 октября в КНДР было проведено первое в этой стране ядерное испытание. За первым испытанием последовали и второе, и третье.

В принципе, в мире есть уже несколько неофициальных ядерных держав, то есть стран, которые не испытали ядерное оружие (ЯО) до 1968 г., когда был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). К их числу относятся Индия, Израиль, Пакистан и ЮАР (впрочем, последняя свое ЯО демонтировала). Однако КНДР отличается от этих стран тем, что она подписала ДНЯО, получив таким образом доступ к ядерным технологиям, а потом вышла из Договора и произвела серию ядерных испытаний. Остальные *новые* ядерные державы Договор не подписывали изначально. Таким образом, ядерная программа КНДР создает опасный прецедент.

Международная реакция на северокорейскую ядерную программу была и остается резко негативной. В октябре 2006 г., через несколько дней после первого ядерного взрыва, Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1718, которая вводила международные санкции против КНДР. Санкции были усилены после ядерных испытаний 2009 г. и 2013 г.

В соответствии с режимом санкций с КНДР запрещено торговать вооружением, равно как и материалами и оборудованием, которые могут быть использованы для производства как ЯО, так и баллистических ракет, и, наконец, предметами роскоши — впрочем, последняя категория понимается достаточно широко и включает в себя, например, все виды дорогих алкогольных напитков. При этом обычная торговля с Северной Кореей, вопреки распространенному мнению, резолюциями Совбеза никак не ограничивается. Правда, в некоторых странах (в частности в США и Японии) существуют собственные законодательные акты, которые налагают на торговлю с КНДР более жесткие ограничения, однако такие акты применимы только к компаниям из этих стран¹.

В отличие от многих других документов ООН, резолюции по северокорейской ядерной программе действительно отражают позицию членов Совета Безопасности. Ядерная Северная Корея не нужна никому из заметных мировых игроков, причем в первую очередь это относится к официально признанным ядерным державам —

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

США, России, Китаю. Северокорейский прецедент способствует размыванию грани между ядерными и неядерными державами, которая четко держалась с момента подписания ДНЯО в 1968 г. Кроме того, всегда существует угроза того, что ЯО или технологии в результате расползания по планете могут попасть не в те руки. Особое беспокойство по поводу ядерной программы КНДР проявляют США, что неудивительно, учитывая антиамериканскую риторику Севера. Однако и Россия, и Китай тоже не слишком довольны действиями КНДР. С напряжением к ядерной программе КНДР отнеслись и ее неядерные соседи — Южная Корея и Япония.

Таким образом, северокорейское ядерное досье — одна из немногих проблем международной политики, по которой между основными игроками существует почти консенсус. Казалось бы, договориться о совместных действиях в подобной ситуации должно быть легко. Однако на практике полной координации не получается — в первую очередь потому, что у всех основных игроков, помимо общего нежелания видеть Северную Корею ядерной державой, есть и свои специфические цели и интересы, которые зачастую противоречат друг другу и превращают ядерный вопрос в относительно второстепенный. Северокорейская ядерная проблема становится хорошей иллюстрацией того, почему в международной политике редко удается координировать действия равноправных партнеров.

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ИСТОРИЯ И НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ

КНДР начала работу над собственной ядерной программой еще в начале 1960-х гг. В 1965 г. был запущен первый северокорейский исследовательский реактор, а уже в 1970-е гг. ядерная программа КНДР стала принимать четко выраженную военную направленность.

В конце 1980-х гг. северокорейская сторона организовала ряд утечек о своей ядерной программе, скорее всего, стремясь создать преувеличенные представления о ее продвинутости. В результате продолжительных переговоров в 1994 г. в Женеве было подписано так называемое рамочное соглашение между Соединенными Штатами и КНДР. В соответствии с этим соглашением Пхеньян обещал приостановить работы, которые были направлены на разработку ЯО, и поставить свои ядерные исследовательские центры под международный контроль. В качестве вознаграждения в Северной Корее международный консорциум *KEDO*, в котором решающую роль играли США, Южная Корея и Япония, должен был начать строительство АЭС с двумя легководными реакторами (такие реакторы не нарабатывают оружейный плутоний, который может использоваться для производства ЯО). Кроме того, до завершения строительства реакторов на легкой воде *KEDO* обязался ежегодно поставлять в Северную Корею 500 тыс. тонн жидкого топлива². Неформально частью соглашения было принятое после его подписания решение США, Японии и еще ряда стран предоставить КНДР масштабную продовольственную помощь.

Рамочное соглашение рухнуло в 2002 г., когда США обвинили КНДР в том, что в Северной Корее ведутся работы по обогащению урана. КНДР много лет отрицала эти обвинения, но в 2010 г. не только признала существование урановой программы, но и продемонстрировала американской делегации огромный производственный комплекс, где проводилось обогащение урана до уровня, необходимого для создания ЯО.

После того как в 2002–2005 гг. рамочное сокращение прекратило свое существование, КНДР ускорила работы по ЯО и в октябре 2006 г. произвела первый ядерный взрыв.

По оценкам, на настоящий момент в распоряжении КНДР имеется от 30 до 50 кг оружейного плутония, а этого достаточно для производства примерно 6–10 ядерных зарядов³. В последнее время КНДР принимает меры по запуску реакторна-наработчика плутония и активно информирует о ходе работ весь мир, но пока возобновить производство плутония толком не удастся, и его запасы остаются неизменными. Кроме того, в КНДР имеется некоторое количество обогащенного урана. По более пессимистическим оценкам, с которыми, впрочем, согласны далеко не все специалисты, в КНДР может иметься от 4 до 8 зарядов на урановой основе (помимо упомянутых выше 6–10 зарядов на базе плутония)⁴.

Главными проблемами, с которыми сталкивается северокорейская ядерная программа, являются миниатюризация ядерных зарядов и разработка надежных систем доставки.

Скорее всего, испытанные ядерные заряды представляли собой громоздкие и крайне уязвимые устройства, которые принципиально нельзя использовать в боеголовках ракет или иных системах оружия. Работа над созданием компактных и надежных зарядов в Северной Корее продолжается, но неясно, насколько далеко продвинулись в этом деле северокорейские инженеры.

На вооружении КНДР нет ракет большой дальности, способных доставить ядерную боеголовку до целей, находящихся за пределами Восточной Азии. Работы над такими ракетами идут уже давно, и в декабре 2012 г. состоялся первый удачный запуск северокорейского искусственного спутника Земли (предпринятые до этого попытки были неудачными). Тем не менее на настоящий момент ракет большой дальности в КНДР нет. В качестве средств доставки ЯО теоретически могут использоваться ракеты средней дальности, самыми известными и проверенными из которых являются ракеты *Нодон* с максимальной дальностью 1000–1600 км. В настоящее время на вооружении армии КНДР состоит около 200 ракет этого типа. В зоне их досягаемости находится Япония и Южная Корея, но поражать цели за пределами региона эти ракеты не могут⁵.

ЦЕЛИ КНДР

Руководство Северной Кореи упорно подчеркивает, что об отказе от ЯО не может быть и речи. Например, в сентябре 2015 г. официальное северокорейское телеграфное агентство ЦТАК опубликовало интервью с директором Института ядерной энергии КНДР, который заявил, что Северная Корея готова «в любое время ответить на враждебные действия США ядерным оружием»⁶. Показательно, что в апреле 2012 г. в Конституцию КНДР были внесены поправки, которые официально закрепили за страной статус ядерной державы.

С самого начала ядерная программа КНДР преследовала целый ряд целей, которые не были взаимоисключающими, но важность которых менялась в зависимости от изменений международной ситуации.

Первой и, в целом, важнейшей целью ядерной программы является ее роль как средства сдерживания. Руководство КНДР считает, что ему приходится существо-

вать в крайне враждебной среде. Часть проблем создается враждебными отношениями с США, причем эти отношения во многом вызваны идеологическим неприятием северокорейского режима в американском политическом классе и не могут быть урегулированы дипломатическим путем. В КНДР не забыли, что в свое время президент Дж. Буш-старший включил Северную Корею в состав *Оси зла* вместе с Ираком и Ираном, и хорошо помнят, что в итоге случилось с Ираком.

Немалую роль играет и печальный опыт Ливии — единственной страны, которая согласилась свернуть ядерную программу в обмен на обещанные экономические льготы. Пресса КНДР часто и открыто заявляет, что судьба С. Хуссейна и М. Каддафи наглядно показала, что внешняя угроза является вполне реальной, а надежды откупиться от нее, отказавшись от средств ядерного сдерживания, — наивными⁷. Например, в марте 2011 г. представитель МИД КНДР заявил: «Ливийский кризис преподал международному сообществу серьезный урок. Он наглядно продемонстрировал всему миру, как *ядерное разоружение Ливии*, широко рекламированное США, закончилось агрессией. Вероломное нападение произошло после того, как агрессор сладкими посулами *гарантий безопасности и улучшения отношений* уговорил свою жертву разоружиться, а затем поглотил ее при помощи силы. Что еще раз доказало простую истину: мир можно сохранить только в том случае, если у страны хватит собственных сил обеспечить сдерживание»⁸.

Вторым по важности соображением является роль ядерной программы в северокорейской дипломатии. Фактически, ЯО — главный козырь северокорейских дипломатов. Рамочное соглашение 1994 г. показывает, как в Пхеньяне хотели бы использовать ядерную карту. Тогда КНДР получила немалые экономические льготы и масштабную помощь в обмен на согласие заморозить свою ядерную программу, сохранив при этом все наработки, созданные к моменту подписания соглашения.

Сейчас северокорейская дипломатия надеется на повторение былого успеха. Имеющихся зарядов, скорее всего, вполне достаточно для обеспечения сдерживания, поэтому Пхеньян стремится к компромиссу, в рамках которого он получал бы экономические и политические уступки в качестве вознаграждения за готовность приостановить дальнейшие работы по ЯО и средствам доставки. Фактически, подобное соглашение было заключено с США в начале 2012 г., но тогда по неясным причинам оно практически немедленно было нарушено северокорейской стороной. Однако вероятность подобного компромисса в долгосрочной перспективе довольно велика — по крайней мере, на это явно надеются в Пхеньяне. При этом важно, что ни о каком ядерном разоружении речи не идет: сдавать имеющиеся ядерные заряды КНДР не собирается, резонно полагая, что их наличие существенно повышает шансы режима на долгосрочное выживание.

В-третьих, наличие ЯО полезно для целей внутренней пропаганды. Оно помогает как легитимировать режим, так и объяснять те серьезные экономические проблемы, с которыми сталкиваются жители КНДР в своей повседневной жизни.

ПРОБЛЕМЫ США

Из всех основных участников конфликта США занимают, пожалуй, наиболее четкую — хотя и не самую реалистичную — позицию. Главной своей задачей США

считают ликвидацию северокорейского ЯО, и уже много лет их официальной линией является требование *полного, проверяемого и необратимого ядерного разоружения Северной Кореи* (complete, verifiable, and irreversible denuclearization of North Korea). Эта мантра повторяется Вашингтоном с такой же монотонной регулярностью, с которой Пхеньян говорит о неприемлемости ядерного разоружения⁹.

В отдельные периоды в американской дипломатии верх брала точка зрения, в соответствии с которой имеет смысл добиваться компромисса, отчасти похожего на недавнюю сделку с Ираном. В частности, на этой стратегии строилась американская политика в 2006–2008 гг., то есть при второй администрации Дж. Буша. Однако предпринятые тогда попытки добиться компромисса окончились неудачей — и крахом карьеры тех дипломатов, которые такой вариант активно лоббировали. Символом здесь стал К. Хилл, который курировал в Госдепартаменте работу по северокорейской ядерной программе, выступал активным сторонником компромисса — и вскоре после полного провала своих планов был вынужден покинуть Госдепартамент и уйти на более чем скромную преподавательскую позицию во второстепенный университет. В последние годы в Вашингтоне окончательно осознали, что шансов на ядерное разоружение КНДР нет, и в целом потеряли интерес к вопросу, который передвинулся в категорию проблем досадных, но неразрешимых. Спокойствию способствует и то обстоятельство, что, несмотря на всю воинственную риторику Пхеньяна, в своем нынешнем виде северокорейская ядерная программа представляет лишь косвенную угрозу для США.

Хотя в американском экспертном сообществе существуют и те, кто верит в компромисс иранского образца, и те, кто полагает, что жесткая политика приведет либо к капитуляции режима в Пхеньяне, либо к его падению, в целом подход США к проблеме, именуемый *политикой стратегического терпения*, сводится к ее игнорированию.

В США не хотят идти на тот компромисс, на который рассчитывают в Пхеньяне, то есть не готовы договариваться о замораживании ядерной программы в обмен на помощь и политические уступки. С точки зрения руководства США такой компромисс недопустим, ибо создает опасный прецедент. КНДР является единственной в мире страной, вышедшей из ДНЯО и разработавшей свое ЯО. Если Вашингтон пойдет на уступки Северной Корее, которая при этом сохранит ЯО, то такое поведение будет воспринято как вознаграждение за нарушения одного из базовых принципов современной международной политики и в силу этого станет опасным прецедентом.

Теоретически, ситуация может измениться в том случае, если северокорейскую ядерную угрозу в Вашингтоне начнут воспринимать как реальную, а не потенциальную. Однако до этого пока далеко: для достижения этой цели КНДР нужно, как минимум, провести несколько успешных испытаний межконтинентальных ракет и, желательно, несколько испытаний ядерных устройств на базе урана (в силу технических особенностей их куда сложнее контролировать, чем плутониевые).

Пока же ситуация остается тупиковой. США повторяют заведомо не приемлемые требования, а в ответ КНДР всячески декларирует свою преданность ядерной программе.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ

Хотя Китай тоже недоволен северокорейскими ядерными устремлениями, на его политику на Корейском полуострове оказывают влияние дополнительные факторы, многие из которых с точки зрения Пекина куда важнее, чем угроза нераспространения ЯО¹⁰.

Во-первых и главных, Китаю нужен стабильный Корейский полуостров. В интересы Китая однозначно не входит внутриполитический кризис в Северной Корее, который может привести к нестабильности, потокам беженцев, контрабандному вывозу расщепляющихся материалов и ядерных технологий и расползанию ядерного оружия.

Во-вторых, интересам Китая отвечает сохранение разделенной (но стабильной и, по возможности, неядерной) Кореи. Объединение Кореи сейчас мыслимо только под эгидой Сеула и, скорее всего, в результате острого внутреннего кризиса в КНДР — иначе говоря, по германскому сценарию. Возникшая в результате такого поворота событий единая Корея с большой долей вероятности сохранит союзнические отношения с США. Кроме того, она будет представлять собой довольно сильное государство с выраженными националистическими настроениями и, возможно, территориальными претензиями к Китаю — в первую очередь, в отношении территорий, населенных этническими корейцами и по сему теоретически склонных к ирредентизму. Поэтому сохранение статус-кво для Китая представляется желательным вариантом.

В-третьих, Китай не видит в северокорейской ядерной программе непосредственной угрозы для себя. В Пекине считают, что если северокорейское ЯО и будет когда-либо использовано, то применят его против Японии, США или Южной Кореи, но никак не против КНР. Это не означает, что КНР не беспокоится по поводу распространения, но все-таки северокорейское ЯО воспринимается, в первую очередь, как проблема США и их союзников.

Этими соображениями и объясняется явная двойственность китайской позиции. Китай, с одной стороны, добросовестно участвует в санкциях технического характера и пресекает попытки северокорейцев получить доступ к материалам и комплектующим для ракетно-ядерной программы. С другой стороны, Китай продолжает активно торговать с Северной Кореей: в 2014 г., когда оборот составил 6,9 млрд долл. США, на Китай приходилось 70% всей торговли КНДР¹¹.

В последнее время, после прихода к власти Си Цзиньпина, ситуация до некоторой степени изменилась. Люди, близкие к новому руководству, в частных беседах стали регулярно подчеркивать, что новый китайский руководитель «в делах Корейского полуострова придает ядерному разоружению не меньшее значение, чем проблемам стабильности». Это, конечно, некоторое преувеличение, хотя сдвиг Пекина в сторону более жесткого подхода к КНДР, равно как и общее ухудшение китайско-корейских отношений в последние годы, очевидны¹².

ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОЙ КОРЕИ

В Южной Корее, как ни парадоксально, северокорейская ядерная проблема воспринимается относительно спокойно. Притом что Южная Корея негативно отно-

сится к ядерным амбициям Северной Кореи, появление у КНДР ЯО относительно мало изменило тот стратегический баланс, который существовал на Корейском полуострове не одно десятилетие. С одной стороны, несколько северокорейских ядерных зарядов, даже если их удастся каким-то образом доставить до цели, не смогут нанести Южной Корее потери, которые определили бы исход военного конфликта: судя по всему, Южная Корея такой конфликт выигрывает.

Однако в случае конфликта цена победы для Юга будет слишком высока: на первых этапах войны будет уничтожена значительная часть Сеула, а то и весь город. При этом никакого ЯО для достижения такого результата не понадобится, с этой задачей великолепно справится старая добрая ствольная артиллерия, в зоне обстрела которой находится Сеул. Жители Большого Сеула, население которого составляет примерно половину населения Юга, уже полвека живут под дулами северокорейских пушек. Появление на Севере десятка ядерных зарядов небольшой мощности эту картину меняет, но не радикальным образом.

Кроме того, многие южнокорейцы считают, что северокорейское ЯО не будет применено против жителей Юга, которые являются единоплеменниками северян. Эта уверенность представляется наивной, но она, бесспорно, весьма распространена среди корейцев — особенно среди тех, к то придерживается популярных в среде интеллигенции левонационалистических взглядов.

Все это накладывается на то обстоятельство, что в целом жители Юга мало интересуются делами Севера. Например, в 2011 г., в преддверии президентских выборов, социологи попросили опрошенных южнокорейцев сказать, какие проблемы должны в первую очередь решаться будущей президентской администрацией. Проблемы отношений с Севером оказались на последнем месте. Их самыми важными сочло лишь 8,8% опрошенных¹³.

Конечно, в Сеуле тоже регулярно делаются заявления о необходимости денуклеаризации Корейского полуострова — в том числе и из соображений солидарности с американским союзником. Однако на практике вопросы ядерного разоружения Северной Кореи занимают скромное положение в иерархии целей южнокорейской дипломатии. Куда важнее для Сеула обеспечивать спокойствие на границе и снизить до минимума вероятность военных столкновений. И в политических кругах, и в экспертном сообществе, и среди широкой публики существуют разные мнения по поводу того, каким образом следует обеспечивать внешнее спокойствие: есть в Сеуле и те, кто считает, что залогом спокойствия является готовность к жесткому, в том числе и силовому, ответу в случае очередных пограничных столкновений, и те, кто возлагает надежды на политику уступок. Однако и для ястребов, и для голубей ядерная проблема не является главной.

КОРЕЙСКИЙ ТУПИК

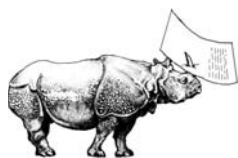
Таким образом, ситуация вокруг северокорейской ядерной программы является тупиковой. Притом что все заинтересованные стороны, включая и Японию с Россией, которые не упомянуты в тексте в силу своей малой вовлеченности в проблему, считают, что в идеале военная ядерная программа КНДР должна быть ликвидирована, на практике это единодушие не ведет к сколь-либо активным действиям. Свою роль играет и то, что сама программа остается *сырой* и незавер-

шенной и в своей нынешней форме воспринимается скорее как потенциальная, а не реальная угроза. Однако важнее то обстоятельство, что у всех основных игроков на Корейском полуострове есть свои, дополнительные интересы, обеспечение которых представляется им более важным, чем достижение ядерного разоружения КНДР. С другой стороны, в Пхеньяне существует убежденность — в целом, вполне обоснованная — в том, что сохранение ядерной программы является гарантией политического и, возможно, даже физического выживания нынешней элиты, так что компромиссы по этому вопросу недопустимы. Таким образом, ядерная проблема едва ли будет разрешена, по крайней мере пока в Пхеньяне у власти находится нынешний режим или его прямые преемники. Максимум возможного — это соглашение о замораживании ядерной программы, но и оно может стать реальным только в том случае, если сама программа продвинется куда дальше, чем сейчас, и станет восприниматься не как потенциальная, а как реальная угроза. 🐘

Примечания

- 1 Сведения о санкциях на май 2015 г. North Korea sanctions. Report to the Chairman, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, May 2015. Washington, United States Government Accountability Office, 2015.
- 2 Wonhyuk Lim. The Anatomy of a Failure: The Geneva Agreed Framework of 1994. Seoul: Korea Development Institute, 2004.
- 3 Mary Beth Nikitin. North Korea's Nuclear Weapons: Technical Issues. Washington, Congressional Research Service, 2013, pp.4–6.
- 4 Joel S. Wit, Sun Young Ahn. North Korea's Nuclear Futures: Technology and Strategy. Washington: US-Korea Institute at SAIS, 2015, p.7.
- 5 Matthew McGrath and Daniel Wertz. North Korea's Ballistic Missile Program. Washington, NCNK, 2015, pp.7–8.
- 6 Комментарий ЦТАК, 15 сентября 2015 г. Director of Atomic Energy Institute of DPRK on Its Nuclear Activities, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 7 См., например, комментарий ЦТАК, 2 октября 2015 г. KCNA commentary on the nuclear deterrent, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 8 Комментарий ЦТАК, 22 марта 2011 г. Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Libya, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 9 Очередное повторение этого тезиса, не первое и не последнее, можно, например, найти в заявлении по корейскому вопросу Гленна Дэвиса, спецпредставителя по вопросам северокорейской политики <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/07/229936.htm>.
- 10 Существует немало обзоров китайской политики на северокорейском направлении. В частности, Cheng Xiaohu. "From Jiang Zemin to Hu Jintao: The Evolution of China's Policies toward the Korean Peninsula". // Korea Observer 43.4 (January 2012): 675–699. Bates Gill. China's North Korea Policy: Assessing Interests and Influences. Special report 283. Washington: US Institute of Peace, 2011.
- 11 North Korea's Trade Volume in 2014: NK Brief. Seoul: IFES, 2015. Проведен необходимый перерасчет с включением объемов межкорейской торговли, которая обычно в южнокорейской статистике учитывается отдельно.
- 12 Snyder Scott and Byun See-won. «China-Korea Relations: China's Red Line on the Korean Peninsula.» // *Comparative Connections* 16, no. 1 (May 2014): 103–114.
- 13 South Korean Public Opinion on North Korea & the Nations of the Six-Party Talks. October 2011. Seoul, Asan Institute, 2011. P. 3.

Тимур Шаймергенов

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ: БОЛЬШОЙ ПРОЕКТ, БОЛЬШИЕ ВОПРОСЫ

Китайской инициативе *Экономический пояс Шелкового пути* (ЭПШП) сегодня уделяется все больше внимания. Председатель КНР Си Цзиньпин выбрал очень удачное время для ее запуска: в условиях очередной волны международного экономического кризиса на китайский макропроект возлагаются большие надежды по перестройке сложившейся системы торгово-экономических отношений во всей Евразии. Сегодня публикуется много исследований и прогнозов относительно впечатляющих объемов грузопотоков, которые пойдут с Востока на Запад по создаваемой транспортной инфраструктуре.

И в самом деле, в ЭПШП впечатляет все — от размаха проекта (до 2018 г. КНР планирует импортировать товары из стран Азии и Европы на 8 трлн долл. США и инвестировать до 450 млрд долл. США в эти регионы¹⁾ до энергичности, с которой китайская сторона продвигает его на всех уровнях. Таких средств (объем Фонда Шелкового пути составляет до 40 млрд долл. США) на свои стратегические проекты сегодня выделить не может ни одна страна, кроме КНР. Для сравнения, американские планы в рамках *Нового Шелкового пути* до сих пор остаются на бумаге просто по причине отсутствия средств на финансирование заявленных почти 5 лет назад транспортно-логистических проектов.

Хотелось бы, впрочем, отметить, что ЭПШП — это не только проект торгово-транспортных коммуникаций, о чем можно судить хотя бы по готовности КНР перенести десятки своих заводов и других производственных активов на территорию Казахстана. В целом, пристальный анализ заявлений, намерений и действий китайской стороны показывает, что его долгосрочная миссия гораздо шире, что становится очевидно, если посмотреть на ожидаемые последствия проекта для геоэкономики Евразии. Однако, в его реализации не все так просто — на пути проекта *Один пояс — один путь* имеется ряд вполне реальных препятствий.

ФАКТОРЫ ГЕОПОЛИТИКИ

Шелковый путь соединит Центральную Азию с крупными международными портами и поможет региону выйти из ловушки транспортной изоляции. Это обуславливает повышенный интерес в регионе к китайской стратегической инициативе — например, в 2014 г. Казахстан выдвинул и обеспечил бюджетным финансированием

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
О
К

встречную программу *Нурлы жол (Светлый путь)*, которая ставит своей задачей создание и обновление транспортной инфраструктуры для встраивания в китайский макропроект.

Сегодня среди экспертов (особенно центральноазиатских) широко распространено мнение о том, что Центральная Азия — это некая ключевая и конечная цель проекта ЭПШП. Однако, по мнению авторов, эта позиция не вполне точна. Если быть объективным, Китаю вряд ли интересна Центральная Азия как таковая: скорее всего, у Поднебесной есть дополнительные цели и задачи, как, например, и у США — для Вашингтона регион представляет интерес только с учетом Афганистана.

Во-первых, регион крайне важен для стабилизации положения в неспокойном Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая через повышение в нем уровня жизни и стимулирование торгово-экономических и энергетических обменов с культурно близкими республиками Центральной Азии. Во-вторых, ввиду крайне ограниченного рынка сбыта стратегически Центральная Азия представляет для Пекина интерес скорее как крупная транзитная территория для быстрого доступа на ключевые рынки Евросоюза и других стран Европы, тем более что в условиях заключения соглашения по американской инициативе Транстихоокеанского партнерства без участия КНР актуальность ЭПШП многократно повышается.

Руководствуясь этими интересами, КНР очень основательно готовится к тому, чтобы выгодно и оперативно интегрировать Центральную Азию в свою транспортно-логистическую цепочку. К примеру, в июне 2015 г. в г. Жичжао провинции Шаньдунь прошел уже Третий форум сотрудничества *Китай — Центральная Азия* на тему *Совместное формирование экономического пояса Шелкового пути, создание новой структуры транспортно-коммуникационной взаимосвязанности*. Правительство КНР позиционирует г. Жичжао, расположенный в восточной части страны, как основное звено формируемой азиатско-европейской сухопутной магистрали.

С 2014 г. восточнокитайский город-порт связан железной дорогой с западно-китайским СУАР. Кроме того, Жичжао подписал соглашение с казахстанским портом Актау, что позволит в ближайшей перспективе связать рынки Восточной Азии и ЕС. В 2014 г. общий грузооборот портового города превысил 353 млн тонн, а в ближайшие 5 лет Пекин планирует повысить этот показатель до 750 млн тонн путем строительства еще 274 морских причалов. Вместе с казахстанским портом новые мощности в Ляньюньгане серьезно усилят пропускную способность логистической инфраструктуры стран АТР.

В рамках июньского форума политические деятели Китая и стран Центральной Азии совместно запустили Центральноазиатский логистический парк и Центральноазиатский центр услуг в сфере авиаперевозок. Кроме того, для дальнейшего расширения сотрудничества КНР с государствами региона был открыт Международный центр морских перевозок *Жичжао — Центральная Азия*. По всей видимости, в КНР учитывают недостаточный опыт стран ЦАР в международной торговле и, создавая данные механизмы, пытаются максимально повысить эффективность межрегиональных торговых операций — в большей степени ввиду высокой заинтересованности в успешном выходе на емкие рынки ЕС.

В рамках многочисленных форумов и конференций, число которых с каждым годом растет, особый акцент китайская сторона делает не только на возможностях

и потенциале роста инфраструктуры, но и на культурной составляющей. Сегодня для КНР очень важно популяризировать свою культуру и использовать ее как инструмент *мягкой* силы. Очевидно, что в Пекине хорошо понимают: в настоящее время в странах Центральной Азии антикитайские настроения все еще достаточно сильны. Поэтому посредством регулярного диалога политической и деловой элиты, интеллигенции и представителей СМИ китайская сторона пытается улучшить восприятие и понимание Китая в регионе.

Усилия Пекина, конечно, приносят очевидную пользу, но при анализе перспектив ЭПШП нужно учитывать и то, что маленькая Центральная Азия стала местом концентрации интересов и политик многочисленных конкурирующих держав. Любопытно, что сегодня ЕС, США, Индия и др. игроки имеют свои как декларируемые, так и закрытые стратегии и планы в отношении нашего региона. Как их геэкономические стратегии сумеют *ужиться* в рамках ограниченного пространства — большой вопрос, причем, кроме КНР, остальные участники *Большой Игры 2.0* не готовы масштабно инвестировать в развитие Центральной Азии.

Такая активность непростых для КНР *партнеров* не может не волновать Пекин. В этом году интерес к ЦАР выразили Индия, чей премьер Н. Модди вдруг посетил страны региона в июле 2015 г. Наблюдается активизация Японии, которая неожиданно начала пытаться реанимировать формат регионального диалога. Стоит отметить, что в Китае воспринимают оживление японской дипломатии строго в контексте попыток Токио помешать китайским инициативам в регионе. Поэтому расширение присутствия Китая в Центральной Азии ставит своей задачей и недопущение усиления других конкурирующих держав у китайских западных границ.

ФАКТОРЫ БЕЗОПАСНОСТИ

При осмыслении концепции *Экономического пояса* стоит обратить внимание на то, что проект ЭПШП был анонсирован в 2013 г., но задумывался в экспертных кругах КНР гораздо раньше, несмотря на существовавшие тогда опасения насчет возможного обострения ситуации в Афганистане. Буквально несколько лет назад мир в целом и евразийское пространство в частности были намного менее конфликтными. Сегодня проект ЭПШП будет претворяться в жизнь в кардинально иных условиях с точки зрения геополитики и безопасности. Буквально за год внешняя стратегическая среда вокруг *Экономического пояса* резко изменилась: появились новые вызовы, усилились и обрели новое измерение старые риски.

В настоящее время, например, нужно учитывать резкий спад в экономиках многих стран Евразии, который может внести значительные не только временные (сроки могут затянуться), но и содержательные (не все проекты могут быть реализованы) коррективы в уже намеченные планы. Перспективам ЭПШП сегодня угрожает целый комплекс факторов: экономический спад в России и других странах СНГ, развязанная война санкций, отрицательные тенденции в экономике КНР, малопргнозируемая волатильность многих валют, в том числе рубля, тенге и юаня; реалистичны риски недофинансирования или затягивания сроков по политическим мотивам.

Все они ставят под угрозу не только саму реализацию этих проектов, но и их дальнейшую эффективность. В частности, принимая во внимание наблюдаемый спад

в мировой торговле, возникает вопрос: насколько сегодня оправданы имеющиеся прогнозы о мощных торговых потоках, которые, как ожидается, пойдут по создаваемой инфраструктуре *Экономического пояса*? Ведь многие оценки и прогнозы, в том числе и те, которые были сделаны даже полгода назад, сейчас уже мало отвечают сложившимся в Евразии реалиям.

В сентябре 2015 г. ВТО объявила о снижении прогноза роста мировой торговли в 2015 г. до 2,8% (с апрельских 3,3%). ВТО также незначительно снизила этот показатель в 2016 г. с 4,0% до 3,9% (что в любом случае на 5% ниже среднего за последнее 20 лет значения)². Как такой поворот событий может сказаться на продуктивности планируемых торговых коммуникаций — большой вопрос. Еще один важный вопрос — кто сейчас в реальности занимается подобными прогнозами и коррекцией планов ЭПШП.

Кроме того, нужно обратить внимание и на резкий рост террористической угрозы. Многие сегодня недооценивают способность ИГ организовать теракты на пространстве от Ближнего Востока до китайского Синьцзяна. Многие эксперты почему-то относятся к возможностям ИГ скептически, но наличие у этой организации этнических батальонов с многочисленным выходцами из стран ЦАР, РФ и КНР заставляет воспринимать ее всерьез.

Возможно, в этом контексте можно рассматривать попытку КНР подключить к реализации Шелкового пути ресурсы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Организация, ориентированная на борьбу с терроризмом и экстремизмом и имеющая определенный опыт на этом направлении, действительно могла бы сыграть позитивную роль в усилении координации региональных усилий по обеспечению безопасности будущих экономических проектов.

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

На пути ЭПШП стоит и Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Перспективы евразийской интеграции еще с момента создания Таможенного союза вызывают вполне обоснованный интерес и настороженность Китая, который за последние годы стал одним из ключевых акторов в Центральной Азии. Создание ЕАЭС меняет формат и структуру отношений внутри региона, поэтому очевидно, что отношение Китая — как чиновников, предпринимателей, так и экспертов — к этому объединению неоднозначно.

В китайской экспертной среде часто обсуждается тезис о том, что большой минус ЕАЭС — это его закрытость для Китая. На местном уровне вопрос пока ставится так: Евразийский экономический союз открыт для всех, даже для далекого Вьетнама, но полностью закрыт для Китая, что не соответствует планам *гармоничного развития*. Создание ЕАЭС, по сути, ограничило возможности КНР, а также расширило конкурентные позиции России.

И Пекин вынужден активно реагировать на евразийскую интеграцию, выдвигая новые модели экономического сотрудничества и амбициозные проекты (*Экономический пояс Шелкового пути*), чтобы сохранить свое присутствие в регионе. Так, по признаниям китайских экспертов, действие нового таможенного режима с вхождением Казахстана в ТС/ЕАЭС не только нанесло потери китайским про-

изводителям, ориентированным на казахстанский рынок, но и оказало влияние на весь центральноазиатский товаропоток из Китая.

Рост цен на китайские товары снизил привлекательность крупного рынка *Дордой* в Кыргызстане. А после вхождения в ЕАЭС Кыргызстана, а впоследствии и Таджикистана, обсуждение с которым давно идет полным ходом, барьеры возникнут уже практически во всей Центральной Азии. Ранее Пекин традиционно делал ставку на увеличение товарооборота с регионом, на это в переговорах китайские лидеры всегда делали особые акценты как на индикаторе успеха в отношениях.

Во время переговоров представителей *Назарбаев-Центра* в Шанхайской академии международных исследований (ШАМИ) китайские эксперты отмечали, что развитие ЕАЭС означает, что китайские товары должны соответствовать новым утвержденным техрегламентам, что вынуждает Пекин менять стандартный подход и создает трудности для китайских бизнесменов, привыкших к устоявшейся модели торговли. С другой стороны, китайские эксперты подмечают, что ЕАЭС имеет и отчетливый позитивный эффект. Так, главное, что Союз формирует общие *правила игры* для экономики почти всего СНГ: разность национальных законодательств, экономическая специфика каждой из стран, информационный вакуум усложняют масштабное вхождение китайского бизнеса на постсоветское пространство.

Более того, маленькие по емкости рынки объективно делают это вхождение нерентабельным. А общий рынок с отсутствием таможенных барьеров, а самое главное — с понятными правилами экономического поведения создает привлекательный фон для консервативного китайского бизнеса. Поэтому в ближайшие годы Пекин будет стремиться ускорить сопряжение ЕАЭС и ЭПШП, обосновывая этот процесс выгодами для всех стран. На страницах официального *рупора КПК* газеты *Жэньминь жибао* говорится, что ЭПШП объединяет потребительский рынок в 3 млрд человек, финансовую мощь Китая и реальные проекты³.

С этими аргументами не поспоришь. Кроме того, стимулы для ускорения сопряжения появляются и у Москвы: американский Институт мировой экономики имени Петерсона прогнозирует, что из-за переориентации торговых потоков в Азии в результате создания ТТП к 2025 г. ВВП России может потерять до 2 млрд долл. США, а экспорт сократился до 4,4 млрд долл. США⁴. Таким образом, сокращение возможностей крупных торговых игроков — России и КНР — в Азии будет стимулировать их активность по развитию собственного торгового блока евразийской ориентации. Вот только вопрос в том, как это сопряжение экономически отразится на самом ЕАЭС, который является очень молодым объединением и еще не перешел все нужные для своего укрепления стадии.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

В целом, все эти факторы показывают, что региональный контекст действительно сильно изменился, и это необходимо учитывать при планировании совместных экономических проектов по линии ЭПШП. Формирование ЭПШП — это, безусловно, грандиозное начинание, реализация которого растянется на несколько десятилетий. Поэтому впереди еще предстоит немалое количество изменений

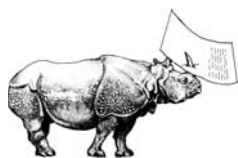
внешних и внутренних условий, в которых *Экономическому поясу* предстоит развиваться в будущем.

Возможно, именно поэтому китайская сторона озвучила эту идею, но раскрывать свои карты пока не стремится. Тем самым поддерживается ключевая интрига относительно детального содержания. В Пекине, по всей видимости, ожидают, что все или большинство предполагаемых стран-участников постепенно дополнят проект собственными идеями и инициативами, а затем органично встроит его в свои национальные планы. Как мы видим, именно это уже происходит на практике.

Это тактически неплохой ход, с учетом того что в этом случае ЭПШП становится не сугубо китайским, а уже действительно совместным, макрорегиональным и даже евразийским проектом, да и подозрений в попытках расширения китайской гегемонии будет гораздо меньше. Соответственно, мотивация и ответственность (как политическая, так и экономическая) за его реализацию распределится на всех, что будет способствовать стабилизации его развития — при этом за КНР прочно сохранится роль главного идеолога макропроекта. 🐷

Примечания

- 1 APEC economies pledge flexible fiscal policies, stress infrastructure investment. <http://eng-lish.people.com.cn/n/2014/1023/c90883-8798513.html>.
- 2 Falling import demand, lower commodity prices push down trade growth prospects. https://www.wto.org/english/news_e/pres15_e/pr752_e.htm.
- 3 *Экономический пояс Шелкового пути* — какими преимуществами обладает Китай в Центральной Азии? <http://russian.people.com.cn/31518/8420265.html>.
- 4 Крупнейшее торговое соглашение США поставит под угрозу российский экспорт. <http://www.rbc.ru/economics/08/10/2015/5615527f9a794717a74286d8>.

Гюльшен Пашаева

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБСЕ, ВЗГЛЯД ИЗ БАКУ

На фоне жесткого противостояния Запада и России, а также разрастающегося кризиса на Ближнем Востоке практически незамеченным осталось важнейшее в истории послевоенной Европы событие — 40-летие подписания хельсинского Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (31.12.1994 трансформировавшегося в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе — ОБСЕ).

Конечно, за 40 истекших лет геополитический ландшафт Европы сильно изменился, а в результате распада или объединения ряда государств ОБСЕ сегодня насчитывает не 34, как на момент основания в 1975 г., а уже 57 стран-участников, включая принятую в 2012 г. Монголию. С одной стороны, многие политики и эксперты признают фундаментальную значимость Заключительного акта для современной архитектуры европейской безопасности, с другой стороны, в адрес ОБСЕ продолжает звучать обоснованная критика, в том числе из Азербайджана¹, связанная с ее неэффективностью, несовершенством процедур принятия оперативных решений, отсутствием у организации устава или иного документа, который в юридически обязывающей форме устанавливал бы порядок деятельности ее исполнительных органов.

Справедливости ради надо заметить, что трудности ОБСЕ заключаются не столько в отсутствии устава, сколько в неспособности ведущих акторов достичь взаимопонимания в вопросах трактовки положений хельсинского Заключительного акта и других основополагающих документов ОБСЕ. Как отмечается в промежуточном докладе *Группы мудрецов* об украинском кризисе, проблемы ОБСЕ являются следствием глубокого кризиса, в котором находится Европа, противоречивые представления стран — членов ОБСЕ о происходящих событиях подрывают идею о неделимости безопасности, а отсутствие консенсуса в вопросах безопасности и сотрудничества приводит к слабости ОБСЕ как организации².

Стоит напомнить, что подписание в 1975 г. хельсинского Заключительного акта стало возможно в результате серьезных компромиссов по широкому кругу вопросов, затрагивающих практически все сферы отношений между западными странами и блоком социалистических стран во главе с СССР. В практическом плане это нашло свое отражение в формировании всеобъемлющего подхода

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
О
К

к безопасности, включающего *политико-военное* (меры укрепления доверия и некоторые аспекты безопасности и разоружения), *экономическое и экологическое* (сотрудничество в области экономики, науки и техники и окружающей среды), а также *человеческое* (сотрудничество в гуманитарных и других областях)³ измерения. Как отмечает Ф. Лукьянов, в результате подписания хельсинкского Заключительного акта «Советский Союз получил то, ради чего инициировал весь процесс, — подтверждение послевоенных европейских границ и, тем самым, расстановки сил, которая возникла по итогам Второй мировой войны». Тогда как основным интересом Запада была «тема общественной трансформации в духе расширения прав человека» и переход от политики «все менее оправдывавших себя прямых силовых методов к воздействию, опосредованному примером и обаянием»⁴.

Как известно, с окончанием холодной войны фактически исчезла прямая угроза крупномасштабного вооруженного столкновения в Европе, существенно возрос уровень экономической взаимосвязи стран — участников ОБСЕ. В то же время в сфере безопасности возник ряд угроз, среди которых следует особо выделить рост числа вооруженных конфликтов. Хотя в 1990-е гг. СБСЕ/ОБСЕ и была вовлечена в разрешение региональных и этнических конфликтов в Косово, Боснии и Герцеговине, Македонии, Хорватии, Грузии, Таджикистане, Нагорном Карабахе, Чечне и др. посредством своих миссий, дислоцированных в зоне конфликта, однако ее возможности были ограничены в силу рекомендательного характера принимаемых решений, отсутствия исполнительного аппарата и собственных вооруженных сил⁵. Одновременно на рубеже XX–XXI вв. «чрезмерно увеличилась гуманитарно-правозащитная составляющая ОБСЕ в ущерб двум другим исключительно важным направлениям — военно-политическому и экономическому»⁶. ОБСЕ все больше стала решать задачи, связанные с процессами демократизации, мониторингом проведения выборов и т. п., а в наиболее важных вопросах региональной безопасности постепенно отходить на второй план.

Главная причина этого, по-видимому, состоит в том, что на современном этапе в формировании архитектуры европейской безопасности участвуют еще две структуры — НАТО и, частично, Европейская политика безопасности и обороны (ЕПБО), которые после распада Советского Союза за счет принятых новых членов существенно расширили сферу своего влияния на восток и практически разрешили собственные проблемы в сфере военно-политической безопасности. Заметим также, что в условиях надежных гарантий со стороны НАТО Европейский союз (ЕС) даже не приступил к формированию собственных вооруженных сил, хотя вопрос создания единой армии периодически поднимается, в том числе в связи с украинским кризисом⁷.

Между тем одной из фундаментальных проблем современной Европы в области военно-политической безопасности продолжает оставаться имплементация принципа неделимости безопасности, закрепленного еще в хельсинкском Заключительном акте⁸. Как известно, в отличие от стран, входящих в НАТО или ОДКБ и имеющих юридические гарантии безопасности, существует также ряд постсоветских государств, которые в силу своих национальных интересов и сбалансированного характера внешнеполитических приоритетов не ставят целью членство в военно-политических блоках. Соответственно все это приводит к тому, что в обширном регионе, включающим территории пяти из шести стран — участников программы

ЕС *Восточное партнерство* (исключая Беларусь), существует серьезный дефицит безопасности, связанный в первую очередь с наличием неурегулированных этно-территориальных конфликтов.

С другой стороны, именно отсутствие единого мнения по такой фундаментальной проблеме постбиполярной эпохи, как противоречие между принципом территориальной целостности и правом народов распоряжаться своей судьбой, а также «избирательное применение хельсинских принципов, их интерпретация в зависимости от соображений политической целесообразности сторон» препятствует эффективному урегулированию конфликтов и способствует появлению новых⁹.

Как известно, в Заключительном акте применение принципа, связанного с правом народов на самоопределение, напрямую увязывается с соблюдением принципов Устава ООН и соответствующих норм международного права, «включая те, которые относятся к территориальной целостности государств»¹⁰. Однако на практике ведущие акторы так и не могут прийти к единому мнению о том, в каких случаях реализация права народов распоряжаться своей судьбой должна происходить исключительно в пределах уже существующих и признанных мировым сообществом границ. О серьезном кризисе международной правовой системы свидетельствует и печально известное решение Международного суда ООН по Косовской проблеме, в котором Международный суд лишь формально подтвердил, что факт принятия Декларации о провозглашении независимости Косово не противоречит международному законодательству, не рассмотрев при этом ни вопрос о праве Косово на отделение от Сербии в одностороннем порядке, ни правовые последствия этого шага¹¹.

Возможно осознание опасных последствий прецедентов признания независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии для системы международных отношений и привело к тому, что в ноябре 2009 г. Д. Медведев, в то время президент России, предложил заключить новый Договор о европейской безопасности (ДЕБ) с целью обеспечения равных и надежных гарантий для всех государств, вне зависимости от принадлежности к военным блокам и интеграционным союзам¹². В рамках дебатов вокруг ДЕБ также активно обсуждались новые пути обеспечения безопасности на постсоветском пространстве. В частности предполагалось, что России должна выступить в роли «главного и наиболее влиятельного гаранта территориальной целостности и суверенитета соседей по СНГ, конечно, при условии сохранения ими нейтрального военно-политического статуса»¹³. Одновременно Россия и США могли бы договориться о правилах конкуренции на постсоветском пространстве, которые включали бы «отказ от восстановления зоны своего исторического влияния силовыми методами» со стороны России, а также отказ США от попыток разжигания противостояния России с «другими странами постсоветского пространства путем их вовлечения в НАТО, а также от выстраивания с ними двусторонних военно-политических партнерств»¹⁴.

Кстати, такой подход последовательно осуществляется в отношении Молдавии, так как Россия полагает, что урегулирование конфликта в Приднестровье возможно «в рамках уважения территориальной целостности Молдавии, которая должна оставаться суверенным государством, имеющим военно-политический нейтралитет». В Москве полагают, что если «Молдавия теряет свой суверенитет и поглощается другой страной или меняет свой военно-политический статус с нейтрального

на блоксовый, то приднестровцы имеют полное право принять решение о своем будущем самостоятельно»¹⁵. Очевидно, что эту схему практически невозможно применить в случае конфликтов в Грузии и Украине, так как трудно представить в ближайшей перспективе ситуацию, в которой Россия сможет отказаться от своих решений в отношении Абхазии, Южной Осетии и Крыма.

В этот контекст не вписывается армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха, который, начавшись в 1988 г. с требований о передаче Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР, после распада Советского Союза фактически перерос в полномасштабный межгосударственный вооруженный конфликт. На этой стадии конфликта, пытаясь уйти от обвинений в ирредентизме¹⁶, в Армении формально отказались от первоначальных призывов о присоединении Нагорного Карабаха, трансформировав их в требование о признании полного суверенитета так называемой Нагорно-Карабахской Республики (НКР), которая была самопровозглашена на контролируемых армянской стороной территориях Азербайджана. Баку, естественно, не признает легитимность НКР, образование которой сопровождалось применением военной силы, оккупацией семи административных районов вокруг бывшей НКАО, изгнанием азербайджанского гражданского населения и нарушением многих принципов международного права¹⁷, и предлагает решить конфликт с учетом территориальной целостности Азербайджана и предоставлением Нагорному Карабаху высокой степени автономии.

Как известно, после распада Советского Союза с марта 1992 г. ОБСЕ остается единственной организацией, имеющей мандат на урегулирование этого конфликта. Однако, к сожалению, после установления в 1994 г. при посредничестве России режима прекращения огня между противоборствующими сторонами реальный прогресс в последующем переговорном процессе так и не был достигнут, несмотря на ряд посреднических предложений Минской группы ОБСЕ¹⁸. К тому же консенсусный характер принятия решений в ОБСЕ делает практически невозможной выработку единой концепции разрешения конфликта, которую международные посредники могли бы не просто предложить, но и попытаться *навязать* противоборствующим сторонам.

Одна из первых попыток официально очертить принципиальные рамки урегулирования конфликта была предпринята на Лиссабонском саммите ОБСЕ в 1996 г.¹⁹. Сопредседателями Минской группы ОБСЕ тогда были предложены три принципа урегулирования армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта, которые включали обеспечение территориальной целостности Армении и Азербайджана, самоопределение Нагорного Карабаха в составе Азербайджана с предоставлением ему наивысшей степени самоуправления и обеспечение гарантий безопасности Нагорного Карабаха и всего его населения. Как известно, единственной страной, отказавшейся поддержать эти принципы, и в первую очередь принцип обеспечения территориальной целостности, стала Армения, которая заблокировала включение вышеуказанных принципов в окончательный текст политической декларации Лиссабонского саммита.

В 2007 г. в переговорном процессе начался новый этап, связанный с интенсивным обсуждением так называемых базовых *Мадридских принципов* урегулирования конфликта, которые были официально представлены сторонам в рамках

мадридской встречи министров иностранных дел стран — членов ОБСЕ. В 2009 г. с целью активизации переговоров впервые после Лиссабонского саммита ОБСЕ в совместном заявлении президентов России, США и Франции по Нагорному Карабаху были раскрыты шесть базовых принципов мирного урегулирования армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта, которые включали: возвращение территорий вокруг Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана; предоставление промежуточного статуса для Нагорного Карабаха, обеспечивающего гарантии безопасности и самоуправления; обеспечение коридора, связывающего Армению с Нагорным Карабахом; определение будущего окончательного правового статуса Нагорного Карабаха путем имеющего обязательную юридическую силу волеизъявления; право всех внутренних перемещенных лиц и беженцев на возвращение в места прежнего проживания; международные гарантии безопасности, включая проведение миротворческой операции²⁰. Посредники при этом неоднократно подчеркивали, что урегулирование должно носить комплексный характер и утверждали, что «любая попытка выделить несколько элементов над другими сделает невозможным достижение сбалансированного решения»²¹.

Главным отличием *Мадридских принципов* от предыдущих предложений посредников было то, что они не предопределяли окончательный статус Нагорного Карабаха, однако, к сожалению, как показали дальнейшие события, отсутствие конкретики в предложениях Минской группы ОБСЕ по поводу последовательности реализации этих элементов и в вопросе приоритета того или иного принципа международного права не позволило развить конструктивный потенциал, который был заложен в *Мадридские принципы* урегулирования конфликта.

Справедливости ради надо заметить, что благодаря посредникам (здесь особо стоит отметить усилия Д. Медведева в 2008–2011 гг.) сторонам удалось значительно сблизить позиции по некоторым вопросам, однако из-за того, что переговорный процесс уже многие годы фактически базируется на принципе *согласовано все или ничего*, урегулирование все еще остается заложником вопроса будущего статуса Нагорного Карабаха. В связи с этим армянская сторона, основываясь на итогах военных действий 1992–1994 гг., которые оцениваются ею как безусловная победа Армении, продолжает придерживаться пресловутой формулы *территории в обмен на независимость* или ее различных модификаций (*территории в обмен на так называемый референдум*), предопределяющих статус Нагорного Карабаха на начальном этапе урегулирования.

В свою очередь, Азербайджан, понимая тупиковость подобного подхода, многократно заявлял о том, что в первую очередь необходимо приступить к поэтапному освобождению оккупированных районов вокруг Нагорного Карабаха, а также возвращению вынужденных переселенцев к местам их постоянного проживания, пока оставляя вопрос определения статуса региона открытым. Ясно, что в рамках формулы *территории в обмен на безопасность* освобождение районов вокруг Нагорного Карабаха, в соответствии с одним из положений Мадридских принципов, должно сопровождаться заключением соглашения об окончательном отказе сторон от применения силы, обеспечением международных гарантий безопасности и проведением миротворческой операции.

Между тем, «монополизируя переговорный процесс по урегулированию этого конфликта, сопредседатели Минской группы ОБСЕ заявляют, что готовы поддержать любое решение в случае самостоятельного нахождения Арменией и Азербайджаном взаимоприемлемого решения»²². Но, очевидно, что такой подход не способствует разрешению конфликта, а фактически нацелен на сохранение существующего статус-кво. Представляется исключительно важным, чтобы сопредседатели Минской группы ОБСЕ определились с принципиальными рамками урегулирования и направили свои посреднические усилия на разрешение этого конфликта.

В заключение хотелось бы отметить, что в сегодняшних условиях Минская группа ОБСЕ является одной из немногих переговорных площадок, где Россия и Запад все еще продолжают активно сотрудничать, пытаясь найти компромисс не только между сторонами конфликта, но и собственными интересами в регионе. Если исходить из тезиса о том, что три сопредседателя Минской группы ОБСЕ (Россия, Франция и США), представляющие ведущие державы и, кстати, несущие одновременно большую ответственность за ситуацию в Европе, заинтересованы в достижении стабильного мира на постсоветском пространстве, то они обязаны воспользоваться ОБСЕ, инициировав общеевропейскую дискуссию по широкому спектру вопросов, связанных с урегулированием этнотерриториальных конфликтов.

В рамках такой дискуссии, которую можно рассматривать как составную часть усилий по реформированию ОБСЕ, в первую очередь следовало было бы попытаться достигнуть общего взаимопонимания по таким основополагающим хельсинским принципам, как территориальная целостность государств и право народов распоряжаться своей судьбой, так как правовая проблема актуальна для многих европейских стран, сталкивающихся с реальными или потенциальными угрозами этнического сепаратизма.

Параллельно, с целью совершенствования процедур деятельности директивных органов ОБСЕ можно было бы приступить к конкретным обсуждениям механизма принятия решений в ОБСЕ, в основу которого положен принцип консенсуса. Понимая чувствительность этого вопроса, особенно в свете обсуждений права вето в Совете Безопасности ООН, можно было бы предложить в особых случаях использовать принцип *консенсус минус один (консенсус минус два)*, сделав соответствующее и вполне логичное исключение для членов Совета Безопасности ООН. Как показывает недавняя история, это может способствовать принятию действенных решений со стороны ОБСЕ, особенно в процессе урегулирования ряда этнотерриториальных конфликтов.

Было бы целесообразно также рассмотреть механизм проведения миротворческих операций под эгидой ОБСЕ. В качестве примера можно указать на решение Будапешского саммита ОБСЕ 1994 г., на котором впервые в истории этой организации было принято принципиальное решение об использовании многонациональных сил ОБСЕ по поддержанию мира в случае достижения политического соглашения о прекращении вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе²³.

Представляется, что только таким образом, т.е. методом *от частного к общему*, посредством достижения реальных подвижек в увеличении роли ОБСЕ в процессах по урегулированию затяжных конфликтов можно будет активизировать дея-

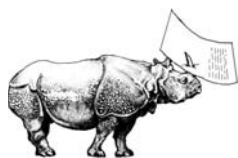
тельность в политико-военном измерении ОБСЕ и подойти к вопросу о единой системе европейской безопасности. Надо полагать, что никакие организационные изменения, особенно в условиях практики консенсусного принятия решений, не изменят сложившейся ситуации, если ведущие европейские акторы не объединят свои усилия для решения этой проблемы. 🐘

Примечания

- 1 *Situation in the occupied territories of the Republic of Azerbaijan*. Statement by the Delegation of the Republic of Azerbaijan on 1070th Meeting of the Permanent Council, 8 October 2015. Интернет доступ по адресу: http://www.azembassy.at/files/osce/Statement%20by%20the%20Delegation%20of%20the%20Republic%20of%20Azerbaijan_PC%201070_situation%20in%20the%20occupied%20territories.pdf.
- 2 *Lessons learned for the OSCE from its engagement in Ukraine*. Interim Report and Recommendations of the Panel of Eminent Persons on European Security as a Common Project. 2015, June. P. 5.
- 3 Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>.
- 4 Ф. Лукьянов. Консерваторы и ревизионисты. Газета.ру. 30 июля 2015 г. <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/7662353.shtml>.
- 5 С.А. Костин. Реформирование ОБСЕ — необходимое условие для дальнейшего существования организации // Право и безопасность. 2013, июнь. № 1–2 (44). С. 103.
- 6 Там же. С. 103–104.
- 7 Глава Еврокомиссии заявил о необходимости создать единую армию ЕС. Lenta.ru. 8 марта 2015 г. <http://lenta.ru/news/2015/03/08/army>.
- 8 Юрьева Т.В. Проблемы региональной безопасности: современный опыт Европы // Вестник МГИМО-Университета. 2010. Вып. 6. С. 129.
- 9 Надежда Арбатова. Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности // Индекс Безопасности. 2010, осень. Т. 16, № 3 (94). С. 65. <http://www.pircenter.org/index.php?id=1248&news=6017>.
- 10 Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. С. 8. <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>.
- 11 Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, Advisory Opinion of 22 July 2010 // International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. 2010. Paragraphs 49–56. P. 423–426. <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15987.pdf>.
- 12 Проект Договора о европейской безопасности, 29 ноября 2009 г., Сайт Президента России. <http://kremlin.ru/news/6152>.
- 13 *Архитектура евроатлантической безопасности* / Под общей редакцией И.Ю. Юргенса, А.А. Дынкина, В.Г. Барановского. Москва: Экон-Информ, 2009. С. 115. http://www.riocenter.ru/files/INSOR_Architecture_of_the_Euro-Atlantic_security.pdf.
- 14 *Перенастройка, а не перезагрузка. Интересы России в отношениях с США*. Доклад к заседанию российско-американской секции международного дискуссионного клуба *Валдай*, Москва, июнь 2009. С. 21. http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Reconfiguration_rus.pdf.
- 15 Выступление С.В. Лаврова на открытой лекции по актуальным вопросам внешней политики Российской Федерации. Москва, 20 октября 2014 г. <https://interaffairs.ru/news/show/11949>.
- 16 Ирредентизм — движение, направленное на присоединение территории, на которой проживает этническое меньшинство, к территории титульного государства, в котором этот этнос уже составляет большинство.
- 17 Как известно, согласно IV принципу хельсинского Заключительного акта, государства-участники должны воздерживаться от того, чтобы превращать территорию друг друга в объект военной оккупации или в объект приобретения, при этом никакая оккупация или приобретение такого рода не будет признаваться законной. Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Хельсинки, 1975. С. 6. <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true>.

- 18 Для более подробной информации о деятельности Минской группы ОБСЕ см. соответствующий раздел официального сайта ОБСЕ: <http://www.osce.org/mg>.
- 19 Заявление действующего председателя ОБСЕ // Лиссабонский документ 1996 г. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Лиссабонская встреча на высшем уровне, 1996. DOC.S/1/96. С. 14–15. <http://www.osce.org/ru/mc/39543?download=true>.
- 20 Joint Statement on the Nagorno-Karabakh Conflict by U.S. President Obama, Russian President Medvedev, and French President Sarkozy at the L'Aquila Summit of the Eight. July 10, 2009. <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/joint-statement-nagorno-karabakh-conflict>.
- 21 James Warlick. Nagorno-Karabakh: Keys to a Settlement. Carnegie Endowment for International Peace. May 7 2014. <http://carnegieendowment.org/2014/05/07/nagorny-karabakh-keys-to-settlement/ha7v>.
- 22 Colloquy with Novruz Mammadov on Crises of International Law and Governance: Causes and Consequences. Caucasus International. 2015, summer. Vol. 5, No 2. P. 16–17. <http://cijournal.az/post/colloquy-with-novruz-mammadov-on-crises-of-international-law-and-governance-causes-and-consequences-102>.
- 23 СБСЕ. Будапештский документ 1994 г. Декларация Будапештской встречи на высшем уровне. С. 7. <http://www.osce.org/ru/mc/39558?download=true>.

Иван Бегтин

ТЕМНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТОСТИ ДАННЫХ

Взаимодействие государства и граждан подразумевает постоянный обмен данными. Большая часть из них не предназначена для публикации. Однако открытые данные — важный инструмент общественного контроля, поэтому во всем мире идет дискуссия о том, какой уровень раскрытия информации необходим и достаточен, какие оборотные стороны есть у открытости, какие проблемы могут возникнуть в результате публикации тех или иных данных.

Сложно поверить, но в России в некоторых сферах уровень раскрытия информации высочайший. К примеру, это касается госзакупок, где все максимально прозрачно. В Великобритании данные о закупках для нужд муниципальных бюджетов не раскрываются, а у нас публикуются даже сами тексты контрактов — анализируя зарубежный опыт, могу сказать, что это уникальная ситуация. Как часто бывает, тут две стороны медали. Хорошо, что все мы — граждане, налогоплательщики, избиратели — имеем возможность знать, куда реально идут наши деньги. Проводится очень много публичных расследований, раскрываются коррупционные схемы, предотвращаются преступления. В то же время в нашей стране раскрывается огромное количество информации, которую в мире в основном предпочитают не раскрывать. И прежде всего это относится к вопросам государственной безопасности. К примеру, российское Министерство обороны публикует информацию практически обо всех контрактах, включая закупку ядерных подводных лодок, на сайте zakurki.gov.ru. Исключение составляет закрытая часть бюджета, это примерно 26%.

В то же время в ряде стран, которые мы считаем максимально демократически развитыми, дело обстоит иначе. Самый яркий пример — Министерство обороны США, которое ввело ряд правил, действующих при закупках вооружений за счет госбюджета. Во-первых, для поставщиков, которые работают с Минобороны, существует отдельная процедура регистрации, и доступ к тендерной документации они получают только после прохождения так называемой предквалификации, т. е. данные о закупках не доступны для широкой общественности даже по запросу. Второе правило заключается в том, что информация о заключенных контрактах публикуется с задержкой от 3 до 12 месяцев, а текст контракта не публикуется вовсе. В какой-то момент Конгресс потребовал от Министерства обороны публиковать эту информацию, но военные ответили, что США участвуют в военных кам-

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
О
К

паниях по всему миру, и в случае публикации данных о госзакупках для военных нужд по характеристикам закупаемого оборудования военные специалисты смогут понять, в каких регионах оно будет применяться, что может раскрыть планы военного командования, и разглашать информацию о закупках отказались.

Вернемся к ситуации в России. Притом что Минобороны демонстрирует пример открытости, это не единственная отечественная силовая структура. О некоторых российских спецслужбах и организациях нет практически никакой информации, кроме адреса приемной и пары номеров телефонов, что не мешает им осуществлять закупки самых разных вещей, начиная от тушенки и заканчивая боевыми вертолетами, ремонтировать катера для пограничных служб и заниматься другой хозяйственной деятельностью. Примеры можно найти на том же сайте zakupki.gov.ru, и это не единственная открытая государственная база данных. Вопрос о том, какой подход — наш или американский — более правильный, остается открытым.

Другая очень чувствительная и важная тема — данные правоохранительных органов и криминальная статистика. Криминальная статистика — это, к примеру, данные о качестве жизни в том или ином районе. Здесь важно правильно поставить вопрос: имеем мы право знать или мы имеем право не знать? Жители, как правило, говорят, что имеют право знать, а руководители уже на уровне муниципалитетов задаются вопросами, не возникнет ли в результате открытия определенной информации паники или серьезных социальных изменений, не станет ли публикация данных о качестве жизни углублять неравенство и способствовать формированию гетто.

В Великобритании есть практика раскрытия криминальной статистики: на сайте police.uk публикуются данные по каждому преступлению. При этом есть и ряд жестких ограничений. Самое главное — точные геоданные о месте совершения преступлений не публикуются, детализация идет до уровня улицы. Но на карте можно выбрать конкретную улицу или конкретный район и увидеть количество совершенных там преступлений, а также получить базовую информацию о типе преступлений и количестве пострадавших.

Полиция США, напротив, публикует подробную информацию о каждом преступлении с детализацией до конкретного адреса, а также указывает тип происшествия, число погибших или раненых. Есть несколько коммерческих проектов, таких как Crime Map, Crime Mapping, которые эту информацию используют, популярна она и у риэлторских компаний. Известная служба такси Uber, например, анализирует получаемые заказы, просчитывает корреляцию с уровнем преступности по районам и с учетом этого составляет маршруты движения и определяет места стоянки таксистов.

В других странах, например, в Германии, криминальная статистика до сих пор не публикуется так подробно. Одна из основных причин — не риск геттоизации или паники среди населения — в развитых странах все и так знают, где есть и где нет гетто. Причина в том, что эту информацию активно используют преступники для поиска каналов сбыта наркотиков и оружия.

Риски раскрытия информации, безусловно, есть, и не все из них лежат на поверхности. Открытость данных — одна из многих проблем, у которой нет однозначно-го решения и которая должна быть предметом публичного обсуждения. В той же

Великобритании полиция не была заинтересована в том, чтобы раскрывать криминальные данные, но правительство Д. Кэмерона приняло принципиальное решение публиковать данные о преступлениях с точностью до района, и с тех пор их публикуют. В США аналогичную программу Open Police Data запустил Б. Обама, после того как полицейский застрелил афроамериканца, а поскольку в Штатах полиция находится не в федеральном подчинении, а распределена по штатам и отдельным графствам, сейчас идет масштабный сбор и анализ данных по всей стране. В России, я думаю, рано или поздно эта тема начнет фигурировать в предвыборных обещаниях кандидатов на выборные должности, потому что уже сейчас многих наших граждан волнует вопрос о том, что криминальная статистика должна быть доступна в том или ином виде.

Продолжая разговор о рисках, приведу другой пример из США. Полицейский департамент Нью-Йорка публикует не только общую базу преступлений, но и базу данных людей, совершивших преступления, связанные с сексуальным насилием. Эта база называется Sex Offender Registry и находится в открытом доступе, туда вносятся фотография насильника, фамилия и имя, базовые параметры, раса и адрес фактического проживания. Аналогичные базы есть в других штатах. Польза от такой базы более или менее понятна, но в то же время это один из примеров того, как публикуемая информация, которая касается конкретных людей, становится чрезвычайно чувствительной. Причины, по которым такая информация должна быть в открытом доступе, ясны, но есть и серьезные доводы против ее разглашения. К примеру, риск самосуда. Представьте себе, что, как предлагают некоторые наши законодатели, будет вестись открытая база данных педофилов с указанием их мест проживания. Многие ли из них после этого проживут долго? А самосуд — прямой путь к беззаконию.

Кроме того, в нашей стране не очень высок уровень доверия к деятельности ряда ведомств и, следовательно, к достоверности опубликованных ими данных. При этом уровень доверия граждан к власти в целом остается очень высоким. Отсюда вторая серьезная проблема: что делать, когда официальным данным не доверяют? Ответ очевиден — нужно стремиться к повышению качества информации.

Рассматривая зарубежный опыт, можно вспомнить опыт Великобритании. У британцев создана Комиссия по вопросам прозрачности (Transparency Board). Ближайший отечественный аналог — Комиссия по открытому правительству. Комиссия по прозрачности — это рабочая группа, которая состоит из нескольких представителей государства и большого количества представителей некоммерческих и лоббистских организаций. В ее состав входят представители Privacy International, Transparency International, Open Rights Group, Open Knowledge Foundation, ODI (Open Data Institute) и многих других негосударственных организаций, которые занимаются открытостью данных. Эта комиссия дает рекомендации, какие данные можно раскрывать, а что публиковать категорически нельзя, а также обеспечивает надлежащее качество публикуемых данных.

Еще одна область, в которой актуальны вопросы использования открытых данных, — это образование. Много лет эксперты призывают Министерство образования, Мособрнадзор и региональные департаменты образования публиковать данные о среднем балле ЕГЭ по школам. Сейчас это один из немногих критериев оценки качества школьного образования. К ЕГЭ предъявляют очень много претен-

зий, но тем не менее опыт показывает, что в хороших школах оценки ЕГЭ гораздо выше среднего показателя. Но пока Министерство образования не готово публиковать такие данные.

Для сравнения, в 2012 г. в Великобритании была опубликована база всех учеников Великобритании (National Pupil Database). Без имен и фамилий, но с указанием школ, районов, успеваемости и многого другого. Публикацию этой базы лоббировало огромное количество коммерческих компаний, дата-аналитиков, которые на ее основе оценивают качество школ по всей Великобритании. Однако ряд некоммерческих организаций, к примеру, Open Rights Group, высказывали опасения. В первую очередь потому, что при наличии некоторых навыков программирования и данных соцсетей можно идентифицировать конкретного ученика. Этот процесс называется повторная идентификация, *reidentification*. В российском законе о персональных данных нет такой концепции, но это серьезный вопрос — что делать в ситуации, когда по публикуемым государством анонимным данным можно вычислить конкретного человека.

Простой пример: предположим, в реестре учеников не будут публиковаться ФИО, но будет публиковаться номер телефона и успеваемость по каждому ученику. Через номер телефона, используя социальные сети и другие источники, можно с легкостью идентифицировать конкретного человека. Этим пользуются некоторые бизнесы — просят клиентов оставить номер телефона, по которому, используя другие источники, собирают дополнительную информацию. Люди, как правило, не задумываясь, сообщают свой номер телефона, это же не номер паспорта. Аналогично можно использовать и адрес электронной почты.

Коллеги из Германии — а немцы вообще самые параноидальные из всех европейцев по части персональных данных — проводили исследования о том, что можно узнать о человеке, имея о нем минимум сведений. Так, в одном исследовании выявили, что зная почтовый индекс и фамилию, имя и отчество человека, можно идентифицировать его в 80% случаев. В нашей стране вопросы повторной идентификации на официальном уровне пока не обсуждаются.

Вернемся к теме госзакупок. Если госорган заключает контракт с индивидуальным предпринимателем или физлицом, он обязан опубликовать некоторые его персональные данные. Этого требует Федеральный закон о госзакупках, устанавливающий исключение из Закона о персональных данных. Фактически это означает следующее: если вы вступили в финансовые отношения с государством, особенно если вы являетесь ИП, всегда есть вероятность, что ваши данные будут опубликованы в открытом доступе и вы их не сможете удалить. Никогда.

Одним из главных барьеров приватности и нашей защитой от подобного раскрытия информации является то, что большинство госдокументов до сих пор публикуется в отсканированном виде. Для тех, кто работает с данными, это проклятие, а для граждан — главная защита, потому что пока еще поисковые системы не научились автоматически извлекать информацию из документов в формате PDF, TIFF и т. п.

Открывать информацию о себе большинство чиновников не спешит. И получить, например, декларации о доходах от большинства чиновников в машиночитаемом виде очень трудно. Они публикуются в отсканированном виде, причем сознательно, чтобы с ними было максимально неудобно работать. Впрочем, публиковать

информацию о рядовых гражданах, не относящихся к госаппарату, чиновники готовы. Одна из причин, почему у нас в стране открываются данные по госзакупкам, заключается в том, что за открытие данных отвечает Федеральное казначейство, а не те ведомства, которые закупки осуществляют.

Сейчас публикация договоров в виде сканов — единственный барьер, ограничивающий возможности поиска информации. Но российские и зарубежные компании активно занимаются разработкой софта для распознавания текста, и однажды поиск по этим документам станет возможен. Люди тут же начнут искать друг друга и найдут немало интересного.

Подводя итоги, отмечу несколько моментов. Наше государство публикует очень много данных, но не всегда проработано подходит к проблеме. Если не вести общественную дискуссию, не заниматься всесторонним и максимально широким обсуждением вопроса, количество проблем, связанных с раскрытием или нераскрытием данных, будет расти. Нужно быть готовым к тому, что чем дольше тема персональных данных будет развиваться, тем больше данных будет выходить в открытый доступ. До тех пор пока мы не начнем формировать общественный запрос не только на открытость, но и на приватность нашей личной жизни, мы не сможем контролировать эти процессы. И люди, владеющие несложными технологиями, смогут узнавать о нас гораздо больше, чем мы бы хотели.

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
М
О
К

Членство в Клубе включает в себя: **ПРИГЛАШЕНИЯ** на заседания Клуба и мероприятия ПИР-Центра; **ПОДПИСКУ** на электронную версию журнала *Индекс Безопасности*, на ежемесячный бюллетень эксклюзивной аналитики *Russia Confidential* и другие публикации; **ДОСТУП** к монографиям и докладам Клуба и его партнеров.

Международный клуб *Триалог*, отметивший свое двадцатилетие в 2013 г., является местом встреч дипломатов, экспертов и представителей бизнеса.

Триалог — международный экспертный клуб, предлагающий своим членам профессиональный взгляд на внешнюю политику России и эксклюзивный анализ подходов страны к ключевым вопросам международной повестки дня.

В состав клуба *Триалог* входят более 40 индивидуальных и корпоративных членов, включая дипломатов, экспертов и бизнесменов.

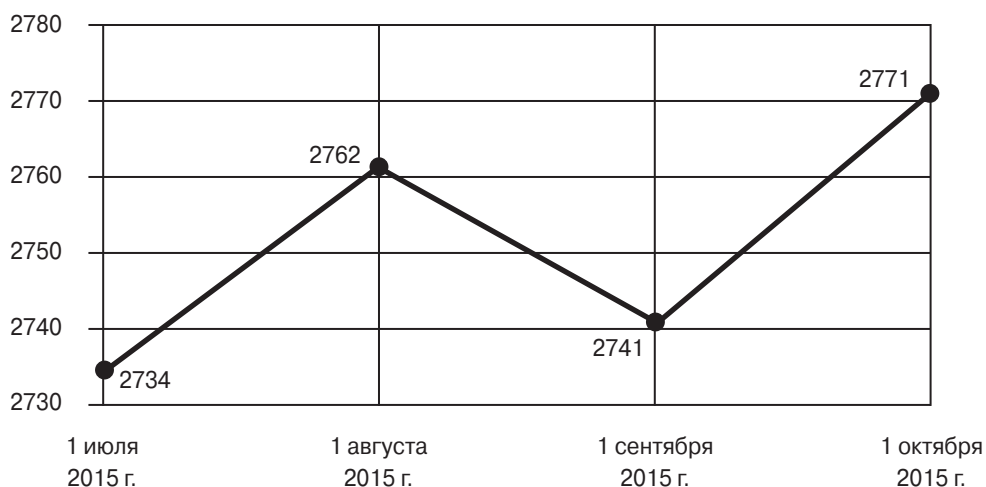
На заседаниях Клуба выступали заместитель министра обороны РФ Анатолий **Антонов**, Постоянный представитель России при ОДКБ Виктор **Васильев**, президент Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег Владимир **Нечаев**, председатель комитета Государственной Думы РФ по образованию Вячеслав **Никонов**, заместитель министра иностранных дел РФ Сергей **Рябков**.

Заседания Клуба проводятся четыре раза в год в Москве и один раз в год за рубежом в формате делового завтрака. Общение носит неформальный характер, основной доклад сопровождается серией вопросов и ответов.

secretary@trialogue-club.ru — телефон: +7 (985) 764-98-96

График 1. Индекс международной безопасности *iSi* в июле-октябре 2015 г.

➔ **Галия Ибрагимова, Евгений Бужинский, Дайан Джаятеллека, Сержио Дуарте, Пал Дунай, Николай Злобин, Халил Каравели, Андрей Картунов, Абдулазиз Сагер, Евгений Сатановский, Фарход Толипов, Нандан Унникришнан, Мустафа Фетуори.**
ИНДЕКС *iSi* В ИЮЛЕ-ОКТАБРЕ 2015 г.: НА ХРУПКОМ ДНЕ

Летом-осенью 2015 г. показатели Индекса международной безопасности (*iSi*) продолжили демонстрировать разнонаправленную динамику. На 1 июля значение Индекса *iSi* составило **2734**, снизившись на 34 пункта по сравнению с показателями, зафиксированными на 1 июня. Его снижение, а значит ухудшение состояния безопасности в мире, произошло из-за возобновившихся вооруженных столкновений на юго-востоке Украины, а также усиления позиций боевиков группировки *Исламское государство*, признанной в России и в ряде других стран террористической организацией, на Ближнем Востоке. 1 августа значение *iSi* повысилось на 28 пунктов, составив **2762** пункта. Повышение Индекса, а значит улучшение состояния безопасности в мире, в этот период было связано с достигнутым в июле историческим соглашением по иранской ядерной программе между Тегераном и *шестеркой* международных посредников. Значение *iSi* на 1 сентября снизилось до **2741** пункта в результате нестабильности цен на энергоресурсы и падения китайского фондового рынка в августе, которое оказало негативное влияние на мировую экономику. 1 октября Индекс *iSi* снова вырос до **2771** пункта, что связано с заявлениями лидеров мировых держав, сделанными на 70-й сессии Генассамблеи ООН продолжить противостоять ИГ на Ближнем Востоке, а также содействовать устойчивому развитию во всех сферах общественной жизни.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И АФРИКА

Главную угрозу безопасности Ближнего Востока летом-осенью представляла террористическая группировка *Исламское государство*, продолжившая захватывать новые территории в регионе и вербовать в свои ряды новобранцев на Западе и в странах СНГ.

В **Ираке** летом боевики ИГ взяли под свой контроль город Рамади, расположенный в 100 км от Багдада. Власти страны обвинили коалицию по борьбе с ИГ под руководством США в бездействии и непонимании ситуации. Иракская армия и шиитские ополченцы приступили к операции по возвращению контроля над Раккой, однако отвоевать город у ИГ не удалось.

В **Сирии** в июне отрядам сирийских курдов при поддержке с воздуха западных союзников удалось потеснить боевиков ИГ, продвинуться к фактической столице ИГ городу Ракка и освободить несколько населенных пунктов на границе с Турцией. Но в июле-августе боевики ИГ вернули под свой контроль сирийские города Айн-Иса, Эль-Карьятайн, Кобани. Правительственные войска Сирии и Ирака, международная коалиция во главе с США, курдские, ливанские и иракские шиитские ополченцы продолжают противостоять ИГ. 30 сентября Россия нанесла авиаудары по позициям ИГ в Сирии. Между тем в стране не прекращается вооруженное противостояние между правительственными войсками и группировками умеренной оппозиции.

В **Турции** в июне между боевиками ИГ и курдским населением шли бои за город Суруч, расположенный рядом с сирийским приграничным городом Кобани. В июле в Суруче ИГ совершило серию терактов, в результате которых погибли

Николай Злобин (США), президент Центра глобальных интересов — по телефону из Вашингтона:

Безопасность в мире ухудшилась. Неспособность решить проблему беженцев с Ближнего Востока и из Северной Африки в Евросоюзе не только дестабилизирует мировую безопасность, но и демонстрирует отсутствие эффективных механизмов решения проблемы в регионе. Удастся ли ЕС сформировать систему приема беженцев, как проблема беженцев повлияет на нормальное функционирование государственных органов ЕС, попадут ли исламские террористы в Европу с потоками беженцев — все это станет более-менее понятно ближе к зиме-весне 2016 г.

До сих пор не найдено эффективного решения кризиса вокруг Сирии, где продолжается война. Руководимая США международная коалиция по борьбе с ИГ показывает низкую эффективность. Это происходит из-за того, что входящие в коалицию страны преследуют в Сирии собственные цели. В сирийский конфликт втягиваются все больше ближневосточных стран и игроков извне, что сильно дестабилизирует ситуацию в регионе и мире. Шансы, что Сирия сохранится как единое государство, невелики. От того, удастся ли действующим игрокам договориться о будущем сирийской государственности и включат ли в него президента Б. Асада, будет зависеть безопасность в мире зимой 2015/2016 г.

Решение Вашингтона переоснастить часть своих войск в Европе новым ядерным оружием вызвало обеспокоенность в мире. Хотя ядерные боеголовки США находились в Европе всегда, и мир к этому привык, сегодня, когда речь идет о новом и более точном оружии, реакция России и других неядерных государств — не членов НАТО может быть крайне негативной. Не исключено, что Москва решит подвинуть свои ракеты Искандер ближе

к западной границе, что нанесло бы серьезный ущерб национальным интересам США и их союзников в Европе. От способности сторон договориться о новых элементах европейской безопасности — с учетом планов США разместить новое ядерное оружие в Европе и продолжить здесь свою программу ПРО — будет зависеть безопасность в регионе в среднесрочной перспективе.

На безопасность в мире позитивно повлияли переговоры между Б. Обамой и Си Цзиньпином в ходе состоявшегося в сентябре официального визита китайского лидера в США. Обе стороны продемонстрировали намерение снять наиболее острые вопросы в своих отношениях. Не уверен, что противоречия будут устранены, но в некоторых сферах, например в киберпространстве, где отношения зашли в тупик, возможны улучшения. В рамках визита председателя КНР в США прошла конференция на самом высоком уровне с участием людей, вовлеченных в противостояние двух стран в киберпространстве. Думаю, проблема может быть разрешена, так как ее причина носит скорее экономический, а не военный характер. Возможны улучшения ситуации в Юго-Восточной Азии, где противоречия США и Китая носили острый характер.

Осенью на Украине и в Восточной Украине планируются выборы в местные органы власти. От того, насколько мирно они пройдут, удастся ли удерживать контроль над тяжелым оружием и нанесет ли это ущерб Минским соглашениям, будет зависеть безопасность в мире. При этом украинский кризис оказывает на мировую безопасность меньшее воздействие, чем полгода назад. Это связано с тем, что внимание мировых игроков сегодня сосредоточено на других регионах и проблемах.

Сержио Дуарте (Бразилия), посол, высокий представитель ООН по вопросам разоружения (2007–2012 гг.) — по электронной почте из Белу-Оризонте:

Уровень безопасности изменился незначительно. Позитивным событием стало достижение Всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Похоже, что сделка с Ираном сможет преодолеть консервативную оппозицию в США и Иране, а это может снизить уровень конфронтации на Ближнем Востоке и в целом позитивно отразится на мировом климате безопасности.

Качественная гонка вооружений между ядерными державами и их нежелание вступать в многосторонние переговоры по разоружению — серьезный источник тревоги и мировой нестабильности. Модернизация США и Россией своих ядерных

арсеналов, растущие способности Пакистана и Индии по совершенствованию ядерного потенциала, возобновление Северной Кореей работ по созданию собственного ядерного оружия — вот основные негативные тенденции периода.

В Латинской Америке и странах Карибского бассейна ситуация стабильна. Приграничные трения между Колумбией и Венесуэлой удалось разрешить мирным путем. Исторически хорошие отношения стран региона и совместные усилия по улучшению жизненных условий населения, а не военная модернизация — позитивные тенденции периода.

более 30 человек. 25 июля Турция начала атаки на позиции курдов на севере Ирака. Поводом стали убийства турецких полицейских, ответственность за которые взяла на себя *Рабочая партия Курдистана* (РПК). Параллельно с атаками на РПК турецкие военные наносили удары на позиции ИГ на севере Сирии.

В **Египте** на севере Синайского полуострова в июле ИГ совершило серию терактов на военные блокпосты; погибли более 70 человек. Израиль закрыл все контрольно-пропускные пункты на границе с Египтом.

В **Ливии** боевики ИГ захватили 200 км побережья к востоку и западу от города Сирта.

В **Йемене** продолжился вооруженный конфликт между повстанцами-хуситами из шиитского движения *Ансар-Аллах*, лояльной экс-президенту Али Абдалле Салеху частью армии и противостоящими им войсками изгнанного президента Мансура **Хади**, поддерживаемыми Саудовской Аравией. В середине июля возглавляемая саудитами коалиция арабских стран отбила у повстанцев-хуситов порт Аден. В августе коалиция начала здесь высадку военнослужащих, чтобы обеспечить безопасное возвращение президента Хади в его временную резиденцию и захватить стратегически важную базу близ Адена.

Иран и шестерка международных посредников 14 июля на переговорах в Вене достигли всеобъемлющих договоренностей по ядерной программе Ирана, которые вводят существенные ограничения в ее развитие; в обмен в отношении Исламской республики Иран приостанавливается многолетний режим санкций.

Израиль и Палестина летом нанесли несколько авиаударов по позициям друг друга. В сентябре на полях 70-й сессии Генассамблеи ООН прошла встреча *четверки* посредников по ближневосточному урегулированию. Приглашения присоединиться к переговорам получили также главы МИДов Египта, Иордании, Саудовской Аравии и генсек ЛАГ.

В **Тунисе** 26 июня около города Сус террористы напали на прибрежный отель. По разным данным, погибли 30 человек, несколько десятков были ранены.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ–США

Проблема беженцев. Военно-политическая напряженность в странах Ближнего Востока и Северной Африки стала причиной массового бегства гражданского населения из зон конфликта в страны Европы. Власти Евросоюза (ЕС) летом не смогли справиться с потоками беженцев. Болгария, Венгрия, Хорватия, Сербия заявили, что не в состоянии более оказывать помощь беженцам, и начали принимать ограничительные меры. Германия и Австрия открыли для беженцев свои границы, выразив готовность помочь им. 22 сентября на экстренном заседании министров внутренних дел Евросоюза было одобрено предложение о распределении 120 тыс. беженцев. Несмотря на возмущения ряда государств, документ, вводящий принудительные квоты на прием беженцев, был принят.

Греция. 30 июня греческий премьер-министр А. **Ципрас** выразил готовность принять условия Международного валютного фонда (МВФ). Единственным условием премьера было введение тридцатипроцентной налоговой льготы для греческих островов в связи со сложностью их снабжения необходимыми товарами и ресур-

Андрей Картунов (Россия), генеральный директор Российского совета по международным делам — по телефону из Москвы:

Летом в мире наблюдались как позитивные, так и негативные тенденции, но в целом можно констатировать дальнейшее снижение уровня безопасности. Если говорить о безопасности в России и на постсоветском пространстве, особых изменений не произошло.

Не удалось продвинуться в выполнении Минских соглашений. Не думаю, что они будут выполнены до конца года, как планировалось. Тем не менее эти соглашения позволили снизить интенсивность конфликта на востоке Украины, и режим прекращения огня начал выполняться более последовательно. В этом смысле можно говорить о позитивной динамике.

Наблюдалось обострение ситуации в Нагорном Карабахе, и, соответственно, усилились противоречия между Арменией и Азербайджаном.

Зимой 2015/2016 г. серьезного улучшения ситуации не предвидится главным образом из-за ситуации на Ближнем Востоке. Подключение России к борьбе с ИГ не приведет к быстрому изменению ситуации; существуют проблемы координации действий участников противостояния, которые могут вылиться в столкновения. По всей видимости, между Россией и США есть определенная договоренность по координации действий в Сирии, обмену информацией и сферам ответственности. Но Москва не войдет в коалицию, возглавляемую американцами по борьбе с ИГ. Трудно ожидать, что и Вашингтон присоеди-

нится к коалиции с Россией и режимом Б. Асада, Ираном и, возможно, Ираком. Во многом это обусловлено тем, что США вступают в новый избирательный цикл, а это ограничивает возможности нынешней администрации идти на какие-либо внешнеполитические подвижки. Определенный прогресс в российско-американских отношениях по сирийскому направлению возможен, но он весьма ограничен. Вряд ли он будет распространен на украинскую проблему. Не думаю, что в ближайшем будущем есть надежда на кардинальный прогресс в российско-американских отношениях.

Проблему беженцев из стран Ближнего Востока в Европу быстро решить не удастся, а это чревато угрозой проникновения исламских террористов в Европу, что подрывает безопасность в регионе и мире.

Сохраняется угроза дальнейшей дестабилизации Северной Африки, где конфликт в Ливии остается главным очагом опасности.

Большие риски несет в себе ситуация в Афганистане, в особенности на севере страны. Захват талибами города Кундуз показал, что группировка имеет возможности для проведения масштабных операций, соответственно, сохраняется угроза перехлеста этой нестабильной ситуации на территорию Центральной Азии, что создает дополнительные риски безопасности.

Фарход Толипов (Узбекистан), директор негосударственного научно-образовательного учреждения Караван знаний — по электронной почте из Ташкента:

Ситуация в мире ухудшилась из-за положения на Ближнем Востоке и Украине. Действия ИГ вызвали небывалую волну беженцев в Европу, похожую на всемирное переселение народов. Проблема не в том, что мировое сообщество не может справиться с новыми вызовами, а в небывалом обострении геополитической борьбы и очевидном возврате к модели отношений времен холодной войны. Импликации таких турбулентностей непосредственно ощущаются и в других геополитически уязвимых регионах, в том числе в Центральной Азии. К тому же тревожит своеобразное привыкание к новому мировому беспорядку.

Состояние безопасности в Центральной Азии также имеет тенденцию к ухудшению. Это связано с дестабилизацией обстановки в Таджикистане в контексте запрета деятельности Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ).

Накаляется обстановка в соседнем с регионом Афганистане из-за раскола в рядах Талибана, а также в связи с активизацией деятельности Исламского движения Узбекистана (ИДУ), объявившего летом о верности ИГ.

Саммит ШОС, состоявшийся летом, вывел организацию на новый уровень в связи со вступлением в нее Индии и Пакистана, а также включением новых стран-партнеров. ШОС может стать важной платформой для содействия решению афганского вопроса.

На саммите ШОС президент Узбекистана И. Каримов сделал важные заявления, связанные с региональной ситуацией, а также предложил создать специальную комиссию ООН по ИГ для выработки путей борьбы с ним. Это говорит о новой внешнеполитической активизации Узбекистана как ключевого государства в Центральной Азии.

сами. 5 июня в стране состоялся референдум по вопросу о том, следует ли принимать фискальные меры, предложенные ЕС, МВФ и ЕЦБ. Более 60% греков проголосовали против нового соглашения с кредиторами. 20 августа А. Ципрас ушел в отставку, но 20 сентября на досрочных парламентских выборах он снова одержал победу и занял пост премьер-министра Греции.

На **Кипре** в начале сентября прошли переговоры о воссоединении с непризнанной Турецкой Республикой Северного Кипра. В конце июля президент Кипра Н. Анастасиадис и глава непризнанной Турецкой Республики Северного Кипра М. Акынджи договорились о структуре будущего парламента единого государства и его возможном названии — Федерация объединенного Кипра.

Испания. 27 сентября в Каталонии на внеочередных парламентских выборах победу одержали сторонники выхода автономии из состава Испании.

Министерство обороны **США** 1 июля обнародовало национальную военную стратегию, предусматривающую в том числе противодействие *ревизионистским государствам*, нарушающим международные нормы права.

С 23 по 26 сентября председатель КНР Си Цзиньпин совершил первый государственный визит в США. В ходе встречи лидеров США и Китая были обсуждены вопросы экономического и политического сотрудничества двух стран, а также проблема кибербезопасности двух стран. Сторонам удалось принять соглашение о борьбе с изменением климата.

СИТУАЦИЯ НА УКРАИНЕ

Летом на юго-востоке Украины в Донецкой области имели место обстрелы населенных пунктов. Периодически возобновлялись бои у села Широкино под Мариуполем. Под обстрел попадали города Красногоровка, Марьинка, Авдеевка, Горловка, Николаевка. Украинская армия и ополченцы обвиняли в нарушении режима прекращения огня друг друга. 2 июля Петр Порошенко внес в Верховную раду проект изменений конституции, предусматривающий децентрализацию власти при сохранении унитарной модели государства. В начале сентября украинский президент подписал указ о проведении 25 октября местных выборов. Представители самопровозглашенных ДНР и ЛНР подписали указы о проведении выборов на подконтрольных территориях 18 октября и 1 октября соответственно. Украинские власти раскритиковали это решение, заявив, что выборы по всей стране должны пройти в строгом соответствии с национальным законодательством. 2 октября на встрече глав *нормандской четверки* в Париже Ф. Олланд и А. Меркель выступили против проведения выборов в ДНР и ЛНР в иные, чем на территории всей Украины, сроки. В ходе встречи лидеры четырех стран признали, что *Минские соглашения* в целом соблюдаются, но для полного урегулирования конфликта необходимо продлить сроки их выполнения.

ЕС продлила санкции против России до полного выполнения *Минских соглашений*. Россия продлила продуктовое эмбарго на европейскую продукцию.

США в июле ввели новые санкции в отношении России. В черный список попали граждане и компании, задействованные в схемах по обходу прежних санкций.

Евгений Бужинский (Россия), председатель совета ПИР-Центра, генерал-лейтенант (запаса) — по телефону из Москвы:

Уровень безопасности в мире не изменился в силу того, что ситуация на Украине не улучшилась, а в Сирии — ухудшилась. В регион Ближнего Востока наибольшее негативное влияние оказывает продолжающийся вооруженный конфликт в Сирии, в ходе которого боевики ИГ постоянно усиливают давление на противостоящие им части вооруженных сил Сирии. Авиационные удары, наносимые по позициям боевиков силами коалиции во главе с США, особого эффекта не имеют и к перелому в боевых действиях не приводят.

Позитивными событиями периода стали прекращение огня на востоке Украины и интенсификация деятельности рабочих групп по реализации минских договоренностей.

Зимой 2015/2016 г. ситуация и на Ближнем Востоке, и на Украине будет зависеть от результатов встречи Б. Обамы и В. Путина 28 сентября

в Нью-Йорке в рамках юбилейной 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также встречи Нормандской четверки 2 октября. На встрече президентов России и США возможно достижение компромисса по Сирии по следующему сценарию: Обама соглашается на совместные с Б. Асадом действия против исламистов при условии его отказа от власти после достижения военной победы. В этом случае возможны совместные действия России и США против ИГ. На встрече в нормандском формате Путин наверняка будет добиваться выполнения Киевом политической части Минских соглашений. Это прежде всего амнистия, статус в обмен на отказ Донецка и Луганска от проведения местных выборов 18 октября и 2 ноября соответственно. В случае провала обеих встреч (что не исключено) обстановка и на Украине, и в Сирии будет ухудшаться.

Халил Каравели (Турция–Швеция), руководитель проекта по Турции Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при Университете Джонса Хопкинса — по электронной почте из Стокгольма:

Обстановка в мире оставалась угрожающей из-за непрекращающейся войны в Сирии. Война спровоцировала проблему ближневосточных беженцев для Евросоюза и поставила под вопрос его единство. Зимой 2015/2016 г. безопасность в регионе будет зависеть от того, смогут ли региональные силы, а также Запад и Россия разрешить войну в Сирии. Ситуация улучшится, если будут предприняты совместные усилия для урегулирования конфликта. Если консенсуса достичь не удастся, кризис на Ближнем Востоке продолжится, все больше угрожая безопасности Европы.

Другое негативное событие периода — возобновление Турцией войны против курдов. Если Р.Т. Эрдоган продолжит принимать агрессивные военные меры против курдского движения, единство самой Турции окажется под угрозой.

Достигнутое соглашение по ядерной программе Ирана — единственное позитивное событие в регионе за прошедший период и большой шаг вперед в урегулировании ситуации на Ближнем Востоке.

Нандан Унникришнан (Индия), директор по евразийским исследованиям, старший научный сотрудник Исследовательского фонда Observer — по телефону из Нью-Дели:

Состояние безопасности в Южной Азии ухудшилось под воздействием обострения ситуаций в Афганистане и Сирии. Вмешательство России в сирийское противостояние может стать катализатором более сплоченных международных действий в борьбе с ИГ. Активизация талибов в Афганистане и захват ими Кундуза может иметь серьезные последствия для Таджикистана и Узбекистана, расположенных неподалеку от стран Южной Азии.

Отношения Индии и Пакистана снова стали ухудшаться, несмотря на данные их лидерами на саммите ШОС в Уфе обещания усиливать диалог. Непал и Мальдивы столкнулись с проблемой политической нестабильности.

Ядерная сделка с Ираном — позитивное событие для Южной Азии. Политическая и экономическая

активизация Тегерана в регионе позволит Индии укрепить с ним сотрудничество. Дели заинтересован в кооперации с Ираном, укреплении сотрудничества с Центральной Азией и Европой и завершении строительства транспортного коридора Север–Юг. Есть перспектива улучшения связей Индии со Шри-Ланкой, Бангладеш, Мьянмой, что стабилизирует ситуацию в регионе.

Зимой 2015/2016 г. не произойдет улучшений, если так и не будет сформирована международная коалиция против ИГ с участием всех заинтересованных игроков. Многие будут зависеть от развития ситуации на Украине и санкционной политики Европы против России. Отчуждение Москвы и Запада — серьезный фактор глобальной нестабильности.

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

В **Молдавии** 14 и 28 июня прошли два тура выборов в местные органы власти. По их результатам правящие проевропейские партии сохранили контроль в большинстве районов страны. В течение сентября в стране проходили антиправительственные демонстрации с требованием отставки президента и правительства.

В сентябре резко обострилась обстановка на границе между **Арменией, Нагорным Карабахом и Азербайджаном**. Впервые с 1994 г., когда было достигнуто перемирие по нагорнокарабахскому конфликту, здесь была зафиксирована стрельба из крупнокалиберной артиллерии. Армения заявила, что огонь был открыт Азербайджаном, и сообщила о жертвах среди армянских военных.

Киргизия 2 июля разорвала соглашение о сотрудничестве с США, заключенное в 1993 г. Поводом для демарша стало присуждение Госдепартаментом США премии осужденному киргизскому правозащитнику.

В **Таджикистане** 4 сентября совершено вооруженное нападение на здание ОВД в Вахдате и центральный аппарат Министерства обороны страны. Нападавшие скрылись в горах. Таджикские власти обвинили в содеянном бывшего замминистра обороны генерала Абдухалима Назарзоду и расценили случившееся как попытку вооруженного переворота радикальных религиозных сил. Во главе этих сил, по мнению официального Таджикистана, стояла Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ), деятельность которой была официально запрещена в стране в конце августа. Операция по нейтрализации генерала Назарзоды и его сообщников продолжалась две недели. В результате мятежный генерал был уничтожен.

14–15 сентября в **Душанбе** состоялся очередной ежегодный саммит ОДКБ. Ключевой темой заседания участников организации стала борьба с террористическими угрозами.

8–9 июля в **Уфе** состоялся саммит БРИКС, в ходе которого был подписан план развития объединения на следующий год. Важным итогом саммита стало подписание соглашения о создании Нового банка развития БРИКС.

10 июля в **Уфе** прошел очередной ежегодный саммит Шанхайской организации сотрудничества под председательством России. На саммите был запущен процесс присоединения к организации Индии и Пакистана. По итогам саммита была принята *Стратегия развития ШОС до 2025 г.*

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ И ЯДЕРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

США заявили, что не исключают размещения в Европе ракет наземного базирования. Глава МИД Великобритании Филип **Хэммонд** не исключил возможности возобновления базирования американских ракет средней дальности в стране. Такие меры могут быть предприняты Западом в ответ на якобы допущенные российской стороной нарушения Договора о ракетах средней и меньшей дальности.

Этим летом в НАТО велись переговоры о возможном размещении тяжелого вооружения в ряде стран Восточной Европы и Балтии для защиты от возможной *российской агрессии* в Европе.

Дайан Джаятеллека (Шри-Ланка), посол, профессор, Университет Коломбо — по электронной почте из Коломбо:

Позитивными событиями периода стали принятие Всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, а также неспособность израильского лобби и Республиканской партии в Конгрессе США заблокировать этот документ. Демократы бросили все силы на утверждение соглашения с Ираном в законодательном органе страны. На Ближнем Востоке сделка с Ираном позволила предотвратить новый виток жесткого противостояния между региональными державами, который мог бы распространиться далеко за пределы региона.

Негативные тренды периода — эскалация конфликта в Сирии и исход беженцев из стран Ближнего Востока в Европу. Эти взаимосвязан-

ные проблемы снова остро поставили вопрос об интервенции Запада в Сирию. Вместе с тем решение о военном вмешательстве в сирийский конфликт только усугубит проблему.

В Южной Азии попытки снизить приграничные противоречия между Индией и Пакистаном провалились, а это несет угрозу для безопасности региона. Приход к власти в Шри-Ланке нового руководства ознаменовал собой охлаждение отношений с Китаем и резкий разворот в сторону Запада.

Зимой 2015/2016 г. нестабильность глобальной экономики, активизация действий ИГ, возможная западная интервенция в Сирии станут основными причинами ухудшения безопасности в мире.

Пал Дунай (Венгрия), директор Академии ОБСЕ в Бишкеке — по электронной почте из Бишкека:

Несмотря на снижение интенсивности конфликта на юго-востоке Украины состояние безопасности в Евроатлантическом регионе ухудшилось. Недоговоренность между Россией, Европой и США по ряду вопросов региональной и международной повестки вылилась в открытое противостояние между ними и угрожает эскалацией конфликта.

Появляется все больше доказательств поддержки Россией сепаратистов на юго-востоке Украины, но Европа по-прежнему разделена, и нет единства мнений насчет того, как разрешить украинский кризис. Некоторые государства-члены ЕС хотят скорее найти компромисс по Украине, отменить антироссийские санкции и уступить российской риторике по вопросу статуса Крыма. Это подрывает единство ЕС. США и ЕС говорят о необходимости выработать долгосрочную стратегию по Украине, но никто не хочет тратить миллиарды евро на восстановление украинской эко-

номики, а следовательно, противостояние между восточными и западными регионами Украины продолжится.

Усиливаются противоречия между Западом и Россией, касающиеся влияния Москвы в международных делах. Это не новая холодная война, скорее речь идет о серьезной битве из-за места России в системе международных отношений. Никто не отрицает, что Россия — великая держава. Просто на Западе Россия воспринимается как неравномерно развивающаяся великая держава. России придется приложить немало сил, чтобы найти свое место на мировой арене, которое удовлетворяло бы ее и было бы приемлемо для других центров силы. Продолжит ли Россия отстаивать желаемый статус через силу оружия — большой вопрос, ответ на который будет иметь серьезные последствия для всей международной системы.

Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива — по электронной почте из Дубая:

Летом-осенью состояние безопасности на Ближнем Востоке оставалось крайне неустойчивым. Ни в одной из конфликтных зон в регионе не намечалось улучшений или попыток найти решение проблемы. Те решения, которые предлагались сторонами противостояний или внешними акторами, не только не решили конфликт, но и привели к его эскалации.

Самой серьезной угрозой для ближневосточной безопасности остаются войны в Сирии и Йемене, которые далеки от завершения. Единственным позитивом прошедшего периода стала достигнутая ядерная сделка с Ираном, ядерная програм-

ма которого долгое время была главным вызовом региональной безопасности. Остаются определенные сомнения по поводу того, как соглашения с Тегераном будут реализовываться, но очевидно, что достигнутый компромисс позволил региональным и международным участникам сфокусироваться на других, более важных проблемах, таких как разрешение кризиса в Сирии.

Зимой 2015/2016 г. безопасность в регионе и мире не улучшится, а многие проблемы на Ближнем Востоке будут лишь зацементированы на долгий срок.

В июле **США** заявили, что не откажутся от создания системы противоракетной обороны (ПРО) для противодействия иранской ракетной угрозе, несмотря на достигнутое соглашение по ядерной программе Ирана. В Вашингтоне считают, что ПРО необходима для защиты от крупных запасов баллистических ракет в Иране.

27 августа между **Казахстаном** и МАГАТЭ подписано соглашение о создании в стране первого в мире Банка низкообогащенного урана. Банк будет находиться под контролем мирового сообщества. Страны, на территории которых функционируют АЭС, смогут приобрести низкообогащенный уран в казахстанском банке, если их традиционные поставщики не смогут по каким-либо причинам поставить топливо.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ, ЮЖНАЯ АЗИЯ

В июне в **Китае** началось падение фондового рынка. По итогам торгов 26 августа китайский фондовый рынок показал самое серьезное падение начиная с 1996 г. Падение индексов составило 10%. Это негативно повлияло на экономики стран Запада и России.

2 июля в **Китае** был принят новый закон о национальной безопасности, заменивший документ 1993 г. По новому закону КНР будет защищаться не только от попыток госпереворотов, но и от враждебного влияния на экономику, культуру и Интернет.

В августе возобновились переговоры на высоком уровне между **КНДР** и **Южной Кореей**, направленные на разрешение кризиса в отношениях двух стран.

В **Афганистане** в конце сентября боевики террористического движения *Талибан* в результате штурма захватили город Кундуз. Между талибами, армией Афганистана, американскими войсками вспыхнули ожесточенные столкновения с целью отбить Кундуз.

Цены на нефть летом-осенью продолжили снижение, что негативно отразилось на экономиках стран-экспортеров нефти.

Галия Ибрагимова

Евгений Сатановский (Россия), президент Института Ближнего Востока — по электронной почте из Москвы:

Состояние безопасности в мире ухудшилось. Спровоцированный Турцией при поддержке Катара и Саудовской Аравии кризис беженцев, ударивший по Евросоюзу, наряду с операцией коалиции аравийских монархий в Йемене — вот наиболее негативные события периода. Активизация России в Сирии и договоренность высшего руководства Израиля и России о координации действий стали одними из немногих позитивных событий осени.

Зимой 2015/2016 г. уровень безопасности будет снижаться, особенно если Саудовская Аравия продолжит экспансию в Йемене, а Катар, Турция и Саудовская Аравия — в Сирии. При этом сохраняется опасность участия в войне против Б. Асада стран НАТО. Улучшения возможны, если ИГ и другие исламистские группировки в Сирии и Ираке потерпят серьезный урон от действий Ирана и его союзников.

Достижение Всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе между шестер-

кой международных переговорщиков и Тегераном — неоднозначное событие. Переговоры продемонстрировали профессионализм переговорщиков, а внешних партнеров заставили обратиться к России за помощью. Но большой вопрос — выгодна ли сделка с Ираном для Москвы? Поскольку американцы в любом случае решили договариваться с Ираном, можно было участвовать в процессе или выйти из него, что было одинаково бессмысленно.

Соглашение с Ираном может поспособствовать созыву конференции о создании зоны, свободной от оружия массового уничтожения, на Ближнем Востоке, но в реальности такой зоны в регионе все равно не будет. Иран станет обладателем ядерного оружия, на Ближнем Востоке начнется гонка ядерных вооружений, а режим нераспространения рухнет. Цель конференции — а сама конференция, конечно, просто уловка арабских стран и Ирана — разоружить Израиль. Но в современной ситуации в регионе это нереально.

Мустафа Фетоури (Ливия), независимый аналитик и журналист — по электронной почте из Парижа:

Демографические и этнические угрозы, заложницей которых стала Европа в результате полумиллионного потока беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, — серьезная угроза безопасности. Бесконечные ближневосточные войны, поддерживаемые НАТО, впервые стали представлять серьезную угрозу союзникам по этой самой коалиции. Конфликты в Сирии, Ливии, Афганистане, Йемене вынуждают молодых людей спасаться бегством. Многие беженцы, не найдя поддержки в странах, куда удалось бежать, начинают радикализироваться, а это чревато терактами и иными противоправными действиями в странах временного пребывания.

Серьезную угрозу безопасности Северной Африки продолжает представлять ситуация в Ливии. Здесь по-прежнему царит беззаконие, угрожающее долгосрочными проблемами региону. Оставлены последние попытки сформировать национальное правительство и политическим

путем урегулировать конфликт. Улучшение ситуации в Ливии могло бы внести серьезный вклад в урегулирование сирийского и йеменского конфликтов.

Вовлечение России в борьбу против ИГ в Сирии потенциально может ослабить группировку, но это не положит конец войне. Безопасность в Ливане сильно подвержена влиянию сирийского конфликта.

Зимой 2015/2016 г. не стоит ожидать улучшения ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Единственным позитивным моментом в этот период может стать активизация Ирана в урегулировании ситуации в регионе после отмены против него международных санкций. Поощрение Тегерана за миротворческую миссию региональными и внерегиональными державами пойдет на пользу общему положению вещей в регионе.

Confidential

RUSSIA

The circulation of this report has been strictly limited
to the members of the *Dialogue Club International*.
This issue is for the personal use only.

ИСТОЧНИК В МОСКВЕ СООБЩАЕТ:

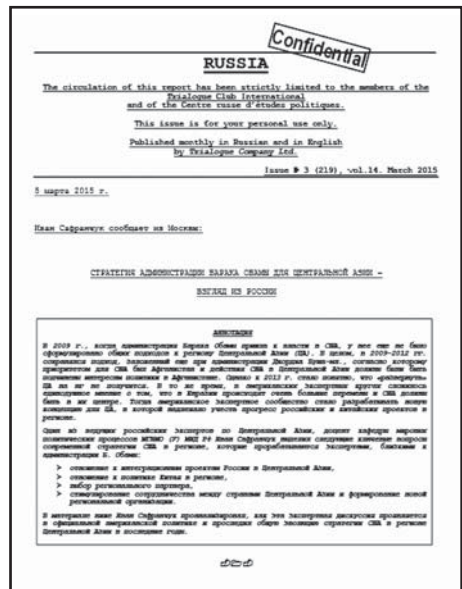
ПИР-Центр и Международный клуб Триалог информируют о развитии аналитического проекта RUSSIA CONFIDENTIAL.

ЦЕЛИ ПРОЕКТА:

- ☐ аналитическое сопровождение новостей мировой политики;
- ☐ информирование читателей об особенностях и нюансах внешней политики России.

В ПРОШЛЫХ НОМЕРАХ:

- ☐ В шаге от сделки: российско-американские рекомендации для всеобъемлющего соглашения по иранской ядерной программе
- ☐ Есть ли будущее у договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
- ☐ Военно-техническое сотрудничество в новых реалиях: кризис вокруг Украины, западные санкции и российский ОПК
- ☐ Поворот России на Восток: проблемы и перспективы
- ☐ Стратегия администрации Барака Обамы для Центральной Азии – взгляд из России
- ☐ БРИКС в глобальном управлении интернетом: время для шага вперед?

В основе каждого номера RUSSIA CONFIDENTIAL – эксклюзивные материалы, переданные в редакцию аналитиками из разных точек мира.

Бюллетень RUSSIA CONFIDENTIAL выходит ежемесячно; рассылка осуществляется по электронной почте членам Международного клуба Триалог на русском или английском языках – по выбору получателя.

Международный клуб Триалог: secretary@dialogue-club.ru
Russia Confidential: rc.pircenter.org

Confidential

Carey Nachenberg. The Florentine Deception. Open Road Distribution, 2015. 334 p.

Флорентийский обман (The Florentine Deception) — первый авторский опыт ИТ-специалиста и вице-президента компании Symantec Кэри Наченберга (Carey Nachenberg), который уже удостоился похвалы среди экспертов по кибербезопасности, хотя его книгу вряд ли можно отнести к специализированной технической литературе. По большому счету это обыкновенный детектив, в котором важную роль играют компьютеры и интернет. Однако у него есть одна особенность: сам автор — эксперт по безопасности в киберпространстве, и воображаемые события, которые происходит в его книге, основаны на реальных технических возможностях.

В начале истории молодой программист Алекс Файф *чистит* компьютер недавно умершего профессора, чтобы передать его новому пользователю. Но в процессе работы Алекс узнает, что у профессора была другая, более опасная, профессия и что где-то в его богатом доме спрятано сокровище, за которым охотятся агенты нескольких государств. Чтобы добыть сокровище Алекс и его друзья ищут в особняке профессора тайные комнаты, занимаются спелеологией, крадутся в морг за трупом и участвуют во многих других приключениях. В какой-то момент ситуация осложняется настолько, что Алекс жалеет о своем решении расследовать эту загадку, но в конце концов именно его технические знания предотвращают мировую катастрофу.

Книга представляет собой прекрасный образчик детективного жанра — она захватывает читателя, от сюжета сложно оторваться. Персонажи очень реалистичны, а сюжет грамотно выстроен. Нет ни одной детали, которая не понравилась бы Чехову (ведь, по его словам, *если в первом акте на стене висит ружье, в последнем оно обязательно выстрелит*). Все персонажи и предметы, которые появляются в первых главах, вновь возвращаются в сюжет в последних. И удивительным образом оказываются очень важными: например, старый преподаватель главного героя помогает ему не только благодаря своим техническим познаниям, но и своей национальности. К тому же само *флорентийское сокровище* и намерения персонажей остаются тайной достаточно долго, чтобы читатель успел вдоволь поразмыслить над заданными загадками.

Все происходящее предельно реалистично: приложения, кибератаки и уязвимости, описанные в книге, вполне вероятны, и принципы их действия изложены ясно и доступно даже для неспециалистов в области компьютерной науки. Иными словами, эта книга может быть интересна и для экспертов в сфере ИКТ, и для людей, от нее далеких.

Е
З
Б
К
Н
Н
Ж
Н
В
Н
О
К
Н

В центре сюжета не технологии, а драматическая история. Однако интерес представляют именно технические детали, и, когда они наконец раскрываются, выясняется, что они весьма актуальны и в реальности. Уязвимость, ставшая завязкой сюжета, появилась, когда принципы работы интернета и компьютерных сетей только закладывались, и нынешних возможностей у киберпреступников не было. В то время сети были относительно небольшими, и самая важная информация в них не хранилась. Теперь же много критических данных и систем управления находятся в сетях: государственная информация, секретные документы, финансовые инструменты компаний, системы управления электростанциями, сотовой связью и т. п. Уязвимость, показанная в этой книге, подчеркивает риски широкого проникновения интернета и его воздействие на все подключенные компьютеры, в том числе те, в которых хранятся государственные базы данных, и те, которые входят в системы управления объектами критически важных предприятий, а также обычные персональные компьютеры. В книге Наченберга объектом нападения хакеров становится вся эта инфраструктура.

Уязвимость в базовом программном обеспечении, подобная описанной в книге, может грозить целым странам прекращением работы телекоммуникаций, транспорта и больниц, ограничением всех государственных, деловых и военных действий, потерей управления на заводах и электростанциях. И эта опасность, как подтверждает ИТ-эксперт Юджин Спаффорд в введении книги Наченберга, вполне реальна. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что в итоге проблема окажется удивительно простой, даже очевидной. А пользователи интернета до сих пор живут с такими дырами в щитах своей защиты, потому что не понимают его структуру и возможную опасность. Страшно читать книгу и понимать, что все это реалистично и вполне может произойти на самом деле. Но можно надеяться, что мировые ИТ-специалисты заинтересовались описанной в книге ситуацией и принялись решать проблему.

Враги главных героев этой повести правдоподобны — российские хакеры достаточно активны в Америке, пусть и не так, как китайские. В целом, читателю *Флорентинского обмана* становится ясно, что группе хакеров довольно легко совершить киберпреступление, которое повредит или даже уничтожит сотни тысяч компьютеров. Таких групп в современном мире много, и их число постоянно растет, ведь в них включаются и государственные агенты, и террористические группировки, и анонимные анархисты, и многие другие.

Российским читателям стоит иметь в виду, что, поскольку автор произведения американец, русские персонажи в книге предельно стереотипичны: повально пьют водку и ругаются матом, — причем и положительные, и отрицательные герои. Но не стоит обижаться — это же просто *классика жанра*!

Эта книга — увлекательное чтение для любителей детективных историй на основе современных технологий, а специалистов не будет раздражать дилетантский подход к техническим деталям. Более того, автор ставит важную проблему в сфере современных ИКТ, которая должна дать пищу для дальнейших размышлений. 🐼

Грейс Митчелл

Обзор нового сайта Министерства иностранных дел России

12 июля сего года Министерство иностранных дел России запустило новую версию официального сайта. *Мид точка ру* обрел современный внешний вид, существенно расширил функционал и стал более удобным для посетителей — впечат-

ляющий результат, который помимо прочего выглядит более прогрессивным, чем аналогичные сайты некоторых ведущих стран. Эти технические изменения имеют и содержательное значение, наглядно отражая растущий в последние годы интерес министерства к интернет-составляющей информационной работы.

Запуск нового сайта МИД — нерядовое событие уже по той причине, что новая версия пришла на смену версии, которая существовала почти 10 лет, с 2006 г. В конце 2011 г. министерство провело *косметический ремонт* портала, сохранив внутреннюю структуру, но изменив оформление главной страницы и добавив новые разделы. Однако тогда уточнялось, что это «не означает запуск полностью обновленной версии», и на протяжении 4,5 лет вопрос о новом сайте находился в стадии изучения и проработки¹.

Первое, что нужно отметить, это новый дизайн. Он стал более сдержанным, синий и голубой цвета в оформлении сменились темно-серым и темно-бирюзовым. Сайт следует принципам плоского дизайна — от объемных элементов, которые еще оставались в версии 2011 г., отказались окончательно. Портал МИДа попадает в негласный клуб сайтов российских госорганов с неодинаковым, но схожим лаконичным стилем — сравните с сайтами президента, правительства или Минкомсвязи.

Главная страница в результате выглядит современно и аккуратно и в хорошем смысле напоминает новостной сайт: информация разбита на несколько тематических блоков, включающих главные материалы, которые можно листать слайдером, основную ленту, группы новостей по актуальным темам и пр. Удачное решение — снимок легендарной мидовской высоты на фоне панорамы Москвы в шапке главной страницы, который, во-первых, связывает виртуальное представительство с реальным местом, а во-вторых, при всей лаконичности сайта встречает посетителей торжественно.

Что касается функциональной части, на сайте появился ряд нововведений, причем некоторые из них оценят прежде всего те, кто пользуются им регулярно. МИД перешел на новую систему управления контентом, поэтому старые ссылки автоматически переадресовываются на архивную версию сайта, доступную по адресу *archive.mid.ru*. Новая система позволила, в частности, в более удобной форме организовать различные разделы сайта.

Рассмотрим это на примере раздела двусторонних отношений России со странами мира. В предыдущей версии все страны определенного региона помещались в один раздел, а все материалы по конкретной стране выпадали единым списком, где были перемешаны пресс-релизы и справочная информация, т.е. страновых страниц как таковых не было.

В новой версии роль меню выполняет интерактивная карта мира, на которой можно выбрать нужную страну и перейти на страницу, где собрана вся информация по этой стране. По карте, кстати, можно быстро проверить официальную позицию России по территориальным спорам: например, при наведении курсора на Фолклендские острова рядом появляется *Юнион Джек*. Страница страны разделена на две части. В левой, основной, размещаются ссылки на информационные материалы, которые теперь можно фильтровать по категориям (*Новости, Мероприятия в ЗУ, Проверки* и т.д.). В правой колонке собраны общие сведения, включая постоянные ссылки на справочную информацию, сведения о представительствах России в этой стране и номер горячей линии. Здесь же приятные детали: официальные государственные символы, включая — в духе *Википедии* — даже аудиозапись гимна, встроенная карта *Яндекса* с месторасположением посольства, альбом фото, посвященных стране.

Ш Н
Б К
П П
Ж Н
З В
П О
Х П

Таким образом, у каждой страны (даже у Бутана, с которым у России нет дипломатических отношений) теперь есть своя страница. Аналогично устроен раздел с международными организациями, а тематические вопросы (международная безопасность, гуманитарное сотрудничество и т.д.) разбиты по подкатегориям. Благодаря этим изменениям перемещение между разделами сайта стало более удобным и интуитивно понятным.

Теперь рассмотрим информационный материал сайта, например, сообщение для СМИ. Здесь появились две полезные функции. Во-первых, кнопка печати, позволяющая распечатать текст или сохранить его в формате pdf, причем выглядеть это будет не как веб-страница, а как документ на специальном бланке. Во-вторых, кнопки с изображением флагов для прямого перехода на страницу с переводом материала на соответствующий язык (раньше с этой целью нужно было вручную искать текст на иноязычном сайте). Кроме того, некоторые материалы сопровождаются дополнительными материалами — фотографиями, аудио- и видеозаписями, расположенными под текстом. К вопросу о языках: вдобавок к четырем европейским (английскому, французскому, испанскому, немецкому), на которые традиционно переводится сайт, разработчики в шапке сайта добавили иконку раздела *Другие языки* (там их еще 34) со ссылками на сайты загранучреждений, где переводы основных официальных сообщений выполняются без участия центрального аппарата.

Наконец на сайте появилась функция фильтров для поиска по информационным материалам — по дате и стране либо по организации (они доступны в левой колонке при просмотре текущих новостей и некоторых разделов). Однако в целом поиск по сайту через специальную строку работает гораздо хуже *Яндекса* или *Google*.

Появление у МИД нового сайта осталось практически незамеченным СМИ, за исключением, наверно, только заметки RT от 13 июля о новом разделе Ситуационно-кризисного центра МИД (sos.mid.ru), который в действительности открылся более чем за год до этого. Тем не менее в последние несколько лет, а особенно после начала кризиса на Украине, российские и западные СМИ много писали об информационной работе министерства в интернете, в том числе в социальных сетях. Не случайно едва ли не в каждом интервью Марии Захаровой после ее назначения директором Департамента информации и печати у нее спрашивали о личном блоге (странице в *Facebook*) и цифровой дипломатии МИД. За прошедшие несколько лет министерство научилось говорить с интернет-аудиторией, способствовало интернет-социализации большинства загранучреждений (смотрите на сайте раздел *Аккаунты в соцсетях*, оформившийся еще в старой версии) и в целом стало более охотно использовать новые технологии — запуск официальной страницы *ВКонтакте* в июне этого года происходил при личном участии Сергея Лаврова.

В таком контексте обновление интернет-представительства МИД фиксирует достижения и расширяет возможности для работы в интернете на будущее. Следующим логичным шагом было бы обновление и активизация работы сети сайтов загранучреждений, не все, но многие из которых, особенно на фоне нового главного сайта, выглядят как привет из прошлого. 🐼

Олег Шакиров

Примечания

- 1 Обращение к пользователям сайта (Об изменении главной страницы официального сайта МИД России); <http://archive.mid.ru/bdomp/ministry.nsf/info/2F0715A1B03093F1442579680031627B>.

The New Nuclear Forensics. Analysis of Nuclear Materials for Security Purposes.
Edited by Vitaly Fedchenko. Oxford University Press, 2015. 280 p.

Старший научный сотрудник Стокгольмского международного института мира и бывший сотрудник ПИР-Центра Виталий Федченко выпустил первую в истории книгу, посвященную ядерной криминалистике и судебной экспертизе. Хотя понятие это не ново — формулировку *nuclear forensics* можно встретить, например, в документах ФБР за 1995 г., автор вкладывает в него более широкий, чем это принято, смысл. По мнению В. Федченко, к ядерной криминалистике и экспертизе можно отнести не только расследование и предотвращение случаев контрабанды ядерных материалов и ядерного терроризма, но и работу инспекторов МАГАТЭ, берущих пробы из окружающей среды в рамках осуществления гарантий агентства, анализ материалов, полученных Международной мониторинговой системой для верификации ДВЗЯИ, контроля в рамках договоров о разоружении и даже техническую часть получения разведданных о ядерных программах других государств. Автор настаивает на том, что все это может быть объединено в дисциплину, название которой на русский язык вольно переводится как *ядерная экспертиза*.

Конечно, применяемые в рамках такой экспертизы технологии не уникальны и используются уже давно, это следует и из целей, которые подобные исследования могут преследовать. Первые методы анализа ядерных материалов появились уже в то время, когда начались испытания ядерных взрывных устройств. Некоторые из тех техник используются и сейчас. В середине 2000-х МАГАТЭ в своих документах под словосочетанием *nuclear forensics* объединило анализ перехваченных незаконно перемещаемых ядерных или радиоактивных материалов и любых связанных с ними материалов для их атрибуции, отделив, таким образом, понятие от работы в рамках осуществления гарантий агентства. В то же время аналитические методы в этих и других направлениях сходны, и именно по этой причине В. Федченко считает, что они могут и должны быть объединены в общую дисциплину.

История развития этой дисциплины и применяемые ею методики коротко, но достаточно емко описываются в пособии. Директор SIPRI Иэн Энтони почти не лукавит, когда во введении пишет, что язык описания методик, использованный в книге, позволяет понять суть *ядерной экспертизы* даже неспециалисту. Действительно, Виталий Федченко и его соавторы не слишком злоупотребляют научной терминологией. В отдельной главе приводится математический аппарат, который используется в качественно-количественном анализе такого рода, даются понятия статистического распределения, ошибок измерения и т. п. В другой главе подробно описаны техники, используемые в масс-спектрометрии — одном из основных методов исследования, применяемых в *ядерной экспертизе*.

После нескольких десятков страниц теории подготовленный читатель знакомится с практическим приложением этих методов. Для США *ядерная экспертиза* началась с радиологической разведки в Германии, где американцы искали действующие ядерные реакторы и смогли обнаружить следы разработки ядерного или радиологического оружия. Уже тогда была разработана технология тестирования образцов воздуха на наличие в них изотопа ^{133}Xe , образующегося при расщеплении изотопов ^{235}U , ^{238}U и ^{239}Pu . Тогда же Роберт Оппенгеймер предложил брать пробы воды из рек, чтобы определить, не находится ли выше по течению какое-либо атомное производство.

Следующим этапом развития технологий *ядерной экспертизы* стала подготовка США к тестированию собственного взрывного устройства — необходимо было

Ш Н
Б К
П П
Ж Н
З В
П О
К П

решить вопрос о мощности бомб и анализе последствий взрыва. Разработанная система мониторинга в дальнейшем применялась для обнаружения ядерных испытаний СССР.

Советский Союз начал разработку собственной аналитической системы и сопутствующей инфраструктуры в начале 1947 г. — так же, как американское, советское руководство страны хотело понять, насколько мощными и эффективными были взрывы. Интересно, что о возможности дальнего обнаружения ядерных испытаний в СССР узнали от американских коллег. Это произошло в тот момент, когда президент Гарри Трумэн 23 сентября 1949 г. объявил: «Мы располагаем данными о том, что в течение последних недель в Советском Союзе произошел атомный взрыв». Уже через несколько недель разведке удалось выяснить, как именно в США попали сведения о советском испытании — с помощью забора проб дождевой воды на Аляске. Интересно, что уже тогда американские ученые сумели довольно точно определить, что была взорвана бомба (т. е. это не было производственной аварией), какого типа была эта бомба и где именно ее испытали, а также ее примерную мощность, тип реактора, в котором был произведен плутоний, и даже срок облучения топлива для получения этого плутония.

В СССР инфраструктура и методика для подобного анализа были готовы только к 1955–1957 гг., причем она существенно отличалась от американской: советские ученые больше внимания уделяли регистрации низкочастотных радиоволн, сейсмических волн, инфразвука и образцам радиоактивных аэрозолей, в то время как их западные коллеги в первую очередь обращали внимание на пробы воздуха и воды. Впоследствии и те, и другие методы стали использоваться в качестве механизма верификации ДВЗЯИ.

Это лишь несколько примеров того, как специалисты с помощью нескольких пылин, миллилитров дождевой или речной воды, знаний, догадок и, конечно, современного оборудования могут определить, откуда взялся тот или иной радиоактивный материал, какие превращения он прошел в процессе переработки и для чего его использовали или собирались использовать. Множество других примеров, в том числе как ядерные программы Ирака и Ирана стали достоянием общественности, содержится в книге. В то же время она не превращается в *криминальное чтение*, т. е. не балует читателя *жареными фактами*: прежде всего это научное издание для людей, занимающихся защитой и обеспечением ядерной безопасности. Книгу можно также порекомендовать студентам и экспертам, специализирующимся на международном праве: в пособии подробно описаны принципы верификационной системы ДНЯО и ДВЗЯИ. 🐼

Алена Махукова

Б. Ауелбаев, С. Кушкумбаев, К. Сыроежкин, В. Додонов. Аналитический доклад Казахстанского института стратегических исследований. Центральная Азия–2020: четыре стратегических концепта. Астана, 2015. 52 с.

Страны Центральной Азии все чаще рассматривают порознь. Говорят *Центральная Азия*, подразумевают пять отдаляющихся друг от друга государств (Казахстан, Киргизию, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) с нескончаемой чередой внутрирегиональных проблем. О политическом, экономическом, социально-культурном единстве региона политики, ученые и журналисты стараются не говорить, считая

идею бессмысленной и пустой. При нынешних руководителях перспективы интеграции стран региона представляются фантазией, не имеющей ничего общего с реальной жизнью, а территориальное соседство среднеазиатских стран и имевшая место общность исторического и культурного наследия считаются архаизмом.

Региональный контекст вспоминается в редких случаях, когда речь заходит о рисках и угрозах безопасности. Но и здесь каждая страна стремится выстроить собственную систему национальной безопасности, чтобы в случае угроз не прибегать к помощи соседей по региону. Это демонстрация самодостаточности, являющаяся неотъемлемым атрибутом независимости каждого государства региона, проявляется также в политическом, экономическом и социально-культурном измерениях. Так, самоустранение Узбекистана из большинства многосторонних межгосударственных форматов взаимодействия, нейтралитет Туркменистана, интеграционный вектор развития Казахстана, попытки Таджикистана и Киргизии балансировать между пророссийскими и прозападными многосторонними проектами и инициативами — все это проявления самодостаточности, все больше отдаляющие среднеазиатские страны друг от друга.

Одной из немногих серьезных работ последнего времени, где Центральная Азия рассматривается как один регион с общими рисками и угрозами безопасности, перспективами развития и рецептами, как реализовать наиболее благоприятные модели развития и избежать негативные сценарии, стал аналитический доклад Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан (КИСИ) *Центральная Азия–2020: четыре стратегических концепта*. Коллектив авторов задался целью на основе сценарного метода анализа представить видение развития Центральной Азии в среднесрочной перспективе, а именно в ближайшие пять лет.

Работа состоит из четырех глав. Каждая глава представляет собой возможный сценарий развития Центральной Азии до 2020 г. При этом один сценарий не всегда исключает другой. Возможно пересечение сценариев, которые в результате должны создать общую картину развития региона в ближайшие пять лет. Соперничество мировых держав за Центральную Азию рассматривается в работе не как теоретическая данность, а как естественное продолжение их современной политики в регионе.

Первая глава-сценарий *Три точки опоры* основывается на тезисе о том, что современное геополитическое положение Центральной Азии сформировалось под влиянием трех основных центров силы в регионе: Запада, России и Китая. В течение пяти лет влияние этих игроков в регионе останется неизменным. Более того, устойчивое развитие Центральной Азии после распада СССР во многом обусловлено относительно равным геополитическим притяжением этих трех точек опоры. Но эта геополитическая конструкция не является неизменной, и в зависимости от ряда факторов, таких, как обострение отношений США и России, усиление соперничества Китая и США в АТР, перебалансировка интересов России и Китая в регионе, может деформироваться, изменяя векторы развития Центральной Азии и неся новые риски для безопасности региона.

Вторая глава-сценарий *Два столпа* исходит из положения о том, что вывод основной части воинского контингента НАТО из Афганистана в 2014 г. и снижение военно-политических и экономических возможностей США в мире привели к снижению влияния Запада в регионе. При этом сближение позиций России и Китая по ряду вопросов международной повестки, их взаимное стремление вытеснить США

Ш
Б
П
Ж
З
П
К

из Центральной Азии стали причинами усиления этого геополитического дуумвирата в регионе. Для Москвы и Пекина такое скоординированное сотрудничество в регионе представляется оптимальной моделью взаимодействия в регионе.

Не исключен сценарий, когда из-за ослабления российской экономики и усилия конфронтации с Западом Москве станет сложнее балансировать в Центральной Азии с Китаем. Это будет благоприятствовать единоличному политическому и экономическому усилению Пекина в регионе, считают авторы доклада.

Для самой Центральной Азии усиление влияния дуумвирата может означать ограничение политических, экономических возможностей и сужение поля для политического маневра. Чтобы избежать доминирования Пекина и Москвы, страны Центральной Азии предпримут попытки укрепить взаимодействие с другими региональными центрами силы. В третьей главе-сценарии *Четвертый ориентир* речь идет о том, что, если учитывать географическое положение Центральной Азии, не исключено усиление взаимодействия с остальным исламским миром. В частности активизируется взаимодействие Центральной Азии со странами Персидского Залива, Турцией, Ираном, которые в докладе рассматриваются как четвертый центр силы в регионе в противовес влиянию России, Китая и Запада.

В четвертой главе-сценарии *К региональному единству* представлен прогноз, в соответствии с которым субрегиональная кооперация между среднеазиатскими государствами могла бы усилить позиции региона на мировой арене и не допустить доминирования здесь иных центров силы, способных сузить поле для политического маневра. Авторы приводят существенное количество причин, по которым среднеазиатская общность могла бы способствовать устойчивому развитию региона, и среди них — возможность совместного реагирования на международные вызовы безопасности, сдерживание центробежных процессов в регионе, острая необходимость сообща решать ряд внутрирегиональных проблем. Подчеркивается, что такой сценарий может показаться идеальной моделью развития региона, но важность решения водно-энергетических, пограничных, транспортно-транзитных, экономических и экологических проблем региона рано или поздно приведет к пониманию того, что только на основе кооперации стран региона возможен выход из среднеазиатского тупика разобщенности, а также недопущение чрезмерного усиления иных центров силы.

В то же время представляется логичным, что сценарий, представленный в докладе четвертым, мог быть представлен первым. Иначе говоря, взяв за основу тезис о том, что среднеазиатская общность — это данность, от которой стоит не отрекаться, а использовать, можно было бы проводить дальнейший анализ того, как Запад, Россия, Китай и страны исламского мира могут повлиять на геополитическое положение региона. Какой бы идеальной и оторванной от современных реалий не казалась идея среднеазиатской интеграции, не исключено, что именно она смогла бы снизить негативные издержки от соперничества внешних держав в регионе, а главное — способствовать дальнейшему устойчивому развитию региона. 🐾

Галия Ибрагимова

В ОТВЕТ НА ПУБЛИКАЦИЮ СТАТЕЙ В.ОРЛОВА И А.БАКЛИЦКОГО

По итогам Обзорной конференции Договора о нераспространении ядерного оружия 2015 г. были опубликованы статьи советника ПИР-Центра Владимира **Орлова** *Стекланный зверинец нераспространения (Россия в глобальной политике, № 4, июль/август 2015 г.)* и директора программы *Ядерное нераспространение и Россия* ПИР-Центра Андрея **Баклицкого** *Итоги Обзорной конференции ДНЯО 2015: что ждет режим нераспространения (Индекс Безопасности, № 2 (113), Лето 2015 г.)*.

Публикуем отклики читателей, полученные редакцией.

Уже не один десяток лет ПИР-Центр занимается вопросами нераспространения ядерного оружия и контроля за вооружениями, принимает деятельное, творческое участие в осмыслении крайне сложных и имеющих серьезные последствия процессов, идущих в этой области, ведет серьезную аналитическую работу. Публикации и статьи этой *фабрики мысли* — не просто результат обобщения имеющихся информационных массивов: в первую очередь они отражают глубокое понимание происходящего и того, как следовало бы в этой ситуации выстраивать нашу линию.

Аналитическая работа такого рода крайне важна сейчас, в связи с отсутствием осязаемых итогов Обзорной конференции ДНЯО 2015 г., какого бы то ни было прогресса на Конференции по разоружению в Женеве, да и по многим другим направлениям деятельности. В сфере контроля над вооружениями и нераспространением вырисовывается достаточно тревожная картина. Тревожная в том плане, что успех или провал мероприятий такого формата ставится в зависимость от политической конъюнктуры. Это вызывает нарастающее политическое нетерпение, *накопление пара*, который ищет выход. По причинам и обстоятельствам, вполне вам, уверен, известным, не находя выхода в традиционных форматах, этот *пар* начинает искать щели, через которые, вырвавшись наружу, может произвести разрушения или проделать работу, которая не вполне устроит тех, кто придерживается классического понимания концепции контроля над вооружениями и нераспространения, планирует работу в этой сфере исходя из этого.

Договор о нераспространении ядерного оружия подвергается нарастающему прессингу, доходящему до открытых нападок на саму концепцию документа. Все более открыто звучат оценки в том духе, что нельзя дальше мириться с *дискриминационным* характером этого документа, закрепляющим разные категории стран

по признаку обладания и необладания ядерным оружием. Это примерно та же логика, которой руководствуется целый ряд сторонников радикальных реформ системы Организации Объединенных Наций, Совета Безопасности ООН — логика, сводящаяся к тому, что время, когда такого рода документы, решения и схемы были оправданны и работали, ушло безвозвратно, и им на смену нужно создать что-то новое. Если классические механизмы многосторонней дипломатии, использовавшиеся на протяжении десятилетий форматы не помогают продвигаться в этом направлении, значит, надо создавать что-то новое с чистого листа и ставить *ретроградов, консерваторов, охранителей* прежней системы перед фактом, в положение обороняющихся, заставляя их шевелиться и думать над тем, как жить и действовать в этой новой системе международных отношений. Размышления о том, насколько важно двигаться к достижению целей, зафиксированных в самом Договоре и, в частности, его статье VI, здесь, на мой взгляд, вторичны. Если прочитать весь Договор, включая преамбулу, и рассматривать статью VI в этом контексте, думаю, мы неизбежно придем к заключению, что движение к *ядерному нулю* возможно только в контексте всеобщего и полного разоружения. Эта фундаментальная посылка Договора о нераспространении ядерного оружия все чаще становится объектом усиленных нападок и аналитических изысканий со стороны тех, кому такая трактовка претит. Думаю, в ближайшие годы и даже месяцы нам предстоит наблюдать все более изощренные политические и дипломатические ходы, направленные на то, чтобы поставить ее под сомнение.

Совместное заявление *ядерной пятерки*, которое было распространено на последней ОК ДНЯО, — это наименьший общий знаменатель в классическом и прямом смысле слова. Но если вспомнить, в какой ситуации этот общий знаменатель искался, как он вырабатывался, какие ветры и с каких сторон дули в процессе его поиска, то стыдиться нам нечего, скорее, есть повод для гордости. Другое дело, не совсем понятно, куда в дальнейшем выведет эта *эволюционная кривая* наших коллег по *ядерной пятерке* по многим существенным вопросам. Мы не скрываем, что нас настораживают попытки США, Великобритании и теперь уже Франции заигрывать с антиядерными радикалами, все чаще идти на поводу у тех, кто ищет нестандартные пути для выпуска того самого *пара*. Нам кажется, что не только возобновленная нами тема, касающаяся нарушения со стороны НАТО обязательств по Договору в контексте реализации политики *nuclear sharing* — совместных ядерных миссий, отработки возможного применения ядерного оружия совместно с неядерными государствами-членами НАТО, но и, например, попытки подключить неядерные государства к усилиям в сфере верификации ядерного разоружения, разработка многосторонних концепций транспарентности ядерного разоружения, попытка подключить к этому процессу Международное агентство по атомной энергии в нарушение существующего мандата Агентства — все это признаки меняющегося отношения некоторых участников *ядерной пятерки* к основам взаимодействия в этом формате и основам отношения к ключевым элементам разоруженческой механики. Поэтому какую нишу будет занимать *ядерная пятерка* в будущем, есть ли такая ниша вообще, нужна ли *ядерная пятерка* или дальнейшее сокращение ядерного оружия должно достигаться в других, альтернативных форматах — все это имеет практическое значение и будет определять нашу дальнейшую работу.

В ходе работы Конференции по обзору действия Договора о нераспространении ядерного оружия мы неслучайно сосредоточились на создании зоны, свободной

от ОМУ, на Ближнем Востоке. Еще до первого заседания Препкома последнего обзорного цикла было понятно, что арабские государства не смогут и дальше мириться с ситуацией, когда ядерные державы — и конкретно депозитарии ДНЯО — в очередной раз не смогли обеспечить выполнение базового и фундаментального понимания, лежавшего в основе бессрочного продления ДНЯО в 1995 г., относительно того, что в пакете с бессрочным продлением ДНЯО должно идти создание ЗСОМУ на Ближнем Востоке и, следовательно, решение ядерной проблемы Израиля, включая присоединение Израиля к ДНЯО в качестве неядерного государства. По мере того как сроки раз за разом срывались, а 2012 г., на который была назначена конференция, приближался, не только мы, но и два других депозитария ДНЯО стали ощущать необходимость более активно, чем раньше, искать развязку. Так называемый *глионско-жневский процесс*, который реализовывался при деятельном и творческом участии швейцарского правительства, позволил в первом приближении нащупать если не контуры взаимоприемлемого решения, то хотя бы некие якоря, используя которые, можно было бы удерживать арабов и израильтян от разбегания в разные стороны и поощрять работать в конструктивном ключе. Кстати, мы помним, что именно ПИР-Центр на раннем этапе работы предоставил свою площадку для неформальных контактов представителей Израиля и Лиги арабских государств. Встреча происходила в гостинице *Ленинградская* на Каланчевке и внесла конкретный и реальный вклад в общие усилия, которые останутся в летописи этой трудной и продолжительной борьбы — не хочется говорить *за выживание ДНЯО*, скорее, борьбы за успешную реализацию обозначенных в Договоре целей.

Тем не менее в преддверии Обзорной конференции ДНЯО этого года позиция арабской группы серьезно ужесточилась. Объяснялось это, вероятно, рядом факторов — и развитием ситуации в регионе, и застоем в палестино-израильском урегулировании. Возможно, негативно сказались готовившиеся договоренности с Ираном по его ядерной программе — здесь возможны любые объяснения логического свойства. Мне кажется, сработала совокупность факторов, и в результате мы оказались в ситуации, когда нужно было придумать вариант, который, с одной стороны, удовлетворил бы требования арабских стран о проведении конференции и исключал бы возможность, что Израиль — через США или другим образом — заблокирует ее проведение, а с другой стороны, давал бы Израилю возможность включиться в работу, не опасаясь, что повестка дня и итоговый формат конференции предопределят ее исход. С точки зрения содержательной части проект итогового документа ОК ДНЯО по ЗСОМУ, на наш взгляд, отвечал этим внешне не совместимым требованиям и, в принципе, мог бы стать основой договоренности, хотя и был предложен в момент полнейшего цейтнота, когда Конференция уже близилась к завершению. В итоге хаотичные и стремительные маневры последних дней и часов, согласование позиций со столицами привели к тому, что в США, Великобритании и Канаде верх взяла линия на недопущение появления некоего нового качества в этом дискурсе. В жертву этой установке был принесен целый документ, весь проект был пущен под откос. Я согласен с тем, что для ядерных держав проект документа, представленный по принципу *take it or leave it*, во многих аспектах был более чем проблематичным. Мы прорабатывали разные варианты купирования этого. Технология понятная — интерпретирующие заявления, заявления по мотивам и т. д. Но в совокупности имевшийся документ мог бы нас устроить. Конечно, он не был бы предметом гордости, но мы бы избежали нынешней ситуации, когда непонятно, что будет происходить дальше в контексте ДНЯО и каким образом этот опыт отзовется в позициях основных игроков.

По вопросу создания ЗСОРУ на Ближнем Востоке образовался вакуум. Не уверен, что Лига арабских государств уже приступила к выработке собственной позиции на этот счет. Сомневаюсь, что после произошедшего был проведен фундаментальный обзор политики США в этой сфере. Нет уверенности и в том, что такой обзор будет проведен в остающееся до завершения срока пребывания у власти нынешней американской администрации. Думаю, удовлетворен итогом Конференции только Израиль. У нас контакты с представителями израильского правительства поддерживаются постоянно, и мы получаем от них сигналы о том, что есть готовность к прямому обсуждению с арабами всех вопросов, которые относятся к тематике созыва конференции, включая сегмент региональной безопасности. Однако попытки что-то навязать через ООН, через посредничество Генсекретаря ООН для них неприемлемы. Но государство Израиль традиционно придерживается такой политики, здесь ничего не изменилось. Парадоксальным образом, несмотря на резко негативное отношение к договоренности с Ираном, именно при правительстве Б. Нетаньяху произошло некоторое общее смягчение израильских взглядов и подходов по тематике ЗСОРУ. Вопрос в том, насколько это все декорация, камуфляж, тактический ход. Это вечный вопрос любого дипломата, который мечтал бы подсмотреть, что написано в инструкциях у другой стороны, но я не уверен, что в данном случае эти инструкции вообще существуют. А если и существуют, то они вполне могут даваться устно высшим руководством непосредственным участникам переговоров. Сейчас мы как будто опустили на нулевой уровень в компьютерной игре. Испробовано многое, хода вперед нет, и где стрелка, указывающая на выход из лабиринта, непонятно. Причем искать выход нужно сообща — невозможно представить, что кто-то в индивидуальном качестве вдруг придумает некую идеальную схему, а от остальных здесь ничего зависеть не будет. 🐢

Сергей Рябов,
заместитель министра,
Министерство иностранных дел России

В экспертном сообществе идут споры о возможности применения ядерного оружия. Хотел бы поделиться своими соображениями по данному вопросу. До тех пор, пока ядерное оружие находится в руках ответственных режимов — независимо от того, какой это режим, военный или демократический, — военного конфликта с использованием ядерного оружия быть не может. У индийцев была блестящая возможность, и кое-какие элементы подталкивали Индию использовать это оружие в ходе акта возмездия за террористический акт ноября 2008 г. в Мумбаи. Тем не менее, несмотря на призывы со стороны радикалов, националистических, шовинистических элементов, Индия на это не пошла. Она мобилизовала международное общественное мнение против того, что сделал Пакистан. То есть ответственные режимы не будут это оружие использовать.

Я очень хорошо помню высказывание бывшего посла Индии в России Ронена Сена, который в частной беседе со мной говорил: «Ну, что такое ядерный Пакистан? Его экономический потенциал можно приравнять к потенциалу Большого Бомбея. По сути, Индия может уничтожить Пакистан в любой момент. Но Индия не может

допустить любого, даже *возмездного* ущерба тому или иному городу на своей территории». Это сильный сдерживающий момент для любого нормального режима.

Тот режим, который пришел к созданию собственного ядерного оружия через более-менее нормальные способы его создания — то есть с использованием своего научного потенциала, своих ученых, — такой режим не способен на авантюру. А вот безответственность групп и группировок, пусть даже и называющих себя *государствами*, которые украдут такое оружие, не имеет границ. Поймите психологию одного человека, когда мы имеем дело с террористами-смертниками. Но это не один человек, это психология сразу целого *государства* — *Исламского государства*. И оно может пойти на такую авантюру, как ядерное оружие.

Ответственные режимы, которые самостоятельно изобрели такое оружие, опираясь на понимание своими учеными, своими военными ужасающего воздействия и последствий его применения, не будут его применять. Это средство сдерживания и противовеса.

Конечно, когда кто-то требует от Индии ядерного разоружения, ссылаясь на Пакистан, — мол, зачем вам ядерное оружие, когда Пакистан имеет всего лишь потенциал Большого Бомбея — он не понимает, что у Индии в данном случае совсем другие противники. Началось это давно, после конфликта 1962 г. с Китаем. Там совершенно иной противник. Но Китай и Индия — ответственные государства, поэтому такой вариант я исключаю. А вот безответственные так называемые *государства* — другой разговор.

Я реалист. И я честно могу вам сказать, что это *Исламское государство* вызывает у меня если не оторопь, то возможность взглянуть на него как на источник неизведанных опасностей.

Я большой скептик в отношении разоруженческих процессов. Я внутренне не принимаю, не осудите меня, призывов к разоружению. Ни одно уважающее себя государство не позволит контролировать собственное оружие и процесс его создания. Я интерпретирую контроль над вооружениями как контроль над процессом разоружения. Он касается только тех, кто занят разоружением. Посмотрите, мы не контролируем Китай — и Китай не поддается никакому контролю. А вот в отношении США и России мы можем говорить о контроле над ядерным разоружением.

Отношение многих государств, держав, организаций к тем элементам международного бытия, которые казались до недавнего времени основательными, прочными, долговечными, меняется. На мой взгляд, та бессовестная кампания, которую сейчас затеяли в рамках ООН относительно лишения России права вето за то, что Россия так неограниченно его использует, вызывает серьезные опасения. И я слежу за тем, как происходит этот процесс. Как работают над изменением и толкованием привычных нам элементов международной жизни, международного бытия, в рамках таких организаций, как ООН, в рамках Совета Безопасности.

Здесь, конечно, лежат неизведанные подводные камни, тем более на таком пути, как проведение Обзорной конференции. Мы не в состоянии создать какой-то алгоритм проведения ОК ДНЯО, который бы гарантировал нам успех. Неудача в данном случае — это имманентная участь всего процесса. Помимо всего прочего, нужна политическая воля, чтобы какие-то рекомендации, какие-то представления о том, как выстраивать сегодняшний мир, реализовывались. Потребовать поли-

тической воли от своего партнера мы не в состоянии. Нужно какое-то стечение обстоятельств, хороший климат — тогда и Обзорная конференция может сделать шаг вперед. А когда она проводится в условиях ухудшившегося политического климата, рассчитывать на успех очень сложно, практически невозможно. Поэтому смотреть на нынешний процесс надо достаточно реалистично и спокойно продолжать работу. Она станет серьезным сдерживающим фактором в отношении безответственных режимов и поможет привлечь внимание международной общественности к тому, что не удастся выполнить, сделать кого-то публичным нарушителем международной договоренности. 🐾

Вячеслав Трубников,

член дирекции,

Институт мировой экономики и международных отношений

Российской академии наук

Ситуация с контролем над вооружениями удручающая, более того, она тревожная. Тема теряет свою популярность, учитывая уже четко обозначившееся противостояние Россия–коллективный Запад во главе с США. Самому процессу контроля над вооружениями — я имею в виду и ядерные, и обычные вооружения, и ракеты средней и меньшей дальности — уже не один десяток лет. Хотя в наших отношениях и с Соединенными Штатами, и с НАТО и раньше были трудные периоды, бывало, сотрудничество замедлялось, но всегда оставалась какая-то перспектива. Например, в свое время нератификация и невступление в силу договора СНВ-II не прекратили процесс ядерного разоружения. Все равно оставался договор СНВ-I, все равно велись разговоры о том, что, когда он закончится, нужно продлевать его или делать что-то новое. В конце концов это привело к подписанию Пражского договора.

Посмотрим на Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД). Это хороший договор, он выполнен, и даже те претензии, которые высказывала в свое время Российская Федерация в адрес Соединенных Штатов — и по поводу ракет-мишеней, и по поводу беспилотников — никогда не приобретали форму открытой конфронтации.

Теперь же со стороны США пошли угрозы относительно того, что Россия так грубо нарушает договор, что в нем больше нет смысла. Я считаю беспрецедентным тот факт, что Б. Обама, президент Соединенных Штатов, написал письмо Президенту РФ В. Путину по этому поводу. На моей памяти не было такого, чтобы по техническому поводу один президент писал другому: «Мы так обеспокоены этой ситуацией», — не приводя при этом никаких *hard evidence*, доказательств нарушения. Это выходит за всякие рамки.

Отмечу ключевые моменты контроля над вооружениями. По противоракетной обороне. Мы никогда не вели с США переговоров по вопросу ПРО, потому что переговоры предполагают какой-то конкретный результат. У нас были консультации, пик которых пришелся на 2005–2008 гг., когда мы боролись против шахт в Польше и радаров в Чехии. После того как Б. Обама заступил на свой пост и выдвинул эту концепцию, наши протесты стали вялыми. Сейчас, мне кажется, все встало на свои места, и то, о чем мы говорили на протяжении последних десяти лет, подтверди-

лось. Уже слышны предложения внести ясность и заявить о том, что создаваемый восточно-европейский сегмент ПРО направлен прежде всего против *агрессивной* России, а не Ирана. Ядерный вопрос Ирана, в том числе благодаря усилиям нашей дипломатии, близок к своему разрешению. Возникают вялые аргументы о том, что дело не в ядерном вопросе Ирана, а в том, что у него есть еще и ракеты (которых у него нет, и вряд ли будут), а потом вообще появилось понятие *угрозы с Юга*. Я не вижу в ближайшем будущем перспектив возобновления каких-либо консультаций с американцами по вопросам противоракетной обороны.

По тактическому ядерному оружию у меня еще три года назад было ощущение, что наше руководство, в принципе, может пойти на какие-то меры транспарентности. В экспертных кругах это широко обсуждалось, да и в Минобороны, насколько я знаю, полного отрицания по этому вопросу не было. Американцы в то время говорили, что у них есть сомнения по поводу дальнейшей модернизации их гравитационных бомб W-61. Сейчас вопрос с повестки дня снят. Американцы заявили, что программа будет запущена. Более того, пошли разговоры о том, что НАТО надо увеличить ядерный потенциал перед лицом российской угрозы. Поэтому говорить о том, что в обозримой перспективе этот вопрос будет решаться положительно, у меня лично причин нет.

Что касается перспективы дальнейших сокращений ядерных вооружений, как известно, после вступления в силу последнего договора СНВ заветная цифра, о которой говорил Б. Обама — 1000 боезарядов — не слишком поддерживалась, особенно российским руководством. Но в то же время и полного отрицания не было. Насколько я понимаю, наша официальная позиция была такова: давайтеждемся выполнения Пражского договора, а потом будем говорить о каких-то дальнейших сокращениях. Но перспектива продолжения обсуждения дальнейшего сокращения и возможность такого сокращения не отрицались. Сейчас говорить о том, что будет какое-то дальнейшее снижение наших ядерных потенциалов — до 1000 или 1100 боезарядов, что уже непринципиально, — вряд ли возможно. Идет активная модернизация нашего ядерного потенциала, причем во всех его компонентах: это и *Булава*, и *Ярс*, и новые тяжелые ракеты, и возрождение железнодорожных комплексов, и модернизация Ту-160, запущена программа перспективного авиационного комплекса дальней авиации, который придет на смену Ту-160 и Ту-95, разработаны новые подводные лодки. Да и американцы реанимируют все свои программы. И даже если мы пройдем период сокращений СНВ-III, говорить о том, что есть перспективы идти куда-то вниз, не очень оправданно.

Что в этих условиях делать? Нужно набраться терпения. Именно контроль над вооружениями, как мне кажется, может быть нашей *палочкой-выручалочкой*, если отношения дойдут до *точки кипения*, если станет совсем плохо и пойдет разговор о том, чтобы эту напряженность снизить. А для этого нужно говорить о чем-то предметном: о концепции глобального удара, о гиперзвуке, обсуждать космос. Иными словами, поле для разговора есть, но для этого нужен несколько иной уровень отношений.

Евгений Бужинский,
председатель Совета,
ПИР-Центр

ИТОГИ ГЕНЕРАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИИ МАГАТЭ: ЗАКАТ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ?

Хотел бы поделиться впечатлениями от последней генеральной конференции МАГАТЭ, проходившей с 14 по 18 сентября этого года. Впервые в ее работе официально участвовала общественная организация из России — Союз ветеранов атомной энергетики и промышленности, председателем которого я являюсь. Как известно, параллельно с генеральной конференцией традиционно проводится международный научный форум МАГАТЭ, тема которого в этом году была сформулирована как *Атом в промышленности — радиационные технологии ради развития*. Повестка дня форума наряду с выступлением генерального директора МАГАТЭ отражает новые и актуальные тенденции в отрасли.

Когда на пост генерального директора был избран Ю. Амано, его первое выступление было посвящено — и очень правильно, я считаю, — задаче превратить агентство из *мирового жандарма*, который следит за безопасностью и нераспространением, в технологическую международную организацию, которая будет продвигать инновационные технологии и развивать ядерное применение в новых странах и новых областях. Это был период инноваций. В его следующем выступлении огромное внимание уделялось нашему проекту ИНПРО (международному проекту по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам), роли инновационных технологий, быстрым реакторам, прорыву в создании замкнутого цикла и так далее. В последнем же выступлении от 14 сентября 2015 г. атомная энергетика и ее развитие упоминались лишь вскользь. Основное внимание уделялось гарантиям, борьбе с раком, индустриальным применениям, безопасности, нераспространению, Ирану, само собой, Северной Корее и так далее. Ни слова об инновациях, быстрых реакторах и т. п. Более того, слушая выступления делегатов, я отметил, что практически только Россия упомянула быстрые реакторы, рассказала, что они строятся, вводятся в эксплуатацию, что мы увеличиваем финансовые взносы в Агентство и что роль атомной энергетики должна вырасти.

Параллельно с генконференцией традиционно проводится выставка достижений ведущих ядерных стран. Я общался с представителями всех этих стран, пытался выяснить состояние дел по разработке быстрых реакторов. Я не нашел ни одного доклада. Красивые картинки есть, но очевидно, что развитие быстрых реакторов и замкнутого цикла не является приоритетом. В целом, это понятно. За последние 10 лет ядерная энергетика растет нулевыми темпами. Мы, конечно, строим атомные станции, вводим их в эксплуатацию, более того, в докладах наших руководителей говорится, что

к середине века количество АЭС удвоится. Но если учесть, что энергетика в целом развивается, особенно ветроэнергетика, темпом 3% и выше, то получается, что доля атомной энергетики, несмотря на строительство новых станций, падает. Если мы сравним цифры 2005 и 2015 гг., то увидим, что доля атомной энергетики в производстве электричества сократилась с 16% до порядка 11%, а доля в общем балансе энергетики сократилась с 7% до менее 5%. То есть ни о какой гегемонии, определяющей роли ядерной энергетики в будущем, говорить не приходится. Мы прекрасно рассказываем о преимуществах ядерной энергетики, ее безопасности, экономической привлекательности, о том, что это экологически чистая отрасль, однако доля атомной энергетики падает. Если вспомнить, о чем говорили пионеры от энергетики — Капица, Энрико Ферми — они ожидали, что ядерная энергетика вытеснит органическую, что будет запрещено использовать нефть, газ и другие ископаемые виды топлива, что наступит золотой век ядерной энергетики. Однако в этом году представитель Германии в своем выступлении говорил, что доля ядерной энергетики составляет пренебрежительно малые 4–5%. Тут есть некоторое несоответствие между, с одной стороны, огромными возможностями — это единственный новый источник энергии, освоенный в промышленном масштабе, а с другой стороны, реальностью, которая оказалась намного скромнее ожиданий.

Если посмотреть еще дальше, во время генконференции был презентован фундаментальный доклад организации по последствиям аварии на Фукусиме. Характерно, кстати, что авария произошла в Японии, наиболее развитой в промышленном отношении азиатской стране. Сейчас порядка 30 стран отказываются от атомной энергетики, причем по большей части это промышленно развитые страны. Но есть и страны, которые готовы начинать развивать эту отрасль и обращаются к Агентству за помощью, их порядка двадцати, в том числе ОАЭ, где вообще никакой базы нет. Придумываются новые схемы: *строим, владеем, эксплуатируем* и так далее. С учетом этого возникает закономерный вопрос: эти страны-новички, что, будут повторять наш опыт? Чернобыля, Три-Майл-Айленда, Фукусимы? Очевидно, что развитие должно идти с учетом всего накопленного опыта — и положительного, и отрицательного, который гарантировал бы, что не будет повторения таких инцидентов, иначе атомной энергетике конец.

Второй вопрос, если мы говорим о будущем энергетики, — это быстрый реактор в замкнутом цикле. Мы говорим об этом со времен Энрико Ферми, вот уже 60 лет маячит эта перспектива, и постепенно она становится уже такой вечной перспективой. В мире не работает ни один быстрый бридер. Наши БН-800 и БН-600 — это урановые реакторы на быстрых нейтронах, у нас нет замкнутого топливного цикла. Замкнутый топливный цикл частично сделан во Франции для тепловых реакторов, а быстрых реакторов там нет. Как показывает опыт, развитие технологии быстрых реакторов было бы возможно всего в пяти странах. Но пока у нас построен один реактор типа БН-800, физический пуск идет достаточно долго, в конце года Индия должна запустить реактор типа БН-500, а потом еще серию, но уже плутониевых реакторов. И это все. А ведь 85% существующей ядерной энергетики — это водо-водяные реакторы, из того, что строится, водо-водяных под давлением 95%, то есть как раз того типа, на которых были аварии на Три-Майл-Айленде и Фукусиме. Другие технологии не развиваются.

У нас есть концепция и опытные высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы, но это очень дорогая технология. Давайте задумаемся: откуда взялись водо-

водяные реакторы? Они были созданы на базе огромных достижений оборонной индустрии, точнее, совершенствования подводных лодок. Откуда взялись канальные реакторы — это реакторы для наработки плутония типа МАГНОКС, РБМК. Слава богу, сейчас они уже уходят в историю. Так вот рынок, который освоил эти, условно скажем, *простые* реакторы, не хочет вкладываться в дорогие и, в общем-то, рискованные проекты, такие как быстрый реактор, замкнутый цикл. Кроме того, сегодня для рынка нет особой срочности. Уран пока есть. Россия, например, обеспечена своим ураном где-то процентов на 20–25, и это если не трогать военные запасы. А есть еще запасы в Средней Азии. Не случайно еще в 2007 г. в докладе Академии наук было сказано, что для нормального сбалансированного развития атомной энергетики нам надо примерно 30% мощностей на быстрых нейтронах. На быстрых нейтронах в замкнутом цикле, но это значит, к 2030 г. у нас должна быть генерация 10 гигаватт, но это вряд ли. Более того, этого нет даже в планах.

Интересно, что примерно половина новых установок строится в Китае, 28 из 73 по всему миру. Но Китай строит только купленные реакторы, а раньше они строили только освоенные технологии. Сейчас, как только мы столкнулись с условно инновационными технологиями, реакторами типа БР-1000, началась пробуксовка. Сроки строительства затягиваются, стоимость растет. В Западной Европе сейчас строится три новых реактора, а выводить из эксплуатации планируется десятки. Всего в мире строится порядка 70 реакторов, в основном в странах Азии, в Китае, Индии, и в Латинской Америке. Что до Европы и Соединенных Штатов, они заложили пять реакторов. Но у них уже сейчас 100 гигаватт, их же надо замещать. Что касается России, у нас заложено три реактора в год, точнее, мы будем строить 4 реактора в год, 3 за рубежом, один дома. А вообще нет спроса, нет потребности. Поэтому мы до сих пор не построили ни один новый российский реактор. Достраиваем советские реакторы. Сейчас строятся Нововоронежский-2 и Ленинградский-2, вторая площадка. Но вопрос о будущем. Пока мы реализуем советское наследие. У других не лучше, если взять Соединенные Штаты — там вообще разбитое корыто. Это пионеры быстрых реакторов, у них быстрый реактор работал в 1946 г., а сейчас ни одного быстрого реактора нет, технология утрачена. Есть бумажные проекты.

Вообще, в мире сложилась интересная ситуация, я посмотрел немало презентаций: все красиво, наглядно, трехмерно, складывается впечатление, что реактор уже строится. А на деле это информационная игра, не больше. Ну, и встает проблема кадров. По-хорошему надо бы провести анализ, понять, в чем причина того, что развитие этого нового источника энергии, у которого колоссальное количество положительных характеристик, буксует. Сегодня становится понятно, что будущее энергетики — это спектр всех возможных источников, от химикатов и биотоплива до ядерной, и что ни одна из них не будет превалирующей. Очевидно, что основную роль по-прежнему будет играть органическое топливо. Максимум, что сможет сделать ядерная энергетика, — это вернуться на прежний уровень — 10–15% энергетической корзины. Выйдем на 1000 гигаватт против 380 сейчас — сохраним свою долю. А если просто удвоимся, то упадем в полтора раза. Мы, конечно, идем вперед, но другие-то бегут.

Виктор Муругов,
председатель,
Международный союз
ветеранов атомной энергетики и промышленности

F R O M T H E E D I T O R

- 7 **On significant rivals, unwanted allies and useless history lessons — Olga Mostinskaya**

The Editor-in-Chief Olga Mostinskaya offers a brief overview of the recent developments and the key articles published in the issue.

Key words: *Asia-Pacific Region, pivot to the East, Silk Road, OSCE, terrorism, IoT.*

I N T E R V I E W

- 11 **There is no such thing as *pivot to the East* — Stanislav Voskresensky**
Key words: *pivot to the East, Silk Road, China, TPP.*

Deputy Minister of Economic Development of the Russian Federation Stanislav Voskresensky explains to the Editor-in-Chief of the *Security Index* that there is no need to pivot to the East since we are already there. The interview opens a series of materials devoted to Asia-Pacific integration.

- 17 **The OSCE finally works as it always should have — Andrey Kelin**
Key words: *OSCE, European Security Treaty, SMM, Vienna Document.*
- 21 **OSCE remains the only forum for an inclusive dialogue about the current state and the future of our common security order at the moment — Antje Leendertse**
Key words: *OSCE, CSBMs, SMM, ICT.*

In August 2015, the world celebrated the 40th anniversary of the Helsinki Final Act. Andrey Kelin, Director of the Department for European Co-operation at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation and Permanent Representative of the Russian Federation to the Organization for Security and Co-operation in Europe (2011–2015), and Antje Leendertse, Head

of the Task Force for the 2016 German OSCE Chairmanship shared their views on the OSCE's role, its current work and ways to promote Helsinki process and dialogue, build confidence and security in their interviews to the *Security Index* Editor-in-Chief.

A N A L Y S I S

- 25 **Main formats for multilateral cooperation in the Asia-Pacific Region — Natalia Stapran**

In the run-up to the Asia-Pacific Economic Cooperation summit, the Director of Russian Asia-Pacific Economic Cooperation Study Center under the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration guides the reader through the intricacies of the Asia-Pacific integration.

Key words: APEC, ASEAN, RCEP, TPP.

- 37 **Asia is not in the know, or a brief record of Russia's attempts to integrate in the Asia-Pacific multilateral formats — Alexander Gabuev**

Alexander Gabuev, a Senior associate and the Chair of the Russia in the Asia-Pacific Program at the Carnegie Moscow Center, gives critical analysis of Russia's engagement in the region and explains why Russia is not making full use of the potential of the existing integration platforms.

Key words: APEC, ASEAN, East Asia Summit, RCEP, TPP.

- 51 **Silk Security: China's new development concept and Eurasian rules of the game — Igor Denisov**

Igor Denisov, a senior research fellow at the Center for East Asian and Shanghai Cooperation Organization Studies of the Institute for International Studies at the MGIMO University, examines the *Silk Road Economic Belt* as a new dimension of the Chinese economic diplomacy, a paradigm shift of the Chinese foreign policy at large, and a source of new external drivers for internal development.

Key words: Silk Road Economic Belt, USA, Xinjiang Uyghur Autonomous Region, Central Asia.

- 61 **A discord among the jihadists: ideological struggle between Al-Qaeda and ISIS — Kamal Gasimov**

In his article, the expert of the Center for Strategic Studies under the President of Azerbaijan, Kamal Gasimov studies a split among the jihadists and dissects the new *Al-Qaeda* propaganda piece.

Key words: Al-Qaeda, Daesh, terrorism.

- 83 **Is ISIS a new participant in the chemical warfare? — Anton Utkin**

A United Nations inspector in Iraq and author of Russian chemical weapons destruction technologies, Anton Utkin attempts to estimate whether fears that Daesh might create chemical weapons are grounded.

Key words: Syria, WMD, chemical weapons, Daesh.

- 95 **Internet of things: virtual welfare and real risks** — *Alexandra Kulikova*

Back in 2008-2009 the amount of devices connected to the Internet outnumbered the world population. We stand witness to digitalization of our ecosystem. Alexandra Kulikova, Coordinator of PIR Center Program “*Global Internet Governance and International Information Security*”, studies the new phenomenon and its possible implications for our everyday lives.

Key words: *IoT, ICT, cybersecurity.*

C O M M E N T A R Y

- 113 **The DPRK nuclear program: a strategic deadlock?** — *Andrey Lankov*

A leading specialist in Korean studies Andrey Lankov contemplates about why the prospects for the North Korean nuclear issue resolution remain vague despite largely similar positions of the key stakeholders.

Key words: *DPRK, China, USA, Republic of Korea, nuclear program.*

- 121 **Silk Road Economic Belt: Serious Project, Serious Questions** — *Timur Shaymergenov*

Deputy Director of the Library of the First President of Republic of Kazakhstan — The Leader of the Nation, Timur Shaymergenov offers a Kazakh view of the major infrastructure project of our times and reflects upon the key factors that may affect its implementation, as well as on the prospects of its linking with the Eurasian Economic Union.

Key words: *Silk Road, China, Kazakhstan, Eurasian Economic Union.*

- 127 **European security and the OSCE prospects, a view from Baku** — *Gulshan Pashayeva*

Deputy Director of the Center for Strategic Studies under the President of Azerbaijan, Gulshan Pashayeva reflects upon the history and future of the OSCE, its long-due reform and prospects of frozen conflicts settlement.

Key words: *OSCE, reforms, Nagorny Karabakh.*

- 135 **Open Data: the Dark Side** — *Ivan Begtin*

Open data is a key instrument of public control. To guarantee their accountability and transparency, NGO demand public authorities to publish more and more data, starting from procurement information to personal records of citizens. Apart from self-evident pros there are a number of hidden dangers to this openness. Director of *Information Culture* Ivan Begtin talks about the dark side of the open data and different ways to handle the problem.

Key words: *open data, public procurement, data security.*

I N T E R N A T I O N A L R E V I E W

- 141 **The *iSi* International Security Index in July-October 2015: Now going deeper when you've hit the bottom** — *Galiya Ibragimova,*

Evgeny Buzhinsky, Dayan Jayatilleka, Sergio Duarte, Pal Dunay, Nikolay Zlobin, Halil Karaveli, Andrey Kortunov, Abdulaziz Sager, Evgeny Satanovsky, Farkhod Tolipov, Nandan Unnikrishnan, Mustafa Fetouri

Temporary improvement of the international security caused by the Iranian nuclear deal was reversed as the situation deteriorated over the escalation in the Middle East and strengthened Daesh influence. Members of the International Expert Group analyze the global situation and try to find grounds for optimism.

Key words: *Islamic State, Syria, Ukraine, international security.*

N E W B O O K S

- 153 *Grace Mitchell, Oleg Shakirov, Alyona Makhukova and Galiya Ibragimova — PIR Center staff members and interns offer their reviews of the latest additions to the PIR Center Library.*

L E T T E R S T O T H E E D I T O R

- 161 **In response to Vladimir Orlov's and Andrey Baklitskiy's articles —** *Deputy Foreign Minister Sergey Ryabkov, Board Member at Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Vyacheslav Trubnikov and Chairman of the Executive Board of PIR Center Evgeny Buzhinsky share their views on nonproliferation and arms control.*
- 168 **The IAEA General Conference outcomes: the decline of nuclear energy? —** *Chairman of the International Union of Veterans of Nuclear Energy and Industry Victor Murogov on the bleak prospects for nuclear energy.*

S U M M A R Y

A B O U T T H E A U T H O R S

P I R C E N T E R

P I R C E N T E R A D V I S O R Y B O A R D A N D I T S W O R K I N G G R O U P

I N T E R N A T I O N A L E X P E R T G R O U P

E N D . Q U O T E

- Cov.III **On the art of thinking clearly**

Бегтин Иван Викторович — директор, учредитель АНО *Информационная культура*. Один из ведущих российских экспертов в области открытых данных (Open Data) и открытого государства (Open Government). Автор общественных проектов: *ГосЗатраты*, *Школа открытых данных*, *Школа информационной культуры*, *Хаб открытых данных*, *Открытая полиция*, *Понятный русский язык*, *Цифровое сохранение*. Состоит в ряде Экспертном совете при Правительстве Российской Федерации, Общественном совете при Федеральном Казначействе, Общественном совете при Росстате, Общественном совете при Минкомсвязи России, Совете по Открытым данным при Правительственной комиссии по координации деятельности Открытого правительства, Экспертном совете по контрактным отношениям при Минэкономразвития России. Комитете гражданских инициатив. Представитель международной организации Clarity International в России. Посол Open Knowledge Foundation в России. В 2011 г. стал лауреатом премии в области общественно-политической журналистики Власть N4. В 2012 г. — лауреатом премии *pressЗвание* в номинации *Зона особого внимания*. Автор многочисленных публикаций в области открытого государства, государственных и муниципальных расходов и открытых государственных данных.

Бужинский Евгений Петрович — Генерал-лейтенант запаса, канд. воен. наук. Один из самых опытных военных дипломатов и экспертов России. В Вооруженных Силах с 1968 г. Окончил Военный институт, Военную академию имени М.В. Фрунзе. В 1976–1992 гг. проходил службу на различных должностях офицера Генерального штаба, в 1992–2009 гг. — в Международно-договорном управлении Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны России. В 2002–2009 гг. — начальник Международно-договорного управления, заместитель начальника Главного управления международного военного сотрудничества Министерства обороны РФ. В 2009–2015 гг. консультант, старший вице-президент ПИР-Центра. С апреля 2014 г. председатель Совета ПИР-Центра. С 2010 г. — постоянный лектор Международной Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности. С 2013 г. — лектор совместного образовательного курса ПИР-Центра и МГИМО «Нераспространение ОМУ». С 2009 г. по н.в. — заместитель

генерального директора АО «Концерн радиостроения «ВЕГА». Член Российского совета по международным делам. Сфера профессиональных интересов: контроль над вооружениями, военно-политические аспекты международной безопасности, вопросы региональной и глобальной безопасности, нераспространение ядерного оружия, военное использование космоса, отношения Россия-НАТО, российско-американские отношения. Адрес электронной почты: buzhinsky@pircenter.org

Воскресенский Станислав Сергеевич — заместитель Министра экономического развития России. Окончил в 1998 г. Российскую экономическую академию имени Г.В. Плеханова по специальности международные экономические отношения. В 1995–1999 гг. — занимался вопросами налогообложения в российских и иностранных аудиторских компаниях. 1999–2004 гг. — финансовый директор в структурах, осуществляющих работы в области специального подземного инжиниринга и строительства. 2004–2008 гг. — референт, заместитель начальника Экспертного управления Президента Российской Федерации. 2008–2012 гг. — заместитель Министра экономического развития Российской Федерации. 2012–2014 гг. — заместитель полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. С 19 августа 2014 г. — заместитель Министра экономического развития Российской Федерации. Руководитель рабочего секретариата российской части Межправительственной Российско-Китайской Комиссии по инвестиционному сотрудничеству. Руководитель Рабочей группы по продвижению экономических интересов России в Азиатско-Тихоокеанском регионе при Правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции.

Габуев Александр Тамерланович — руководитель программы *Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе* в Московском Центре Карнеги. В 2007 г. окончил бакалавриат Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, по направлению «история Китая»; в 2009 г. — магистратуру; в 2013 г. — НИУ *Высшей школы экономики*, по специальности — *фондовые рынки и инвестиции*. Был заместителем главного редактора журнала *Коммерсантъ-Власть* и членом редакционной коллегии ИД *Коммерсантъ*. В 2007 г. работал в *Коммерсанте* в качестве корреспондента, отвечающего за освещение политики России в Азии и странах СНГ, а также роли крупных национальных компаний во внешней политике РФ. Входил в президентский пул Дмитрия Медведева. А. Габуев был приглашенным членом в Европейском совете по международным делам, читал курсы по энергетической политике и политической культуре Китая в МГУ им. М. В. Ломоносова. Является одним из молодых лидеров Мюнхенской международной конференции по безопасности (2011), а также членом Совета по внешней и оборонной политике. Член Экспертного совета ПИР-Центра с 2015 года.

Гасымов Кямал Тофик-оглы — эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджанской Республики. Выпускник факультета востоковедения Бакинского государственного университета. В 2007–2008 гг. обучался в Кувейтском университете. С 2013 г. эксперт Центра стратегических исследований при президенте Азербайджанской Республики. Участник между-

народных конференций по вопросам исламоведения и востоковедения. Выпускник Международной Летней Школы ПИР-Центра по проблемам глобальной безопасности (2013). Автор научных статей по ближневосточной проблематике и переводов книг современных мусульманских мыслителей. Сфера научных интересов: история и историография классического ислама, исламские политико-правовые концепции, теория и методология исламского права, исламские общественно-политические движения.

Денисов Игорь Евгеньевич — старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО (У) МИД РФ. Выпускник социально-экономического факультета Института стран Азии и Африки МГУ. В 2001–2002 гг. проходил стажировку в Высшей школе управления коммуникациями Университета Минчжуань (Тайбэй, Тайвань). Эксперт Российского совета по международным делам. Сфера научных интересов: внешняя политика КНР, социально-политические проблемы Китая, российско-китайские отношения, проблемы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Адрес электронной почты: iedenisov@mail.ru

Ибрагимова Галия Ринатовна — кандидат политических наук. Защитила диссертацию в Университете мировой экономики и дипломатии (Ташкент, Узбекистан) по специальности *политические проблемы международных проблем и глобального развития*. В 2010–2015 гг. — консультант ПИР-Центра. Выпускница магистратуры отделения международной журналистики факультета международных отношений УМЭД. В 2008–2009 гг. прошла интенсивный курс по программе MBA в Узбекско-японском центре развития людских ресурсов с присвоением международной степени Project Management Professional (PMP). Участница ряда международных конференций по вопросам региональной безопасности в Центральной Азии. Выпускница Международной летней школы по проблемам глобальной безопасности 2008 г. Сфера научных интересов: региональная безопасность в Центральной Азии, информационная безопасность, влияние информационной пространства на формирование нового мирового порядка. Адрес электронной почты: ibragimova@pircenter.org

Келин Андрей Владимирович — директор Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел Российской Федерации. В 1979 году окончил МГИМО. Владеет английским, французским и нидерландским языками. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Награжден орденом Дружбы и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Почетный работник МИД России. В системе МИД с 1979 года. Имеет большой опыт работы на различных должностях в центральном аппарате Министерства и его загранучреждениях. Работал в Нидерландах, Швейцарии, Бельгии. В 1995–1998 гг. — начальник отдела в ДОС. В 1998–2003 гг. — заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО. В 2003–2005 гг. — заместитель директора ДОС, в 2005–2011 гг. — директор Четвертого департамента стран СНГ. В 2011–2015 годах — Постоянный представитель Российской Федерации при ОБСЕ. С 21 сентября 2015 года — директор Департамента общеевропейского сотрудничества.

Куликова Александра Владимировна — координатор программы Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность ПИР-Центра. Магистр наук в области управления медиа и коммуникациями, Лондонская школа экономики и политических наук (2013 г.). В настоящее время фокусируется на исследованиях в области глобального управления интернетом, государственной и корпоративной политики в области защиты прав человека, вопросов приватности и защиты персональных данных в киберпространстве, международных киберстратегий. Принимала участие в работе исследовательской группы LSE Media Policy Project в качестве научного ассистента (2012–2014 гг.). Выпускница Московского государственного лингвистического университета (2005 г.) кафедры межкультурной коммуникации по специальности *Теория и практика преподавания иностранных языков и культур* (английский, французский, испанский). В 2006 г. проходила стажировку в Дирекции языковой политики Совета Европы (Страсбург, Франция). В 2007–2012 гг. выпускала RBCC Bulletin, ежемесячный деловой журнал Российско-британской торговой палаты. Адрес электронной почты: kulikova@pircenter.org. Фейсбук: alexandra.kulikova.790

Ланьков Андрей Николаевич — профессор Университете Кукмин в Сеуле. Окончил Восточный факультет ЛГУ. Стажировался в Университете имени Ким Ир Сена (Пхеньян). Кандидат исторических наук. Преподавал историю Кореи и корейский язык в ЛГУ и Австралийском Национальном Университете. С 2004 г. профессор Университета Кукмин. Основные научные интересы связаны с политической и социальной историей КНДР. Автор ряда книг по истории КНДР.

Лендертсе Антье — получила магистерскую степень по специальности *средневековая и новая история, романские языки, экономика, философия* в Кельнском университете (1989 г.). Работает в МИД Германии с 1990 г. В 1992–1993 гг. работала в Главном политическом отделе. В 1993–1997 гг. служила в посольстве Германии в Москве. В 1997–1999 гг. работала в отделе Объединенных Наций. В 1999–2005 гг. — в референтуре прессы, с 2002 по 2005 гг. занимала пост заместителя официального представителя МИД Германии. В 2005–2006 гг. работала в посольстве Германии в Лондоне. В 2007–2009 гг. была заместителем главы дипломатической миссии в посольстве Германии в Хельсинки. В 2009–2012 гг. возглавляла референтуру Западных Балкан. В 2014–2015 гг. была Уполномоченным МИД Германии по странам Восточной Европы, Центральной Азии и Кавказа, получила статус посла. В феврале 2015 г. возглавила рабочую группу по подготовке председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г.

Мостинская Ольга Сергеевна — главный редактор журнала *Индекс Безопасности*. 2003 г. окончила Московский государственный лингвистический университет, изучала лингвистику и межкультурную коммуникацию. В 1999–2000 гг. была вольным слушателем факультета социологии и антропологии Universite Libre de Bruxelles (Бельгия). В 2005–2015 гг. работала в Министерстве иностранных дел России, завершила службу в должности советника Департамента лингвистического обеспечения. Адрес электронной почты: mostinskaya@pircenter.org

Мурогов Виктор Михайлович — профессор Государственного технического университета атомной энергетики, заместитель генерального директора МАГАТЭ (1996–2004). Одновременно с января 1996 г. по сентябрь 2003 г. был руководителем Департамента по ядерной энергии МАГАТЭ и главным менеджером Программы № 1 МАГАТЭ «Ядерная энергетика, топливный цикл и ядерная наука»; с 2000 г. — руководитель Международного проекта *ИНПРО*, созданного в МАГАТЭ по инициативе Президента РФ. С 2008 г. назначен директором Международного центра ядерного образования МИФИ (Москва). Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Адрес электронной почты: vtmurogov@terphi.ru

Пашаева Гюльшен Мамедали кызы — заместитель директора, Центр Стратегических Исследований при Президенте Азербайджанской Республики (ЦСИ). Окончила Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова в 1983 г., кандидат филологических наук, доцент. С 1988 по 2001 гг. преподавала в различных государственных и частных университетах Азербайджана, руководила НПО *Центр по исследованию конфликтов* (1995–2001 гг.). До прихода в ЦСИ в 2009 г., в течение восьми лет работала в Миссии ООН в Азербайджане, являлась национальным координатором регионального проекта ЮНИФЕМ (ныне ООН-Женщины) *Женщины за предотвращение конфликтов и создания мира на Южном Кавказе* (2001–2006 гг.), а также сотрудником Департамента Общественной Информации ООН (2007–2009 гг.). Специализируется в области урегулирования конфликтов и вопросов безопасности, гендерной и языковой политики. Является автором более 90 публикаций.

Рябков Сергей Алексеевич — заместитель министра иностранных дел Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол. В 1982 г. окончил МГИМО МИД СССР. С этого же года на дипломатической службе. В 1995–1999 гг. — начальник отдела ОБСЕ Департамента общеевропейского сотрудничества Министерства иностранных дел Российской Федерации. В 1999–2001 гг. — старший советник посольства России в США, в 2002–2005 гг. — советник-посланник посольства России в США. В 2005–2008 гг. — директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ. С августа 2008 г. — заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации. Член редакционной коллегии журнала *Индекс Безопасности*.

Стапран Наталья Валерьевна — кандидат исторических наук. Директор Российского центра исследований АТЭС при РАНХиГС, доцент кафедры Востоковедения МГИМО. Член Ассоциации японоведов России. Член Экспертного совета при президенте РФ по подготовке и проведению мероприятий «Группы двадцати». Член Российского национального комитета Азиатско-Тихоокеанского совета сотрудничества по безопасности (РНК АТССБ). Член Академии Высшего образования Великобритании. Научные интересы Стапран Н.В. касаются интеграционных процессов и экономического взаимодействия в Азиатско-Тихоокеанском регионе, политики в области развития человеческого капитала и образовательного сотрудничества.

Трубников Вячеслав Иванович — член дирекции Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, старший научный сотрудник

Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН. Член Совета ПИР-Центра. Член Международного клуба *Триалог*. Генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный посол, заслуженный сотрудник органов внешней разведки Российской Федерации, Герой Российской Федерации. В 1967 г. окончил МГИМО МИД СССР с дипломом референта по странам Востока. С 1967 г. работал в разведке. С 1973 г. член Союза журналистов. С января 1996 г. по май 2000 г. — директор Службы внешней разведки России. С 2000 по 2004 г. — первый заместитель министра иностранных дел РФ и специальный представитель (в ранге федерального министра) Президента РФ в странах СНГ. С 2004 по 2009 г. — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Индии. Член Российского Совета по международным делам. Член Комиссии Евроатлантической инициативы в области безопасности (EASI). Член Научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации. Имеет правительственные награды: два ордена Красной Звезды, орден *За заслуги перед Отечеством* IV степени, нагрудные знаки *Почетный сотрудник госбезопасности* и *За службу в разведке*, Почетная грамота Президента РФ (7 июля 2009 г.), медали, иностранные награды.

Уткин Антон Юрьевич — заместитель Главы города Лыткарино. Выпускник Саратовского высшего военного инженерного училища химической защиты. Окончил аспирантуру Российского химико-технологического Университета имени Менделеева, школу MBA при Университете г. Антверпена в Бельгии, Дипломатическую Академию МИД РФ. Кандидат химических наук. Инспектор ООН в Ираке. Автор российских технологий уничтожения химического оружия.

Шаймергенов Тимур Тулегенович — заместитель директора ГУ *Библиотека Первого Президента Республики Казахстан — Лидера Нации*. Предыдущая должность: заведующий аналитическим сектором Ситуационного центра Совета Безопасности Администрации Президента Республики Казахстан. Кандидат политических наук. В 2005–2006 годы — научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований, Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан. В 2006–2010 годы — помощник Заместителя Председателя Мажилиса, Парламент Республики Казахстан. В 2010–2011 годы — консультант Аналитического отдела Совета Безопасности, Администрация Президента РК. В 2009–2014 годы проходил образовательные программы для руководящего состава по вопросам стратегии в Школе государственного управления им. Дж. Кеннеди Гарвардского университета, Школе бизнеса Колумбийского университета, Школе бизнеса им. Саид Оксфордского университета, Уортонской школе Пенсильванского университета, а также обучался в Национальной школе администрации при правительстве Франции и Школе углубленных международных исследований Университета Джонса Хопкинса. Автор более 80 научных публикаций и ряда монографий. В 2006–2010 годы — член редакционного совета журнала социально-политических исследований *Центральная Азия и Кавказ* (Швеция).

ПИР-ЦЕНТР

(по состоянию на 20 ноября 2015 г.)

Андрей А. **Баклицкий**, директор программы *Россия и ядерное нераспространение*

Умат **Аслан**, стажер

Евгений П. **Бужинский**, к.в.н., генерал-лейтенант, председатель Совета

Олег В. **Демидов**, консультант

Дмитрий Г. **Евстафьев**, к.п.н., член Совета

Вячеслав А. **Зайцев**, главный бухгалтер

Альберт Ф. **Зульхарнеев**, директор

Галия Р. **Ибрагимова**, к.п.н., консультант

Наталья И. **Калинина**, д.м.н., член Совета

Дмитрий А. **Ковчегин**, консультант

Вадим Б. **Козюлин**, к.п.н., старший научный сотрудник, член Совета

Александра В. **Куликова**, координатор программы *Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность*

Василий Ф. **Лата**, д.в.н., генерал-лейтенант, консультант

Евгений П. **Маслин**, генерал-полковник, член Совета

Владимир А. **Мау**, д.э.н., член Совета

Алена В. **Махукова**, стажер

Владимир А. **Орлов**, к.п.н., советник и член Совета

Дмитрий В. **Поликанов**, к.п.н., член Совета

Галина Д. **Рассказова**, бухгалтер

Максим В. **Старчак**, консультант

Екатерина А. **Степанова**, д.п.н., член Совета

Вячеслав И. **Трубников**, генерал армии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, член Совета

Юрий Е. **Федоров**, к.и.н., член Совета

Александра В. **Чепелева**, координатор базы данных

Елена В. **Черненко**, к.и.н., член Совета

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 ноября 2015 г.)

Айнхорн Роберт, старший научный сотрудник, Брукингский институт, Вашингтон, США (с 2007 г.)

Академия ОБСЕ, Бишкек, Киргизия (с 2010 г.)

Антипов Сергей Викторович, д.т.н., заведующий отделом, Институт безопасного развития атомной энергетики РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Арбатов Алексей Георгиевич, д.и.н., академик РАН, руководитель, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2004 г.)

Ахтамзян Ильдар Абдулханович, к.и.н., доцент, кафедра международных отношений и внешней политики России, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Баев Павел Кимович, к.и.н., проф., Международный институт исследований проблем мира, Осло, Норвегия (с 2007 г.)

Барановский Владимир Георгиевич, д.и.н., проф., академик РАН, директор, Центр ситуационного анализа РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Барзегар Кейхан, директор, Институт стратегических исследований Ближнего Востока, Тегеран, Иран (с 2015 г.)

Васильев Виктор Львович, Полномочный представитель Российской Федерации при Организации Договора о коллективной безопасности, Москва, Россия (с 2015 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики им. акад. Е. И. Забабахина (ВНИИТФ), Российский федеральный ядерный центр, Снежинск, Россия (с 1999 г.)

Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (ВНИИЭФ), Российский федеральный ядерный центр, Саров, Россия (с 2002 г.)

Волчинская Елена Константиновна, главный специалист по информационному праву, Фонд «Центр инноваций и информационных технологий», Федеральная нотариальная палата, Москва, Россия (с 2015 г.)

Воронков Владимир Иванович, к.и.н., Постоянный представитель, Постоянное представительство Российской Федерации при международных организациях в Вене, Вена, Австрия (с 2009 г.)

Воронцов Александр Валентинович, к.и.н., заведующий отделом Кореи и Монголии, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2013 г.)

Габуев Александр Тамерланович, руководитель программы «Россия в Азиатско-Тихоокеанском регионе», Московский Центр Карнеги, Москва, Россия (с 2015 г.)

Готтемюллер Роуз, заместитель госсекретаря США по вопросам проверки и соблюдения соглашений по контролю над вооружениями, Вашингтон, США (с 1994 г.)

Данилов Дмитрий Александрович, к.э.н., профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом европейской безопасности, Институт Европы РАН, Москва, Россия (с 2011 г.)

Дворкин Владимир Зиновьевич, д.т.н., генерал-майор (в отставке), главный научный сотрудник, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2003 г.)

Демидов Олег Викторович, консультант, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2015 г.)

Джонсон Ребекка, д-р, директор, Институт *Акроним*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Дханапала Джаянта, посол, президент, Пагуошское движение ученых, председатель Совета Университета ООН, Коломбо, Шри-Ланка (с 2004 г.)

Елеукинов Дастан Шериазданович, д.ф.-м.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Республики Казахстан в Королевстве Швеция, Стокгольм, Швеция (с 1994 г.)

Есин Виктор Иванович, к.в.н., проф., генерал-полковник (в отставке), консультант Командующего ракетными войсками стратегического назначения, Министерство обороны РФ, Москва, Россия (с 2002 г.)

Женевский центр политики безопасности, Женева, Швейцария (с 2005 г.)

Институт стратегической стабильности, Москва, Россия (с 2005 г.)

Загорский Андрей Владимирович, к.и.н., заведующий отделом разоружения и урегулирования конфликтов, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2014 г.)

Кибароглу Мустафа, заведующий кафедрой, кафедра политологии и международных отношений, Университет МЕФ, Стамбул, Турция (с 2013 г.)

Кириченко Элина Всеволодовна, к.э.н., руководитель, Центр североамериканских исследований, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 1994 г.)

Ковчегин Дмитрий Алексеевич, независимый эксперт, Москва, Россия (с 2015 г.)

Кожокин Евгений Михайлович, д.и.н., профессор, проректор по научной работе, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2003 г.)

Краснов Алексей Борисович, начальник управления, Управление пилотируемых программ, Федеральное космическое агентство, Москва, Россия (с 2003 г.)

Лаверов Николай Павлович, д.г. -м.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Ладыгин Федор Иванович, генерал-полковник (в отставке), советник генерального директора, Авиационная холдинговая компания *Сухой*, Москва, Россия (с 2002 г.)

Лебедев Владимир Владимирович, заместитель руководителя департамента, Департамент внешнеэкономических и международных связей, правительство Москвы, Москва, Россия (с 2000 г.)

Лукацкий Андрей Викторович, консультант по информационной безопасности, компания *Cisco*, Москва, Россия (с 2014 г.)

Лукьянов Федор Александрович, председатель Президиума, Совет по внешней и оборонной политике (СВОП), Москва, Россия (с 2010 г.)

Лысенко Михаил Николаевич, к.ю.н., заведующий кафедрой «Международные отношения», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия (с 2004 г.)

Льюис Патриция, д-р, директор по исследованиям, *Chatham House*, Лондон, Великобритания (с 1994 г.)

Маргелов Михаил Витальевич, вице-президент, АК «Транснефть», Москва, Россия (с 2002 г.)

Медриш Михаил Абрамович, директор, Фонд содействия развитию интернета «Фонд поддержки интернет» Москва, Россия (с 2015 г.)

Международная жизнь, журнал, Москва, Россия (с 2010 г.)

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ, Москва, Россия (с 1994 г.)

Мостинский Сергей Борисович, советник президента, ОАО «Группа Е4» (с 2015 г.)

Мурогов Виктор Михайлович, д.т.н., профессор, Государственный технический университет атомной энергетики, Обнинск, Россия (с 2009 г.)

Мурсанков Сергей Геннадьевич, Москва, Россия (с 2010 г.)

Мюллер Харальд, д-р, проф., член совета, Институт проблем мира, Франкфурт, Германия (с 1997 г.)

Мясников Евгений Владимирович, к.ф. -м.н., директор, Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2011 г.)

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия (с 1994 г.)

Наумкин Виталий Вячеславович, д.и.н., проф., член-корр. РАН, научный руководитель, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия (с 2014 г.)

Никитин Александр Иванович, д.п.н., проф., директор, Центр политических и международных исследований, Москва, Россия (с 1994 г.)

Пархалина Татьяна Глебовна, к.и.н., заместитель директора, ИНИОН РАН, директор, Центр по изучению проблем европейской безопасности ИНИОН РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Пономарев-Степной Николай Николаевич, д.т.н., проф., академик РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Поттер Уильям, проф., директор, Центр изучения проблем нераспространения им. Дж. Мартина, Мидлберийский институт международных исследований, Монтерей, США (с 2014 г.)

Радчук Александр Васильевич, к.т.н., советник начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ, Москва, Россия (с 2009 г.)

Рауф Тарик, директор программы по контролю над вооружениями и нераспространению, Стокгольмский институт исследования проблем мира, Стокгольм, Швеция (с 2013 г.)

РНЦ Курчатовский институт, Москва, Россия (с 2002 г.)

Рогачев Илья Игоревич, директор, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Рыбаченков Владимир Иванович, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии, Долгопрудный, Россия (с 2000 г.)

Рыжов Юрий Алексеевич, д.т.н., академик РАН, президент, Международный инженерный университет, Москва, Россия (с 2014 г.)

Савельев Александр Георгиевич, д.п.н., заведующий отделом стратегических исследований, Центр международной безопасности, ИМЭМО РАН, Москва, Россия (с 2002 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2004 г.)

Сафранчук Иван Алексеевич, доцент, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2015 г.)

Сачков Илья Константинович, генеральный директор, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2014 г.)

Синайский Александр Сергеевич, д.п.н., проф., секретарь Совета министров обороны государств — участников СНГ, Москва, Россия (с 2014 г.)

Сиринционе Джозеф, президент, Фонд Плаушерс, Вашингтон, США (с 2004 г.)

Скуассони Шэрон, директор и старший научный сотрудник программы «Предотвращение распространения ядерного оружия», Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США (с 2015 г.)

Солтание Али Асгар, советник вице-президента Ирана и главы Организации по атомной энергии Ирана, Тегеран, Иран (с 2015 г.)

Сумский Виктор Владимирович, д.и.н., директор, Центр АСЕАН при МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тимербаев Роланд Михайлович, Чрезвычайный и Полномочный Посол, д.и.н., профессор, Москва, Россия (с 2010 г.)

Толорая Георгий Давидович, д.э.н., проф., исполнительный директор, Российский национальный исследовательский комитет БРИКС, Москва, Россия (с 2013 г.)

Тренин Дмитрий Витальевич, к.и.н., директор, Московский центр Карнеги, Москва, Россия (с 2002 г.)

Тузмухамедов Бахтияр Раисович, к.ю.н., проф., судья Международного уголовного трибунала по Руанде, советник, Управление международного права, Конституционный Суд РФ, Москва, Россия (с 2001 г.)

Убеев Алексей Вадимович, к.т.н., Москва, Россия (с 2009 г.)

Федоров Александр Валентинович, к. ф.-м. н., эксперт, Москва, Россия (с 2001 г.)

Федоров Валерий Валериевич, к.п.н., генеральный директор, Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия (с 2011 г.)

Феоктистов Дмитрий Валериевич, заместитель директора, Департамент по вопросам новых вызовов и угроз, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия (с 2011 г.)

Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2002 г.)

Якушев Михаил Владимирович, вице-президент, Корпорация по установлению имен и номеров Интернета /ICANN по России, Восточной Европе, СНГ, Москва, Россия (с 2014 г.)

Якушкин Дмитрий Дмитриевич, директор по связям с общественностью, Управляющая компания *Руссдрагмет*, Москва, Россия (с 2014 г.)

Ярных Андрей Юрьевич, руководитель стратегических проектов, Лаборатория Касперского, Москва, Россия (с 2015 г.)

РАБОЧАЯ ГРУППА ПО МЕЖДУНАРОДНОЙ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ГЛОБАЛЬНОМУ
УПРАВЛЕНИЮ ИНТЕРНЕТОМ ПРИ ЭКСПЕРТНОМ
СОВЕТЕ ПИР-ЦЕНТРА

(по состоянию на 20 ноября 2015 г.)

Волчинская Елена Константиновна, главный специалист по информационному праву, Фонд «Центр инноваций и информационных технологий», Федеральная нотариальная палата, Москва, Россия (с 2012 г.)

Демидов Олег Викторович, консультант, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зинина Ульяна Викторовна, советник по развитию законодательства и регулированию *Microsoft Russia*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Зиновьева Елена Сергеевна, старший преподаватель, кафедра мировых политических процессов, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Каберник Виталий Владимирович, начальник отдела, Управление инновационного развития, МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия (с 2012 г.)

Касенова Мадина Балташевна, профессор, кафедра международного частного права, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия (с 2013 г.)

Куликова Александра Владимировна, ответственный секретарь, координатор программы «Глобальное управление интернетом и международная информационная безопасность», ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2014 г.)

Левава Ирина Юрьевна, руководитель отдела стратегических разработок, Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК), Москва, Россия (с 2012 г.)

Лукацкий Алексей Викторович, консультант по информационной безопасности, компания Cisco, Москва, Россия (с 2012 г.)

Пискунова Наталья Александровна, руководитель проекта, Международный форум по ядерному страхованию, Москва, Россия (с 2013 г.)

Романов Андрей Георгиевич, заместитель директора, Координационный центр национального домена сети Интернет, Москва, Россия (с 2013 г.)

Сачков Илья Константинович, генеральный директор, *Group-IB*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Тодоров Леонид Львович, генеральный менеджер, Ассоциация администраторов национальных доменов Азиатско-Тихоокеанского региона, Москва, Россия (с 2012 г.)

Федоров Александр Валентинович, эксперт, Москва, Россия (с 2012 г.)

Черненко Елена Владимировна, заведующая отделом внешней политики, Издательский дом *Коммерсантъ*, Москва, Россия (с 2012 г.)

Якушев Михаил Владимирович, вице-президент, Корпорация по установлению имен и номеров Интернета *ICANN*, Москва, Россия (с 2012 г.)

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА

(по состоянию на 20 ноября 2015 г.)

Абишева Мариан Асафовна, руководитель Службы международных и национальных проектов Библиотеке Первого Президента РК — Лидера Нации, Астана, Республика Казахстан (с 2015 г.)

Аргуэльо Ирма, основатель и руководитель, Фонд нераспространения во имя глобальной безопасности, Буэнос-Айрес, Аргентина (с 2010 г.)

Бужинский Евгений Петрович, к.в.н., генерал-лейтенант, председатель Совета, ПИР-Центр, Москва, Россия (с 2010 г.)

Джаятиллека Дайан, посол, профессор, Университет Коломбо, Коломбо, Шри-Ланка (с 2008 г.)

Дуарте Сержио, посол, высокий представитель Генерального секретаря ООН по вопросам разоружения (2007–2012), Белу-Оризонте, Бразилия (с 2012 г.)

Дунай Пал, директор, Академия ОБСЕ в Бишкеке, Будапешт, Венгрия (с 2010 г.)

Злобин Николай Васильевич, президент, Центр глобальных интересов, Вашингтон, США (с 2014 г.)

Каравели Халил, руководитель проекта по Турции, Институт по изучению Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса, Анкара, Турция (с 2010 г.)

Кортунов Андрей Вадимович, к.и.н., генеральный директор, Российский совет по международным делам, Москва, Россия (с 2006 г.)

Макгетланенг Сехларе, д-р, директор, Программа государственного управления и демократии, Южноафриканский институт африканских исследований, Претория, ЮАР (с 2012 г.)

Сагер Абдулазиз, основатель и председатель, Исследовательский центр Залива, президент, Sager Group Holding, Джидда, Саудовская Аравия (с 2012 г.)

Санай Мехди, доктор политологии, Чрезвычайный и Полномочный Посол, посольство Исламской Республики Иран в Российской Федерации (с 2011 г.)

Сатановский Евгений Янович, к.э.н., проф., президент, Институт Ближнего Востока, Москва, Россия (с 2006 г.)

Толипов Фарход Фазилович, к.п.н., директор негосударственного научно-образовательного учреждения *Билим карвони (Караван знаний)*, Ташкент, Узбекистан (с 2010 г.)

Тян Чун-Шэн, профессор, заместитель директора, Китайская ассоциация экономических исследований России и Центральной и Восточной Европы, Пекин, КНР (с 2011 г.)

Унникришнан Нандан, вице-президент, старший научный сотрудник Центра по международным вопросам, Фонд *Observer*, Дели, Индия (с 2010 г.)

Фетоури Мустафа, независимый исследователь, Триполи, Ливия (с 2013 г.)

Эггерт Константин фон, журналист, Москва, Россия (с 2006 г.)